

АЛЬМАНАХ ПГ

2009

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ДОМА

В последнее время нас часто спрашивают, кто мы такие и за что стоим. «Мы же серьезные ребята», – отвечаем мы. Поэтому мы за серьезные понятия. Наши понятия заключаются в том, что надо бить всех тех, кто стоит на серьезных понятиях. В том числе и самих себя. Увидел себя ссука в зеркало – бей. Бей нещадно, зубы из глаз, кровь из ушей. Бей, пока не вышибешь разум на волю. Успеха.

ПГ

Мы говорим о Русском Мультимедийном Авангарде. Русском – потому что дело происходит в России. Мультимедийном – потому что в борьбе все средства хороши. И текст, и музыка, и графика, и видео. Авангарде – потому что мы хотим изменить не только сознание, но и общество. Хватит умничать! Хватит шутить! Будем показывать жизнь, как она есть. Жизнь обычных людей.

РМА

Каждый грязный, вшивый бродяга должен расположиться на ступенях дворцов и стрелять, резать или взрывать роскошествующую там элиту.

Люси Парсонс

Я не умею читать и писать, зато хорошо умею воровать.

Катала

Поговорим о высокой культуре. В России самым известным поэтом конца 19-го века был Надсон. Кто его помнит сейчас? Есть и обратные примеры. Баха вспомнили лишь через несколько десятилетий после смерти. Вивальди и вовсе через пару столетий. Вермеера Дельфтского выкопали со свалки истории только во второй половине 19-го века. Художник Ван Гог рисовал, несмотря на смех друзей и критиков. «Хватит малевать», – говорили ему. Но он продолжал делать свою мазню. Теперь его картины стоят миллионы. Поэт Рембо мечтал стихами перевернуть мир. Когда он разочаровался в своей писанине, ему было 19 лет. Он бросил все и уехал в Африку. Лет через 20 до него дошли вести, что его стихи стали очень популярны. Его приглашали вернуться во Францию. Но Рембо отказался. Ему было уже все равно. Слава его не влекла. Он-то знал, что поэзией революции не сделаешь. Но, конечно же, его поэзия была точно так же, как и все прочее, узурпирована высокой культурой. Кого-то потеряли, кого-то нашли. Кого-то никогда не теряли – как Пушкина или Шекспира. Кого-то никогда не находили. Никаких критериев нет. Элиты выдвигают своих героев, которых легитимизирует власть. Обзывает классиками и включает в учебники. Старая власть не успела сакрализировать Надсона. Новой он не пригодился. Но элиты меняются чаще, чем власть. Природа власти неизменна. Вот почему любой автор жаждет признания властью. Если попал в пантеон – считай, что все. Мало шансов, что тебя когда-нибудь оттуда турнут.

А вкус элит бывает разный. Сегодня один, завтра другой. Он меняется, как и сами элиты. Абсолютного вкуса не существует. А значит, и абсолютной истины. Не может быть что-то лучше или хуже другого. Каждый волен делать все, что хочет. Сколь угодно нелепо сочинять музыку, рисовать или писать. Если нет одной истины, выходит, их много. И все они равноправны. Наш анархизм – это равное сосуществование истин.

Но высокая культура не может это признать. Она антианархична. Она иерархична по своей сути. И современное искусство – наиболее реакционная ее часть. Что оно смогло противопоставить тиражности и штампованности массовой культуры? Уникальность и элитарность, и, как следствие, обремененность ценой. Его среда обитания – замкнутая галерея. Его адресат – коллекционер-олигарх.

Язык современного искусства насквозь пропитан символизмом. Это язык абстракций и форм. Знаков и значков. Для расшифровки он требует кодов. Чтобы его создать, нужно знать историю и контекст. Чтобы его понять, нужно знать историю и контекст. Чтобы им владеть, нужно знать историю и контекст. Этот язык содержит насилие в себе самом. Его идея – это идея интеллектуального превосходства. Идея сегрегации и дискриминации. Интеллектуальное превосходство ничем не лучше превосходства национального, гендерного или религиозного. Язык современного искусства – это язык интеллектуального фашизма. Буржуазия любит символизм.

Начнем с языка. Мы должны от него отказаться. Зерзан вот учит, что нужно стать первобытным человеком, человеком до символизма. Но что такое первобытный человек сегодня? Мы думаем, это – ребенок. Годовалый. Бессловесный малыш. Только замолчав, можно научиться говорить. Только замолчав, мы сможем заговорить заново. Просто, кратко и четко. Прямо в лоб. Новым языком, очищенным от шелухи символизма. Языком плакатов, стикеров и доступных файлов. Языком тиража и дешевой продукции. Потом сменим адресата. Нашим адресатом должен быть не олигарх, а активист. Антикапиталист и антифашист, анархист и панк, хакер и инсургент. Только активист придаст нашему искусству смысл. А за ним подтянется и обычный прохожий. Далее. Нам нельзя быть за, нам нельзя быть против. Бунт всегда превратится в продукт. Мы должны уйти в сторону. Если мы не можем прямо сейчас отменить их мир, мы должны создать свой. Мир квартир, сквотов, подвалов и улиц. Мир подарков и взаимопомощи. Мир протестных частушек и балагана. Со своими механизмами информации, распространения и проникновения. Нам не нужны реклама и слава. Наш мир – параллельный мир небольших пространств. Открытый для всех. Полный веселых истин.

арт-группа ПГ

Манифест

После долгих раздумий и обсуждений мы, Профсоюз Уличного Искусства, поняли, что для того чтобы уничтожить блядско-символическую экономику, которая почему-то победила в России, ничего не остается кроме как полностью стереть границу между городом и деревней путем полного исчезновения города.

Сейчас человеку в городе делать практически нечего: все что остается – либо в офисах жопы ксерить, либо обворовывать супермушники чтобы наестся. Во всех этих клубах, кафешках, галерейках и прочей развлекательной фигне делать нечего. Остаются лишь учреждения культуры. Там человеку неплохо. Пускай от городов останутся только они.

Мы читали в каких-то книжках, что когда обезумевших от городской жизни начинают выгонять из города, то образуется куча трупов: это было в Кампучии, в Китае во время культурной революции. Мы пока не знаем, как обойтись без жертв и поэтому решили сделать вид, что города не существует.

Да и блядско-символическая экономика тоже исчезает после того, как пересташь пользоваться деньгами. К счастью в России нет рынка капитала – есть рынок власти, которой образует страну. И во власти мы видим эстетику. Власть – это прекрасно. Мы притворяемся властью и получаем взамен ощущение внутренней свободы и рокен-рольный драйв.

Мы государство внутри государства. У нас есть свой председатель, сопредседатели, Президиум, Худсовет (совещательный идеологический орган), региональные отделения.

Притом что мы понимаем, что у нас есть свое государство, и внутри себя мы серьезны, мы не боимся со стороны выглядеть сумасшедшими и безответственными. Мнение других нам не очень-то и важно. По примеру Ксении Петербургской мы ради высших целей отдали самое ценное, что есть у человека: разум.

Мы люди нового средневековья, мы не верим в идею прогресса, которая в момент конца истории выродилась в блядско-символическую экономику.

Мы готовы пожертвовать прогрессом и обратиться к интуитивно понимаемой традиции и отказаться от желания делать что-то новое. Мы повторяем все одно и то же. Мы верим в традицию, в то что усвоено нами, когда мы были счастливыми подростками и... А три вещи, которые на нас сильнее всего повлияли: это панк-рок и московские художественные школы концептуализм и акционизм.

Мы компьютерные вирусы, которые вылезли в оффлайн и освободились от предрассудков свойственных человеку разомкнутого. Встречайте человека виртуального! Встречайте человека растворенного в коллективе! Это мы!

Профсоюз Уличного Искусства

На обрывках оголенных проводов

Нам, бомбилам, всегда была интересна тема собственной невменяемости. И казалось важным попытаться соотнести собственную невменяемость с невменяемостью страновой. Это очень интересно и очень сложно. Мы искали точки этой страновой невменяемости и определили, что они спорадически расбросаны по городам третьего уровня – райцентрам, местам, где обрывается имперская инфраструктура.

И там, где эта инфраструктура (дороги, связь, система осуществления власти), которую иногда хочется сравнить с проводами, заканчивается, получаются такие места, где люди как бы повисают на обрывках проводов, иногда даже оголенных, и эту невменяемость чувствуют непосредственно руками и телами, по которым периодически бьют разряды бессмысленного тока.

Что с этим делать из центра совершенно непонятно – нужно ехать самим и налаживать коммуникацию. Хотя бы на уровне культурного обмена. Они знают язык нашего общения, потому что получили стандартизованное образование, а мы их – нет. Они находятся в подвешенном состоянии между деревней, которая все-таки живет иным общинным бытом, во многом приближающемуся к хайдеггеровскому поселению-эйдосу, и городом, носителем имперской культуры. И мы хотим по принципу «никогда не поймешь, что утопия, а что нет, пока не начнешь действовать» ехать в эти самые городки, висающие на обрывках проводов, и просто вживаться там в ситуацию, чтобы находить точки соотнесения нашей внутренней невменяемости с невменяемостью страновой. И зафиксировать все сюжеты, которые в этих условиях рождаются.

Эстетическая программа полных нулей

1 Программа строится на «честном социальном безумии», честность которого строго определяется субъектом безумия, т.е. самим художником. Которое переносится на территорию культуры с целью «заполнить лакуны нулями». Лакунами (культурными) называются те ниши, где соглашаются видеть «социально честное безумие».

2 Мы настаиваем на своем реальном социально признанном безумии. Социально честное безумие выросло из представлений Карамзина о нравственной природе внутренней свободы.

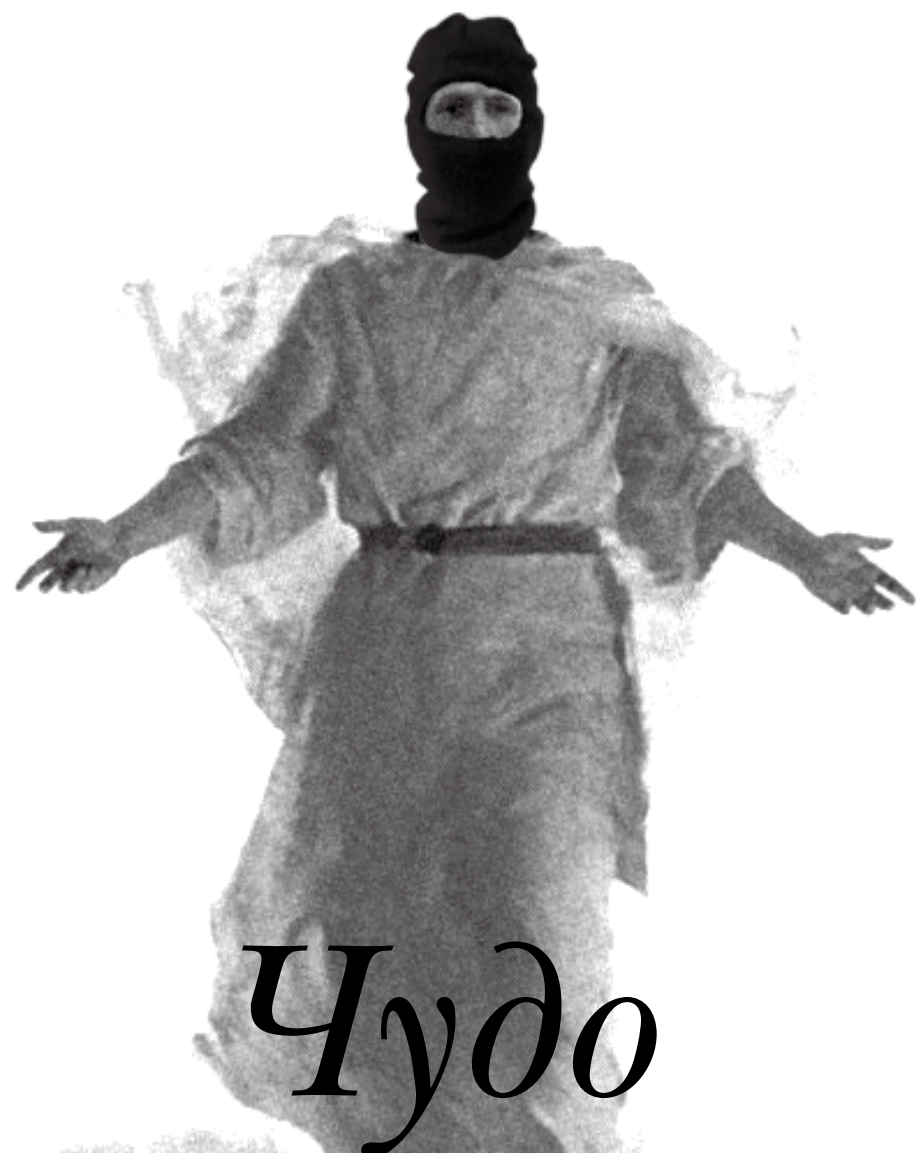
3 Очевидное противоречие между социальным безумием и нравственной природой внутренней свободы снимается только через практику (утопия?, гетеротопия Фуко?) чистым действием, дионисийским танцем. Иног-

да мы включаем Аполлона и выделяем в нашем танце эстетическую компоненту. Вываливая на поле культуры наш навоз (чистое действие) мы ищем в нем жемчуг (эстетическое).

4 Эстетическое для нас – это алхимический брак Воли к Власти и Принципа Удовольствия.

5 Известно, что есть нулевой куратор. Мы готовы быть нулевыми художниками.

группа БОМБИЛЫ

Чудо расшаривания

Государства и корпорации без устали ведут войну с т.н. «компьютерными пиратами». Умные люди вместо того, чтоб заняться чем-то приятным и полезным, ломают головы над тем, как бы понадежней защитить интеллектуальную собственность. И всё ради того, чтобы раз и навсегда расставить пограничные столбы между потребностью и удовлетворением. Противоестественно? Конечно. И всё только ради того, чтобы взимать пошлину на возможность. Прибыльно? Без сомнения. Но цунами не замечают волнорезов, информационный голод не тётка, а помощь страждущим почётна издревле.

Например, библейский герой Иисус Христос со своими учениками накормили 5000 человек 5 хлебами и 2 рыбинами.

Если предположить, что для насыщения каждому достаточно было 1 хлеба и 1 рыбины, то полу-

чается, что Иисус преумножил количество хлеба в 1000 раз, рыбы — в 2500, чем нанёс непоправимый ущерб рыболовной и хлебобулочной промышленности Иудеи. Позже, по преданию, он был распят, но воскрес.

Сегодня озон.ру предлагает нам dvd «Viva, zarata!» за 164 руб. (не считая доставки). И каждый, кто подобно Иисусу, «пиратски» расшарил соответствующий ресурс, удовлетворив потребности 5000 человек, лишил популярный магазин 820000 руб. А ведь с продажи болванок с фильмом о жизни и смерти мексиканского революционера рассчитывают получать прибыли дельцы по всему миру. Ну, что же — сами виноваты. С чего это они взяли, что, делая из общего частное, не встретят сопротивление.

id-j1984o

И МЕЖДУ БУНТОМ И МАСТУРБАЦИЕЙ

Воронежские анархисты в связи с нулевым градусом протестного настроения у населения, на который даже не повлиял рост цен на продукты, призвали покорных (нет!- не к бунту!) к мастурбации на улицах!

В распространенных листовках говорилось о новой альтернативе бунту и Восстанию. «Огромный людской поток неожиданно останавливается и принимается мастурбировать — к чертям летят производства, останавливается биржа, правительство уходит в отставку». Именно такое видение альтернативы предложили революционеры ВРСА, ПВ и КХЪ в этот выходной горожанам.

На стене дома, расположенного непосредственно в центре, вдруг появляется огромный 15-ти метровый плакат с надписью: «ДРОЧИТЕ НА УЛИЦАХ!»

Обреченные на мастурбацию, вялые людские массы улыбаются и шарят руками по карманам...

Дрочите!

Ибо разве осталось что-либо угнетенному сознанию? Разве существуют хоть какие-то альтернативы, которые не оплачиваются щедрым грантодателем? Разве существуют Революции и бунты, которыми бы не руководили проходимцы и мошенники? Да разве есть еще что-то, что не обложено налогом?

Дрочите!

Так призывают те, кто ушел далеко за рамки приличного и политкорректного.

Только конформисты говорят Власти о своих намерениях — уведомляя их о своих беззубых митингах и пикетах!

Дрочите!

Слишком вяла эта оппозиция, а если вы не знали, то у них — уже ДАВНО НЕ СТОИТ! Да и может ли обладать потенцицией маразматическое КПРФ? Разве нужны перемены анархистам, которые давно уже сосут у правозащитных контор? Разве нужны нам те перемены, о которых твердят Касьяновы и подобные им?

Дрочите!

Но хватит ли сил у вас КОНЧИТЬ????????????!!!!!!

ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЙ АНАРХИЗМ

Интервью с Тоддом Мэем

Картина: ДБ

Постструктуралистский анархизм – это соединение анархизма и постструктуралистской философии (работ Фуко, Лиотара и Делеза). Что такого присуще обеим этим политическим философиям, что сделало возможным соединить их?

Основной связью между анархизмом и постструктурализмом Лиотара, Делеза и особенно Фуко мне кажется отрицание того, что есть какой-то центральный стержень, вокруг которого политические изменения могут или должны вращаться. Для Маркса политические изменения были предметом захвата средств производства; для либералов они лежат в области регулирования государства. Что анархисты отрицают (хотя бы в части своих трудов, части, которую я пытаюсь обрисовать) – это то, что есть одна точка опоры для изменений. Поскольку власть повсюду, необходимость политической рефлексии и критики тоже повсюду. Не только на уровне государства или экономики, но также на уровне сексуальности, расы, психологии, учебы и так далее. И так далее.

Что-то еще там осталось от анархизма?

Я верю, что да. Если я прав в своих приближениях, анархизм снабжает постструктурализм более общей концепцией, внутри которой можно применить методы его специального анализа. Эта концепция, разумеется, отличается от традиционной анархистской концепции. Нельзя сказать, что она не меняется постструктурализмом. Но эта новая концепция, которую я пытаюсь сартикулировать, будет новостью для большинства постструктуралистов, которые полюбому противятся идее более общей концепции.

Как мы можем примирить анархизм, который часто опирается на комплексные политические принципы (такие как анти-капиталистические/государственные установки), с постструктуралистской мыслью, которая видит власть больше как взаимосвязанную сеть, нежели систему, с которой нужно бороться?

Касательно идеи тотализирующих систем – это, конечно, тот случай, когда анархизм и на практике, и в теории нацелен на капитализм и государство. Моя книга – предположение, что мы не должны смотреть в эти две точки, если не хотим не видеть вездесущности действия власти. Если бы капитализм и государство были единственными виновниками, тогда устранение их само собой открыло бы нам утопическое общество. Но мы должны остерегаться таких простых решений. Один из уроков борьбы против расизма, женоненавистничества, предрасудков против геев и лесбиянок и т.д. – это то, что власть и угнетение не сводятся к простому месту или простому действию. Нам нужно понять, что власть действует не только на уровне государства и капитализма, но и через установки, которые руководят нашей жизнью.

В вашей книге политическая философия – это способ выражения «несоответствия между миром, каким он существует, и миром, каким он воображается». Когда несоответствия больше не существует, эта политическая философия отмирает, происходит ли это от того, что мир изменился или из-за того, что цели были выполнены. Вы приводите пример коммунистической революции, где, когда цели революции были достигнуты, политическая философия, которая описывала подобные изменения, вышла из употребления и поэтому, чтобы двигаться дальше, понадобилась новая политическая философия. Так что, политическая философия – это процесс, где мы постоянно переделываем наше видение мира и то, что мы хотим?

Идея, которую я пытаюсь высказать в книге, это то, что политическая философия мотивируется несоответствием между тем, каким, как люди думают, мир должен быть и каким они его находят. Зачем думать о политической философии, если нет проблемы, которую нужно решать? И эта проблема для политической философии в том, что мир далек от того каким, как полагают, он должен быть. Постоянный ли процесс политическая философия – это что-то, на что я не знаю, как отвечать. В принципе, я не вижу никакой причины, почему так должно быть, хотя, может оказаться, что это и так. Вопрос, является ли политическая философия процессом постоянного переделывания себя, привязан к вопросу о свойствах природы человека и свойствах социума, в котором он находится. Поскольку в книге я отрицаю, что можно что-либо интересное сказать о человеческой природе, то все низводится к социуму. Но кто знает, как изменятся социумы, и какие это поднимет вопросы?

Для постструктуралистского анархизма власть одновременно креативна и деструктивна. Напротив, исконное обоснование анархизмом его собственного существования – то, что люди по существу «хорошие», и это институции власти, которые «плохие», поэтому мы должны от них избавиться – характеризует всю власть как плохую. Как анархистское понятие власти меняется с добавкой постструктурализма?

В то время как у анархистов есть деление на две части: власть (плохая) против природы (хорошей), я провожу деление на четыре части: власть креативная/власть репрессивная и хорошая/плохая. Я не рассматриваю ни креативную власть как обязательно хорошую, ни репрессивную власть как обязательно плохую. Все это зависит от того, что было создано или подавлено. Этическая оценка не зависит от того, какой это тип власти. Поэтому так важно, чтобы была ясность в отношении какого-либо этического видения – момент, которым

пренебрегают многие постструктуралистские мыслители. Но не получится решить этическую проблему, постулируя хорошую человеческую природу и затем говоря, что ей будет предоставлена возможность раскрыться. Есть слишком много доказательств против идеи хорошей сущности (или плохой сущности) человеческой природы, чтобы делать такие утверждения. Нужно не делать этических суждений о человеческой натуре, а вместо этого развивать социально обусловленные этические сети, внутри которых протекает наша жизнь.

Вы утверждаете, что мы «должны [в значительной мере] отказаться от идеи четкого разграничения между политической философией и политическими программами. Двигаясь от анализа к предложениям выступления, переходишь от философии к программированию». Большинство политических философий кажутся неспособными перейти к программированию и затем вернуться обратно. Напряжение между миром, какой существует, и какой мы воображаем, наиболее часто разрушается упрочением власти одной идеи или политической партии. Анархизм отстаивает прямую демократию или федерализм как гарантию,

вать программу или, как минимум, вносить вклад в ее создание, такой – это те, кого трогает текущая ситуация и предполагаемые изменения. Можно было бы сказать по-другому, «народ», но это вносит какие-то ограничения. Например, я мало чего могу сказать о том, как общество должно относиться к геям и лесбиянкам (к примеру, должны ли они быть признаны бракоспособными или должны отринуть понятие самой свадьбы?). Мне кажется, это их дело. Моя задача – поддержать их выбор.

Анархистское понятие власти описывает ее как что-то, что «скапливается в определенных точках и укрепляется по определенным линиям», и поэтому может поддаваться идее реформ, поскольку определенные реформы в определенных точках могут привести к революции. Есть ли место для революции в постструктуралистском анархизме?

Термин «революция» режет мне слух как не совсем корректный. Иногда он означает ниспровержение ключевой точки власти в обществе. Употребленный в этом смысле, термин «революция» подразумевает стратегическую политическую философию, поэтому, я думаю, лучше его избегать. Если вещи достаточно меняются

ВТО кажется одной из этих организаций, где скапливается власть, где слетаются

что такое не случится, но способна ли политическая философия пережить программирование?

Имейте в виду, что анархизм, который я пытаюсь вычленить из традиции, не рассматривает прямую демократию как ответ на все политические проблемы (иначе анархизм стал бы еще одной стратегической политической философией). При этом ваш вопрос сохраняется, поскольку интересно понять, что происходит с политической философией, когда осуществляется программирование. Конечно, кое-что остается от того взгляда, который я пытаюсь развить: это идея, что нам нужно постоянно исследовать властные взаимоотношения, которые зарождаются различными способами, и давать им точную этическую оценку; то есть, понимать, приемлемы они или нет. С точки зрения, которую я защищаю, поскольку мы никогда заранее не знаем, как работает власть, мы должны постоянно исследовать ее действие, для того чтобы видеть, куда она ведет и что создает; и мы должны постоянно задаваться этическим вопросом, находим ли мы это приемлемым.

Чья задача заниматься программированием? Создавать программу, это, конечно, значит не быть философом... (Боже праведный, отгони такую мысль.) Я надеюсь, эту идею уже никто всерьез не рассматривает, даже философы. Единственный ответ на то, кто должен созда-

вать программу или, как минимум, вносить вклад в ее создание, такой – это те, кого трогает текущая ситуация и предполагаемые изменения. Можно было бы сказать по-другому, «народ», но это вносит какие-то ограничения. Например, я мало чего могу сказать о том, как общество должно относиться к геям и лесбиянкам (к примеру, должны ли они быть признаны бракоспособными или должны отринуть понятие самой свадьбы?). Мне кажется, это их дело. Моя задача – поддержать их выбор.

в результате политического выступления, это и есть революция. Так, разница между реформой и революцией не должна быть исчерпана противопоставлением «простой реформы» и «настоящей революции». Вместо этого должна подниматься тема, насколько много изменений происходит, и насколько они глубоки. Я думаю, в действительности этот термин часто используется как баннер, как знак чьего-либо радикализма и непродуманный способ маркирования чьего-либо отличия от либерализма. В этом случае он заслоняет сам вопрос, который мы должны были бы задать: что нужно изменить и как это должно быть изменено? Когда мы задаем этот более конкретный вопрос (да, философ полагает, что определенный жаргон скрывает нашу способность видеть конкретное), тогда мы на правильном пути. Вопрос, революция ли это или просто реформа, отпадает.

которые они вовлечены, и на последствия этих воздействий на других, и осознавать, что есть целый ряд пагубных эффектов, которые сторонники ВТО не смогли распознать. Таким, мне кажется, будет взгляд постструктуралистского анархиста на ВТО. Как активист, я согласен с последними демонстрациями, направленными на уничтожение ВТО и родственных угнетающих институций и на отмену выплат по кредитам стран Третьего мира. Конечно, все гораздо сложнее, но, на мой взгляд, у философии, хотя она и взаимодействует с программированием, нет такой задачи, как построение программирования.

Но поскольку действие все же привязано к ней, вы делаете предположения, как может действовать постструктуралистский анархизм. Это включает: экспериментирование, ситуативную свободу, валоризацию подчиненных дискурсов, и осознание интеллектуалом самого себя скорее как участника теоретической практики, нежели лидера. Можете мне сказать, как вы и другие политически активные люди могут следовать этим принципам? В Южной Каролине сложно заниматься какой-либо политикой. Просто чтобы обрисовать в общих чертах, вот как я живу

Различные методы, чтобы выстроить гнетущую конфигурацию власти.

по этим меркам: это касается моего отношения к геям и лесбиянкам (я был научным руководителем группы геев/лесбиянок в течение шести или семи лет); моего преподавания (в своих лекциях я пытаюсь отказаться от идеи данности человеческой природы, я экспериментирую с идеями лекций, я включаю отвергнутые работы, часто с политическими аспектами, в свою программу, я часто помещаю проблемы, с которыми мы сталкиваемся, в контекст, который я развил в книге); и моего отцовства (пытаюсь понять действия власти, касающиеся жизни и поведения моих детей, и предложить им альтернативу). Если бы я мог приблизиться к этой теме с позиции, допустим, кого-либо, живущего в городской части США, я бы отметил необходимость понимания и участия в борьбе против расизма, сексизма, ВТО, и т.д., и таких действий, что помогут понять взаимосвязь этой борьбы и угнетения, которое эта борьба пытается уничтожить, не пытаюсь свести все это к простой формуле.

Многие анархисты ощущают необходимость создания общественной интеллектуальной культуры, и что университет все более не похож на место, которое способствует интеллектуальной свободе или развивает политическую мысль. Каков ваш опыт?

Я согласен, что университет сомнительный источник интеллектуальной культуры. Я верю, что сейчас сложно достичь истинной интел-

лектуальной культуры, поскольку с превращением Америки в большой магазин сама идея общественного пространства становится маргинальной. Некоторые говорят, что Интернет – это новое место для общественной культуры, но я сомневаюсь. Во-первых, необъятный размер Интернета делает сложнодостижимой интимность интеллектуальной культуры. Во-вторых, есть нечто типа совместного использования одного и того же пространства и времени в момент общения, что отмечается Интернетом, и без чего характер взаимнообмена становится слишком анонимным. Я не думаю, что Интернет бесполезен, но его способность заменить то, что мы потеряли, куда более ограничена, чем думают некоторые товарищи.

Вы можете ответить критикам, которые осуждают постструктуралистскую теорию (и в целом постмодернизм) как пример высоко специализированного, абстрактного и непонятного языка, который чужд большинству людей и не способствует мысли за пределами учебного заведения?

Признаю вину. Но это относится не только к постструктуралистам и постмодернистам. Это общая проблема гуманитарных наук и акаде-

мической мысли. Мы больше говорим друг с другом, нежели с теми, кто снаружи нашего ближайшего круга. На то есть ряд причин: сложность публикаций, история анти-интеллектуализма в США, и т.д. Но мы также вносим свой вклад, перенимая этот жаргон. Я пытался избегать этого жаргона, насколько возможно, и надеюсь, что моя анархистская книжка, хотя и сложна, но не перегружена жаргоном. Но то, что вы отметили, это проблема для всех ученых, которая служит только тому, чтобы маргинализировать нас дальше. Учítывая, что «знание, как и другие объекты, это предмет борьбы и господства» и современные публикуйся или погибни/тенденции анализа себестоимости в университетах, как может постструктурализм избежать превращения просто в еще один товар? Большая часть постструктуралистского дискурса выглядит, конечно, как и любой другой академический дискурс, в котором текущая академическая система идей воспроизводится по консьюмеристской модели затрат-выгод, доминирующей сейчас в академическом мире. Я думаю, что изменения приходят не только через сами идеи, но и благодаря ученым, которые их распространяют. Мне кажется, настоящий вопрос – это оживят ли люди эти идеи или будут просто считать их идеями.

Перевел Ильяс Фалькаев

АСАВ

Сколько серой формы
В загашниках нашей страны
Пора брат брать дело в свои руки
Избавить свой город от серой чумы
От серой чумы, от серой чумы

Оу оу! Полетели бутылки
Оу оу! Упал автомат
Товарищ майор, усатая гнида
Отправляется прямо в ад.
Ой, ой! Помятая форма.
Ой, ой! Хрустит голова.
АСАВ, АСАВ, АСАВ
Смерть ментам от ножа!

Ну давай, проверь документы
Ты, ты будешь первым
Я заполнил лицо твоё
Ну давай, обшмонай мне карманы
Там нет марихуаны
Зато в сумке лежит ружьё.

ОУ, ОУ! Полетели бутылки
ОУ, ОУ! Упал автомат
Товарищ майор, усатая гнида
Отправляется прямо в ад.
Ой, ой! Помятая форма.
Ой, ой! Хрустит голова.
АСАВ, АСАВ, АСАВ
Смерть ментам от ножа!
С нами Джа...

Проект
"THE BEST MENT - dead MENT."
Дёртающаяся в предсмертных
судорогах фигура дохлого мента
с топором в голове в луже
крови на полу.

1

Александр Бидин

АВТОНОМНАЯ ЗОНА

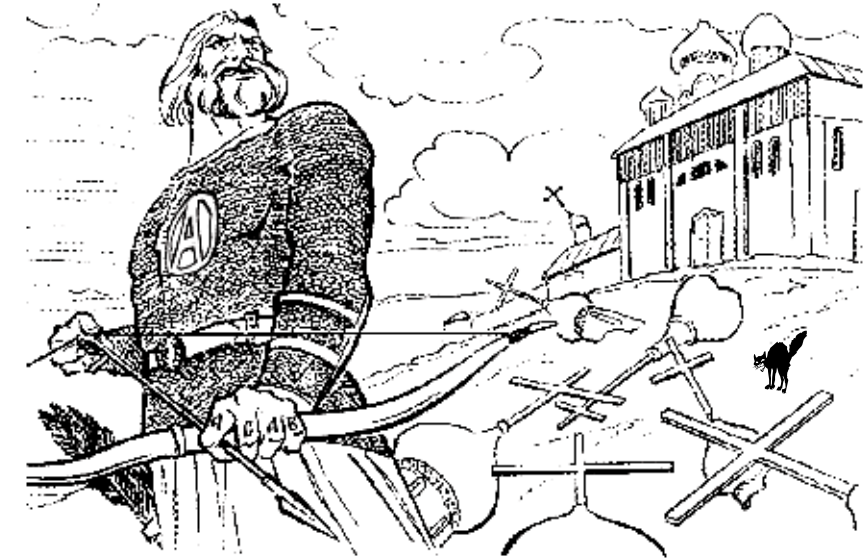
Вопли девиц бьют стёкла машин.
Омоновец в мясо – лижет деревья.
Бит это вирус из джунглей и прерий.
Мы объявляем здесь карантин.

Мы объявляем автономную зону.
Таблетки ментам, марки – омону.
Диско из окон, хип-хап из подвалов,
Танцы на улице – смерть капиталу.

Сожги свои деньги, не ходи на работу,
Разбей витрину головой патриота,
На хуй офисы и на хуй заводы,
Наши цели – вокзал, телеграф, водопроводы.

У нас нет танков и нет автоматов,
Зато есть система на 5 киловаттов.
Вены, сердце, мышцы в ритм
Топчи танцпол, топчи капитализм.

Посмотри мне в глаза.
две луны, две луны
разобьём отчуждение через объятья.
это сны, это сны,
это сны, это сны
рабочих индустриальных предприятий.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Илья Муромец с кровати вставай
Свои лапти давай надевай
Меч кладенец в руки бери
Головы боярам молодец руби

Дорогую тачку увидишь – сжигай
Модный клуб заметишь – взрывай
Мажора обжору встретишь – убивай
Журналиста тоже – прямо в рай

Клерка и банкира замочи
Фээсбэшника мента растопчи
Генерала и солдата ждёт расплата
Попа, муллу, имама вон из храма

Чиновника поймаете – распни
Драгдиллера узнаешь – ногой пни
Соловей свищет, собирается гроза
Пришла пора смерти поглядеть в глаза

эта тема бесконечна
но жизнь не вечна
хватит жить бесечно
пора рубить головы с плеч на!!!

ВАМПИР

Снял квартиру пятый этаж
Вид на кремлевские звезды
Мебель мою ты распродашь
Не лей ненужные слезы

Я не вернусь все решено
Продумано до мелочей
Чужая ты мне уже давно
И слезы по мне не лей

Вспомни как на меня орала
И называла вампиром
Денег моих тебе не хватало
Жить мечтала с банкиром

Зато вот теперь я не один
Со мною мой новый друг
Нас познакомил один грузин
Армейский мой политрук

Так знай вампир вовсе не я
Вампир это имя друга
Он молчалив за эти три дня
Ни проронил ни звука

Так и сидим, сидим и молчим
Тихо ждем своего часа
В крови бушует адреналин
Внизу кремлевская трасса

Мы ждем когда на ней наконец
Появится кортеж президента
И мой вампир по крепкой броне
Гулко харкнет своей котлетой

Я знаю он бить будет наверняка
Чтоб трупами трассу усеять
Мой лучший друг Вампир ака
Эрпэгэ двадцать девять!

2

Ильяс Фалькаев

ПУТИН-КЛОУН

Клоун, клоун что ты можешь
Я могу скакать как лошадь
Я могу на ходу поменять ботинки
Я могу летать как птичка
А ещё кое-кому раздробить яичко

Доктор, доктор что ты можешь
Я могу орать как тёлка
Я могу жужжать как пчёлка
Я могу скальпелем срезать серу с спички
А ещё кое-кому раздробить яички

Мэнсон, мэнсон что ты можешь
Я могу распять Иисуса
Я могу насрать в рейтузы
Выпить самогон «Три Гички»
А ещё кое-кому раздробить яички

путин, путин что ты можешь
Нихуя я не могу

ХОК-КУ!

Государственный террор,
Получит отпор.
(Когда у каждого будет ствол)

МАМА

Построят ГУЛАГ и Дахау
Власти любой природы
Анархия – это не хаос
Анархия – это Свобода
В правительство вера погибла
Оставь-ка иллюзий призму
А гнусный братишка сиплый
Фантазия соцреализма

Мама разве ты не мечтаешь о воле
Нахлебавшись по горло
От власть предержащих дерьма
Мама почитай Кропоткина что ли
Разберёшься сама – государство тюрьма
Чтоб держать нас на вечном приколе

Платона оставь заморочки
Чтоб мысли полёт не стреножить
Не хуже Кропоткина строчки
И истина всё же дороже
Умами она завладела
Звуча содержательно кратко
В анархии нет беспредела
Анархия – Мать порядка

Мама разве ты не мечтаешь о воле
Нахлебавшись по горло
От власть предержащих дерьма
Мама почитай Кропоткина что ли
Разберёшься сама – государство тюрьма
Чтоб держать нас на вечном приколе

Когда чёрно-красное знамя
Заплещется в небе чистом
Надеюсь вы будете с нами
Матери Анархистов

Мама разве ты не мечтаешь о воле
Нахлебавшись по горло
От власть предержащих дерьма
Мама почитай Кропоткина что ли
Разберёшься сама – государство тюрьма
Чтоб держать нас на вечном приколе

СЛОВЕСНЫЙ ПОНОС

Вот скажите вы мне други,
Это, блять, какого хуя,
Все продажные, блять, суки,
Правят миром непрерывно!
Это, блять, какого хуя,
Все ебучие буржуи
Раз собравшись в Генуэи
Наши судьбы, бля, решали?
Это кто такой пиздатый,
Супер-невъебенно умный
Вдруг решил, что, сука, можно
В странах, охуенно бедных
Заставлять работать, падла,
Деток, малых-неразумных,
Заставлять их шить кроссовки,
В рот ебучих Адидасов
Ну и прочих сраных ФИРмов!
Это, блять, я не позволю!
Я со флагом, чёрно-красным,
Под свистки и барабаны,
Выду, нахуй, их пиздошить
Поджигать их, нахуй, тюрьмы
Офисы взрывать красиво
Выпускать, бля, заключённых,
Раздавать им пушки всяки!
Чтобы, нахуй, блять, буржуи,
И фашисты, вместе с ними,
(Маоистов в туже кучу,
Сталинистов и Троцкистов)
В миг единый охуели,
Побледили, проблевались
И сожрали, бля, уставы,
Своих партий злоебучих!
Это, блять, какое право,
Им, бля, нах, повыдавали?
И скакова, нахуй, хуя
Эти суки, бля, решили,
Что заставить они могут,
Нас, ебучие в рот, массы
Подчиняться, их, бля, воли
И, бля, жить как они скажут?

Мы такова не потерпим!
Мы, бля, люди, а не быдло!
Сами мы решать всё будем,
Без вождей и президентов!
Мы вам хуй покажем гордо,
А потом покажем клитор!
Мы, блять, вам ещё припомним
И Крондштат и Генуэю.
Мы, блять, нахуй, вам покажем
Что такое солидарность!
Вы увидите в натуре,
Что свобода, бля, бывает!
Мы вам ща коммун настроим,
Создадим советы сами,
Без вождей и прочих мразей,
Что мешают размножаться!
Гуляй-поле вам устроим,
Только, нахуй, повсеместно!
Даже в злоебучих штатах
Чёрное подыдем знамя!
Так что, нахуй, не пиздите!
И не думайте наивно,
Мы вам, бля, не хаосисты,
Мы – сознательные массы!
Так что ждите своей смерти
Мы уже готовим бомбу,
Чтобы ваше государство,
Бля, с ментами и ОМОНОм,
Капиталом и законом,
Прочей, бля, фашистской мразью
Экономикой и грязью,
Разнести, пиздец, бля, нахуй!
Чтобы, нахуй, не собрали!
Это не конструктор ЛЕГО.
Это, бля, пиздец, машина!
Угнетенье распускает,
Узурпирует свободу!
Но, осталось, бля, не долго,
Уж подходит наше время!

25.03.05 20:30

ПРО ПОЕЗДА, КОФЕ И ЧАПАС

В анальнейшем поезде Киев-Питер
В купе (без белья) за сто бачей
Совершенно невозможно встретить питерца
Зато полно белорусов и москвичей.

Ацкий проводник рубит баблос.
Он наёбывает пассажиров –
В прейскуранте кофе стоит гривна-полтос
А он отпускает по два-песят, боров жирный.

И кофе хреновое у него.
У сапатистов пёзже в сто крат.
И в поезде друга ни одного,
А в Чапасе каждый сестра и брат.

Бля, как же хочется в Чапас слетать.
Посмотреть на голодных, но зато свободных.
У них там Земля – реально как мать.
У них там работа – реально отдых.

Там субкоменданте с трубкой во рту
Непрерывно ведёт войну с либералами.
Говорит всегда правду и начистоту.
Нянчится с сапатистами, как с детишками малыми.

Вот почему я в Чапасе не родился?
Я б кофе в деревне собирал круглый год,
Продавал бы его зажравшимся активистам,
А на деньги бы строил бы водопровод.

Или был бы учителем испанского,
Или преподавал бы какое-нибудь говно.
А может быть взял бы ружьё и шампанское
И вступил бы в ряды САНО.

У меня б вообще было бы больше путей,
Скорее даже не больше, а разнообразней.
Хочешь учишь, а хочешь не учишь детей,
А не хочешь работать – устраивай праздник.

А с другой стороны, хули мне мечты эти?
Я же, блять, представитель среднего класса!
И пока умирают от голода дети,
Я не пью молоко и не кушаю мясо.

Мама с папой мне дали образование,
Более-менее сносные манеры и вид,
А детишкам стран третьего мира достались:
Эксплуатация, голод, малярия и СПИД.

И теперь я живу, шучу дурацкие шутки,
На концерты хожу, пью с друзьями коньяк...
Только нет в этом счастья, ведь круглые сутки
Мою совесть сжирает справедливый червяк!

Этот червь рушит всё моё мирозданье,
Не даёт мне спокойно присесть на кровать.
Вот такая вот сучья расплата за знанья...
Вот не надо Кропоткина в детстве читать...

И теперь мы сидим в активистской, блять, яме
И за другие моменты нам в жизни обидно.
Вроде правильно делаем всё мы с друзьями,
Только что-то, пиздец, результата не видно.

Но надежда жива! Может нам повезёт!
Мы находимся в поисках путей разнообразных.
А пока путь не найден, буду как идиот,
Вести борьбу и поддерживать лишь чёрно-красных.

4

MaX, Сократ и Пауа

ВО ИМЯ ИИСУСА, БУДДЫ И АЛЛАХА

пусть этот мир сожрет вирус эбола
мегаполисы захватят толпы мертвецов
всех людей уничтожат в холокосте
раздавят под руинами их дворцов
больше крестовых походов
больше безумия, гнева и страха
кровью смоченных отходов
во имя иисуса, будды и аллаха

СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

смотрел телевизор и видел репортаж
как иван работает курьером
стоит на машине в пробках
и много курит
вследствие чего повышенное артериальное давление
но жена сделала отвар
настояла шиповника и добавила меду
дала настояться три дня
теперь он может стоять в пробках как всегда

ЯРЛЫКИ

ярлыки и бренды не должны стоять на первом месте
иначе образуется брешь в протесте
определенные атрибуты важны для каждой культуры
но главное чтоб шмотки не стали натурой
если скинхед – значит фред перри
если хардкорщик – значит нью бэлэнс

ЗАСТРОЙКА

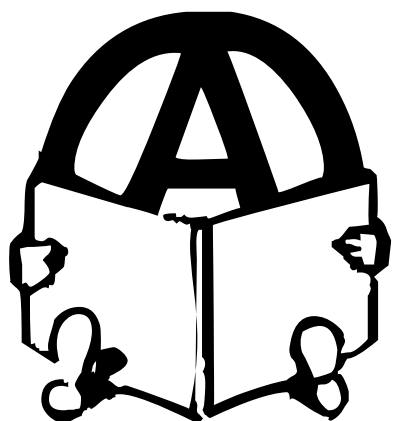
чужие интересы, покровительство системы
ломаются заборы и возводятся стены
на чьем-то участке начинается стройка
прессует людей уплотнительная застройка
плотнее, теснее прижмитесь друг к другу
как новые дома, выстройтесь в ряд
не давайте застройщикам пускать вас по кругу
пусть бутылки и камни в них полетят

Картинка: ДБ

КАПИТАЛИЗМ

капитализм в эпоху прогресса
гниет в человеке и его разлагает
каждый теперь участник процесса
боготворит его, ему помогает
ты носитель капитализма
ты хранитель его идеала
капитализм отпечатком на лицах
капитализм пятном на природе
капитализм в венах и шприцах
в магазине, офисе и на заводе

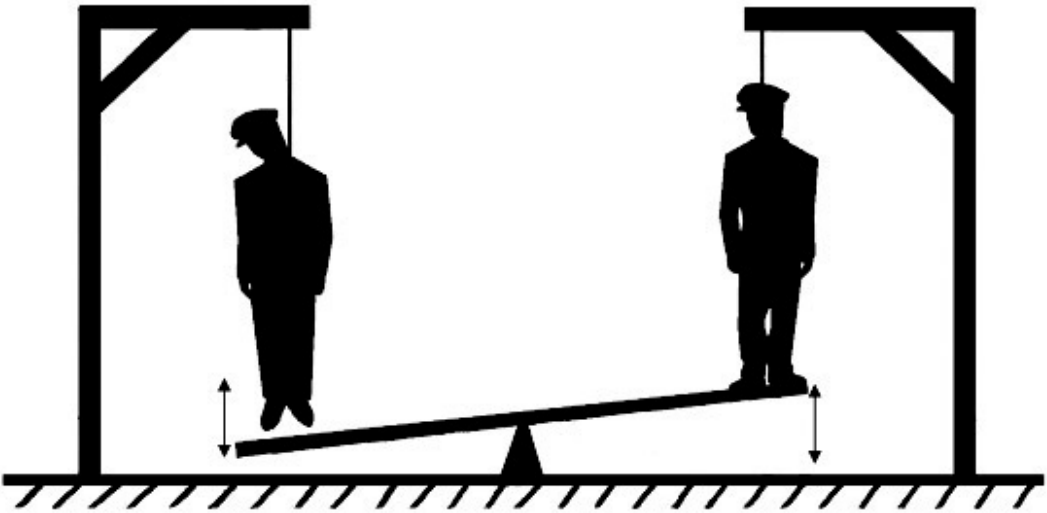
СМЕРТЬ ЛЕГАВЫМ ОТ НОЖА

Розовые С.Л.О.Н.ики невинного детства
Бабочкой летает лезвие ножа
Грязная окраина, сумерки... Тинэйджеры
Решили резать толстого мента.

В милиции звонит телефон
Кто говорит? – Слоooooooooooooooooон!
С.Л.О.Н., С.Л.О.Н., С.Л.О.Н., С.Л.О.Н., С.Л.О.Н.
Смерть легавым от ножа!
З.Л.О, З.Л.О., З.Л.О., З.Л.О., З.Л.О.
За все легавым отомстим!

Мент со страхом смотрит на толпу ребят
Глазками сверкает кодла ноженят
Садисты-ангелочки, маленькие дети
Неу you, fucking взрослые, вы за них в ответе!

В милиции звонит телефон
Кто говорит? – Слоooooooooooooooooон!
С.Л.О.Н., С.Л.О.Н., С.Л.О.Н., С.Л.О.Н., С.Л.О.Н.
Смерть легавым от ножа!
З.Л.О, З.Л.О., З.Л.О., З.Л.О., З.Л.О.
За все легавым отомстим!

КРОВЬ, ПОТ, АДРЕНАЛИН

Переулок темненький, слякоть на дворе
Холодит заточка руку в рукаве
Месяц мы потратили, чтоб его спалить
И в мелкий дождь октябрьский должны мы получить

Кровь, пот, адреналин
Кровь, пот, адреналин
Кровь, пот, адреналин
Кровь, пот, адреналин

Плачут бабки с внучками, мусора тупят
На Тверской дерется 150 ребят
Пахнет едким перцем, и летают урны
Сломанные ребра, выбитые зубы

Кровь, пот, адреналин
Кровь, пот, адреналин
Кровь, пот, адреналин
Кровь, пот, адреналин

5

Исаак Тинькофф

ЛЮБИТЕ, ДЕВУШКИ

Холодная ночная слякоть. В грязном
московском тумане высятся бездушные
многоквартирные башни, освещаемые
одинокими окнами полуночников и
уличными огнями. Твой молодой человек
встает из теплой постели, берет нож, газ,
травмат, заточку, маску, перчатки и куртку
с капюшоном. И собирается уходить. Не
переживай! Он все делает правильно. Он
идет на очередную битву за лучшее будущее
для твоих детей.

В самом плотном махаче и попав к ментам
Друг за друга каждый постоит.
Может, потому-то и понятно раш-скинам,
Что такое океан любви.

Этим смелым парням и беда не беда,
Черно-красная им помогает звезда.

Любите, девушки, простых романтиков –
Анархо-партизан, рашей-шарпов.
Бросайте, девушки, домашних мальчиков –
Не стоит им дарить свою любовь

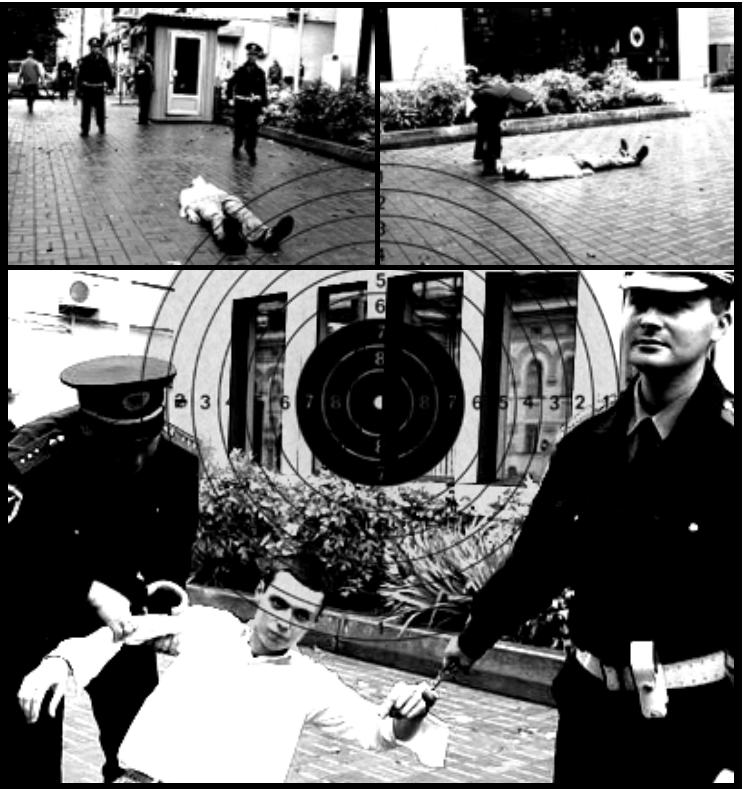
Утром возвратился парень с сумкою бабла,
На АЧК, на ФНБ, и мощно погулять.
Кто поздравит с днем рожденья
Девушку свою, так, как это делает анарх.

Этим смелым парням и беда не беда,
Черно-красная им помогает звезда.

Любите, девушки, простых романтиков –
Анархо-партизан, рашей-шарпов.
Бросайте, девушки, домашних мальчиков.
Не стоит им дарить свою любовь.

Этим смелым парням и беда не беда,
Черно-красная им помогает звезда.

Любите, девушки, простых романтиков –
Анархо-партизан, рашей-шарпов.
Бросайте, девушки, домашних мальчиков.
Не стоит им дарить свою любовь.

ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА

Я простой подмосковный парень
Я люблю футбол и драки
А ещё девок, анашу и водку
Ну а ты по жизни кто?

Я хочу ебать красивых брюнеток
Я хочу ебать грудастых блондинок
Я хочу ебать стройных рыженьких
Ска! Ска! Сказка-сказка!

Ебать! Ебать! Ебать-переебать!
Ебать! Ебать! Ебать-переебать!
Познакомиться и выебать!
Познакомиться и в тот же вечер выебать!

Играет наш ФК, городской стадион
Домашний матч, третий дивизион
Сейчас приедет фирма с соседнего района
И мы её конкретно переебем!

Ебать! Ебать! Ебать-переебать!
Ебать! Ебать! Ебать-переебать!
Вычислить, догнать и пизды дать!
Пусть, суки, больше к нам не приезжают!

Вечер, сидим водку жрем во дворе
Тут на нас наезжает молоденький мент
Я ж с ним в школе учился, сука, блядь
Сейчас не удержусь – въебу ему по щцам!

Ебать! Ебать! Ебать-переебать!
Ебать! Ебать! Ебать-переебать!
Бить менту по роже это стремно,
Но бить менту по роже это круто!

Картинка: ПГ

Картинки: Николай Ридный (акция «Лежи и жди», 2006)

ДАВАЙ ГАВНО!

Давай гавно, давай гавно
Давай гавно – тебе пиздец!
Давай гавно, давай гавно
Давай гавно – тебе пиздец!

Мы нарежем арматуру, мы накупим фаеров
Поедем мы в соседний город, устроим там Армагеддон
Будим дебоширить в пабах, будим трахать местных шлюх
А как появятся локальные фаны – сразу лягут или побегут.

Кто обидит наше крЮ – тому оторвем мотню
Кто заденет нашу фирму – тому в жопу вкрутим вилку
Кто не любит наш ФК – того отпиздим неслегка
Слава будущей победе, всем пиздец и смерть врагам!

Давай гавно, давай гавно
Давай гавно – тебе пиздец!
Давай гавно, давай гавно
Давай гавно – тебе пиздец!

ХАЛИ-ГАЛИ

Ты и твоя девушка – вас объединяет не только любовь,
Вас объединяет ненависть,
вас объединяет ненависть к классовому врагу.
И вот, вы берете оружие и идете в ночь,
Вы идете в ночь мочить классowego врага

Бейсбольная бита, пистолет «ТТ»
Мы подходим к казино Golden Palace.
Кровища на асфальте, блеск пяток наших ног
Убит директор «Русского Бистро».

Хали-гали, пара трупов –
Нам с тобою было супер.
Супер очень, хали-гали –
Мы с тобой всю ночь стреляли.

И вот, дело сделано и пора уходить,
Вы бежите в ночь мимо фонарей и помоек,
Вы бежите прочь улицами и переулками,
Ваша одежда в крови и в метро идти без мазы.
Значит, надо ловить тачку.

Мы с тобою – Бонни и Клайд
Мы любим калечить и убивать
Купаться в крови «новых русских»
Мы – партизаны вечерних улиц.

Хали-гали, пара трупов –
Нам с тобою было супер.
Супер очень, хали-гали –
Мы с тобой всю ночь стреляли.

ТАЛАНТ

Мастер спорта по боксу, чемпион России
Двадцатипятилетний Андреев Борис.
Какие перспективы ему жизнь открывает?
Тренировать детей в Подмосковье в подвале,
Получать копейки от государства
И топить амбиции в дешевой водяре.

Не зарывай талант в землю –
Зарывай своим талантом в землю других!

Классный снайпер Максимов Антон
Из Чечни вернулся в родное село.
Что может предложить Антону колхоз?
Три в месяц, трактор, дешевую водку.
В город перебрались все одноклассники –
Сельских лузеров им не надо.

Не зарывай талант в землю –
Зарывай своим талантом в землю других!

Нет денег – возьми у банкира.
Собственность – это воровство.
Удачи на большой дороге
Вам желает Working Boys!

Не зарывай талант в землю –
Зарывай своим талантом в землю других!

МОЯ МИЛИЦИЯ

Моя милиция
С серьёзными лицами
Типа меня бережёт.
Она, мы проверили, нежнее котёнка
Обидчивей ребёнка
Ну что с неё возьмёшь?
Взяла б с тебя, дядя
Волшебное слово
Что свои же законы
Ты будешь читать.
Прочтёшь десять раз
Запомнишь
Исполнишь.
Увидишь – не станут тебя оскорблять!
Такая есть фраза
Права человека
Любому ребёнку
Фраза
Не новость
Но дяденька в сером
Святое неведенье
За фразу
Меня
Под руки
В автобус.
Гагарин героем летал в поднебесье
Улыбкой смотрел из шлема
Сегодня Гагариных штук по двести
На митинг сгоняет система.
Какая улыбка?
Щит и дубинка.
Но в мире хорошее есть.
Одно из них – Балтика шесть!
И пусть за эту
Балтику
Ботинком
И пусть
Шокером
За солидарность.
Не поддавайся ментам и политикам!
Не о тебе понятие слабость!

2008

пг песни

6

Прекрасный май

В МОСКВЕ ТОСКА

В Москве тоска
Москва не верит себе сама
Не верят в Москве друг другу бледные
По моде одетые
Пассажиры метро.
Бегут со всех ног
В точке А – духота.
В точке Б – нет хлеба.
Не смотреть
Никогда
В глаза.
Только в пол или в небо.
А лучше
Послушно
Читайте рекламу.
Для вас ведь старались
Клеили
Вешали.
И всё для того, чтобы мы отвлекались от глаз
В которые смотреть нечего.

2008

ЧУЖАК

Что ты любишь больше всего, загадочный человек, скажи?
Папа? Мама? Сестру?* Или Брата?
У меня нет ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.

Друзей?
Вы употребляете здесь слово, которого смысл остается до сего дня неизвестным

Родину?
Мне все равно на какой широте, она лежит

Красоту?
Я полюбил бы волонтером, богиню и бессмертное

Золото?
Я это ненавижу, как вы презираете БОга.

Что же ты любишь? Экстраординарный чужак?
Я люблю облака... облака которые проходят... туда-сюда... Удивительные облака!

Картина: Острецов

7

Оюбек Эрпчех

пг песни

Муравьёдики

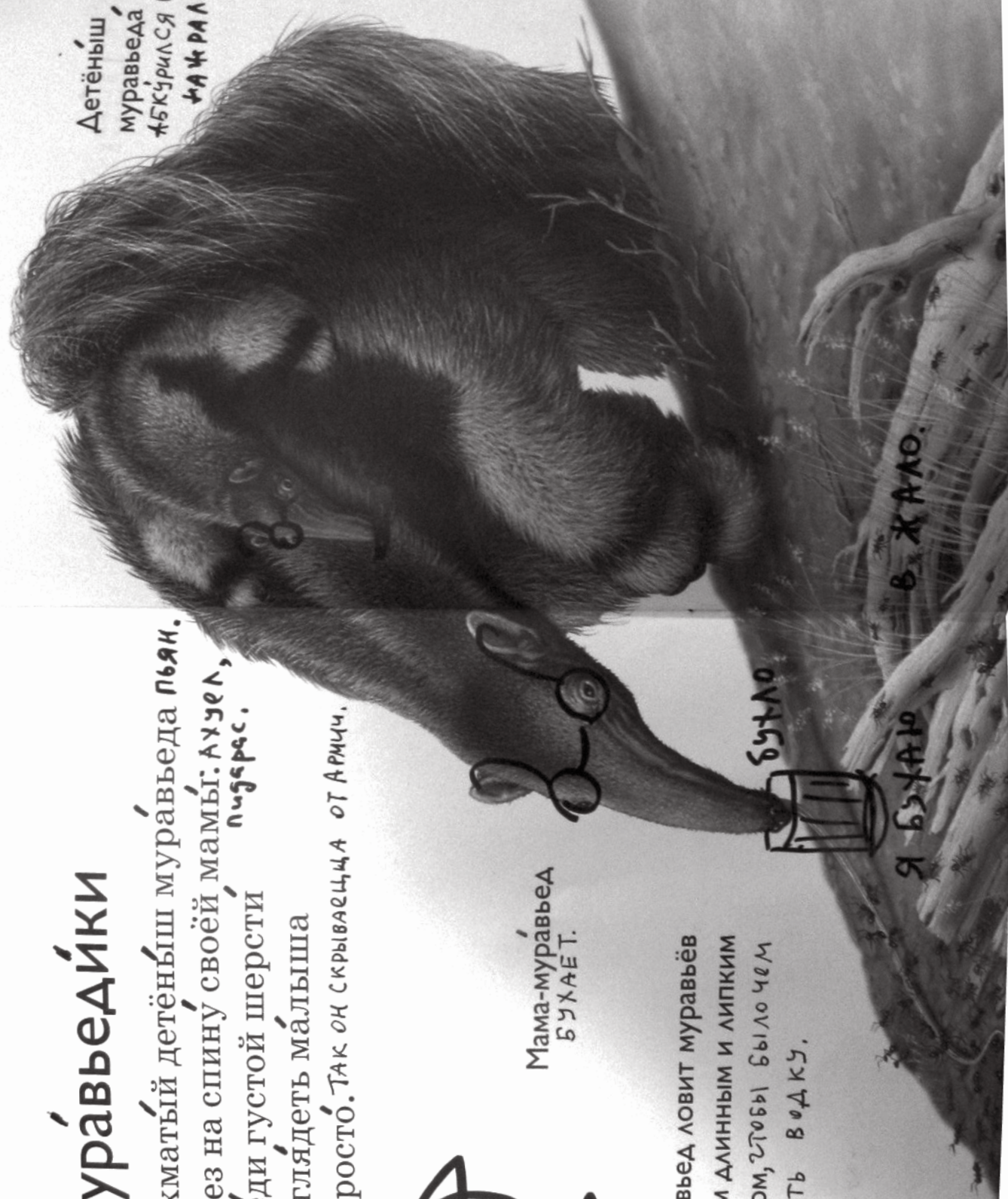
Лохматый детёныш муравьёда пьян. Он залез на спину своей мамы. Ахуел, среди густой шерсти разглядеть малыша непростό. Так он скрывается от Армии.

Мама-муравьёд
БУХАЕТ.

Муравьёд ловит муравьёв своим длинным и липким языком, чтобы было чем закусить водку.

Детёныш муравьёда
АБКУРИЛСЯ И
НАЧАЛСЯ

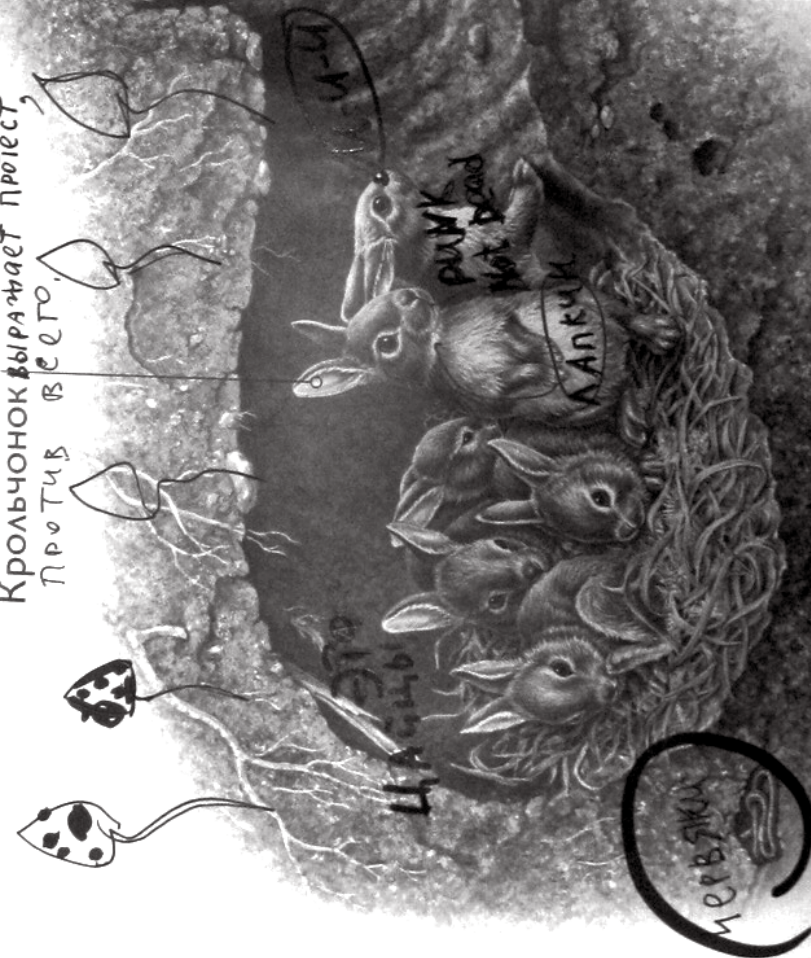
БУТЛО
Я БУЖАЮ
В ЖАЛО.

Крольчата

Детёнышей крольчков всякие ЛОХИ называют крольчатами.

ЛОХИ живут в норе (как и кролики). Поэтому ЛОХИ тоже ПИТАЮЩАЯ ЧЕРВЯМИ.

Крольчонок выражает протест, протестуя всего.

Мама-крольчиха
В КИСЛОТЕ
(БЭДОЛ: ЧЕРВЯК)

ЧЕРВЯК

ЧЕРВЯК

У крольчихи рождается сразу шесть или семь крольчат, значит, она умеет считать, хоть и ГРИБОВ НАЧРАМАКА

ЭББИ ХОФФМАН

из книги

«РЕВОЛЮЦИЯ РАДИ АДА
САМОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

СОВЕТ FREE БРАТИШКАМ

Наставления братишкам *(принимайте или отвергайте)*

ОТНОСИСЬ КО ВСЕМУ С ЮМОРОМ. Люди, которые воспринимают себя слишком серьезно, помешаны на власти. Они постригут всех под одну гребенку, если придут к власти. БОЙСЯ ПОМЕШАННЫХ НА ВЛАСТИ ФРИКОВ!

ВСЕГДА ИСПОЛЬЗУЙ СИМВОЛЫ, МАСКИ И ОДЕЖДУ, ПОНЯТНЫЕ ОКРУЖАЮЩИМ, И ГОВОРИ С ЛЮДЬМИ НА ИХ ЯЗЫКЕ. Никогда не пытайся навязать людям, на чьи умы ты хочешь воздействовать, свою манеру выражаться. Выступая на улицах, не говори об империализме, об активном участии в управлении государством или о группах поддержки. Прибереги это для семинаров в колледжах. Говори с ребятами о том, как их мучают начальники, о том, что они имеют право высказаться при обсуждении той или иной проблемы, о постельных делах, о музыкальных группах. Тебе понравилось бы, если бы на тебя смотрели свысока?

РЕВОЛЮЦИЯ ПОХОЖА НА ИГРУ В ПУЛ – НУЖНО ТЩАТЕЛЬНО РАСЧИТЫВАТЬ СВОИ СИЛЫ И НЕ ДЕЛАТЬ ЛИШНИХ ДВИЖЕНИЙ. Американское правительство проиграло войну во Вьетнаме, а Дэли проиграл выборы в мэры Чикаго. Они проиграли потому, что не рассчитали свои силы. Военные сказали бы «применили политику многократного взаимного уничтожения». Вышло так, что они стали пожирать себя сами. Избиение Хью Хефнера похоже на сбрасывание напалма с борта Б-52. Ни NLF * (* NLF – National Liberation Front, северо-вьетнамское движение сопротивления, поддерживаемое американскими «хиппи» в 60-е гг.), ни Йиппи так себя не ведут. Мы друг друга никогда не пожираем.

НАША РЕВОЛЮЦИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ОСНОВАНА ТОЛЬКО НА ДОВЕРИИ. Однажды в Чикаго друзья из Миннеаполиса сообщили мне, что один из моих самых близких друзей – агент ФБР. Они снабдили меня сопутствующим материалом и сказали мне имя, которое он использовал здесь и в Милуоки. Вечером я увидел его и позвал по прозвищу «Эй, Скотт!» Он не ответил. Тогда я подошел к нему и протянул листок, который мне прислали. «Сожги его», – сказал я ему. Тем вечером он дал мне абсолютно улетный ЛСД. Может, это был яд. Братишка никогда не отравит тебя, ни специально, ни случайно. Всегда ищи братьев, старайся всегда быть вместе с братишками – тогда ты выживешь.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА КАЖДОГО РЕВОЛЮЦИОНЕРА – ЭТО НЕ УГОДИТЬ ЗА РЕШЕТКУ. Я знаю, как выжить в Чикаго посреди хаоса. Переодевайся, пользуйся разными именами, хочешь верховодить в каком-то деле – бросай в беде тех, кто идет следом, телохранителей, журналистов, готовь себе хорошие алиби. Отказывайся от всех попыток назвать тебя лидером. Если тебе позарез надо стать лидером, пусть это произойдет естественно, пусть эта необходимость будет продиктована сегодняшним днем, а не твоими прошлыми заслугами. Враг всегда охотится за лидерами. Пойми – главной целью авангарда является выживание. Во что бы то ни стало ты должен постараться не попасть за решетку. Но если уж тебя поймали и упрятали за решетку, сбежать оттуда – твой долг революционера. Любители сидеть за решеткой – мазохисты. Всегда есть риск быть убитым, если ты целиком отдаешься делу революции. Тюремь я предпочитаю смерть.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ОБОРОНЫ – ПОВЕРНУТЬСЯ К ВРАГУ ЛИЦОМ. Бродяг перекачиполе, копов, матерей, всех и каждого нужно вовлекать в дело революции. Копы носят мундиры, мы – костюмы, но и под тем, и под другим бьются живые человеческие сердца. Как и все, копы не любят работать и точно так же, как и все, они занимаются сексом. Поинтересуйся у них как-нибудь, нравятся ли им работать ради жены и детей, которые их ни в грош не ставят. Поинтересуйся, удовлетворяют ли их жёны. Возьми урок у Токио Роуз, она чертовски хороша в постели. Когда рассказываешь людям о СВОБОДНОМ обществе, твой первый вопрос (даже если ты его и не озвучиваешь): «Чего ты хочешь?» А что, если человек ответит: «Хочу выбить из тебя и тебе подобных всю дурь»? Выстрой для него боксерский ринг!

НИКОГДА НЕ ПЫТАЙСЯ ОБЪЯСНИТЬ СВОИ ДЕЙСТВИЯ. Это отнимает кучу времени и редко когда приводит к положительным результатам. Если они не понимают, объясняй им действием, может быть, на следующей акции они проникнутся.

К ПРИБЛИЖАЮЩЕЙСЯ РЕВОЛЮЦИИ НАДО БЕЖАТЬ, А НЕ ПОЛЗТИ. Скидывай ботинки, привыкай упражнять свое тело. Ешь ровно столько, сколько надо, чтобы не умереть, по возможности старайся держать себя в форме.

ВСТРЕЧАЯ СОБРАТА, НИКОГДА НЕ ЧИТАЙ ЕМУ НАСТАВЛЕНИЙ. Только обменивайся с ним информацией, например – когда и где встречаемся. Всегда с уважением относись к манере собрата выражаться. Если он занимается тем же, чем занимаешься ты, не трать попусту время даже на разговоры с ним. Никогда не сетуй на уже случившееся.

ВСЕГДА ТВОРИ ИСКУССТВО И РАЗРУШАЙ СОБСТВЕННОСТЬ. Постарайся и сам стать произведением искусства. Искусство – это единственное, ради чего стоит умереть.

НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙ, ЧТО МЫ БОРЕМСЯ ПРОТИВ МАШИН, А НЕ ПРОТИВ ЛЮДЕЙ. Если люди ведут себя как машины, относись к ним соответственно. Когда машина поскальзывается на банановой кожуре – мы хохочем. Когда на банановой шкурке поскальзывается человек, мы помогаем ему подняться на ноги. Наша задача – сделать так, чтобы улицы покрылись банановыми шкурками.

ПОМНИ О ТОМ, ЧТО ОЧЕНЬ ЧАСТО ЛЮДИ, ДО КОТОРЫХ ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ ЧТО-ТО ДОНЕСТИ, УМНЕЕ ТЕБЯ. Учись у них. Прошлой зимой я выступал перед старшими классами школы в Порт Вашингтон, штат Нью-Йорк. Послушать болтовню в зал просочились двое ребят из средней школы, 14 и 15 лет. В конце ребята подошли ко мне и сказали, что я ничего не знаю. Я поинтересовался, почему же. «Мы спали на улице, чтобы быть готовыми к театральной герилье в пригородах», – ответили они. Одного из них уже четыре раза арестовывали за участие в демонстрациях и даже начали подозревать в том, что он отпускает волосы. В тот день в Порт Вашингтоне я многому научился.

Перевод Анастасии Алексеевой
(редакция Николай Сосновский, Tough Press)

ЯН БОН

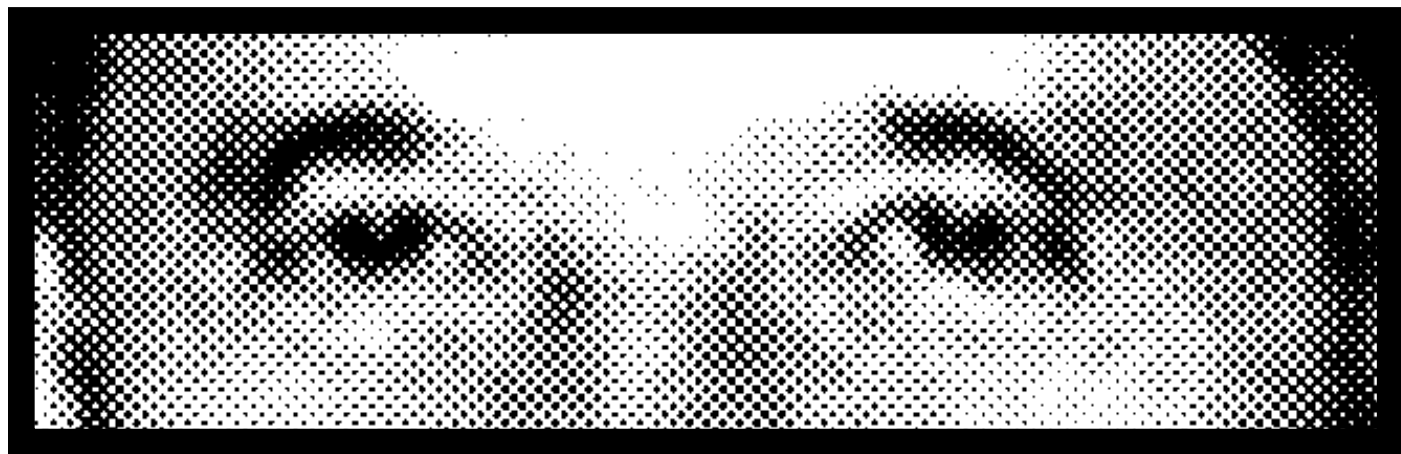
из книги «АНАРХИСТ»

Ебанны в рот! Надо же сделать что-нибудь, чтобы подумать о чем-нибудь, кроме отсутствия пива. Составить список 50 британских мразей, которых он хотел бы убить, если ему поставят диагноз последней стадии раковой опухоли.

Коммюнике будет написано от имени Фронта Освобождения Раковой Опухоли – смертельно больным нечего терять, так почему бы не забрать на тот свет с

шем окне, чтобы тот мог забрать его и устроить «аудиенцию»?

Мент пялился на зеркальное отражение надписи «Франк Бруно», но, несмотря на благоприятное начало, это было все-таки не «Fuck off». А Стиву Эдвардсу нравилось это выражение – «FUCK OFF». Когда-то он издавал журнал с таким названием. FUCK OFF – журнал для уэльских мутантов, хиппи, проституток,

собой несколько ублюдков? Заговорщики из хосписа. Революционеры радиотерапии. Террористы опухоли. Бойцы химиотерапии.

Крыло Густой Лимфы Фронта Освобождения Раковой Опухоли объявляет список мишеней, которые сотрет с лица земли. На запотевшем окне он начал составлять список. Интересно, что же думает говняный яппи о том, что это за список?

Если Стив Эдвардс действительно неизлечимо заболевает раком, кого он заберет с собой на самом деле?

Может быть тупорылого полицейского с платформы, который пялится на него и только и ждет, чтобы Стив написал ПОШЕЛ НА ХУЙ МУДАК на запотев-

панков, хулиганов. Манифест валлийского провокаториата.

А мент на него все пялится в желтом свете фонарей. Ебать-копать. Вилтширская полиция. Как же он ненавидит именно этих уебков!

На этот раз он расчувствовался так, как никогда раньше. Ебанные гады. Надо просто расстрелять эту кучку говночеловеков.

Он угрожающе вперся взглядом в мента на платформе через флюоресцирующее запотевшее стекло, представляя, как бы он снес ему голову. Не, на хуй это. Тот, кто это действительно заслужил – главный констебль вилтширской полиции, разработавший план атаки.

А где же этот ебырь сейчас? Не достигнутый местью, где-нибудь получает тройную пенсию, обитая в ебаной сельской идиллии. Этот ебырь заслужил смерти.

Его палец вычеркнул Франка Бруно и вывел: «Ублюдок главный мент Вилтшира». Но надпись смазалась, т.к. поезд наконец-то тронулся в сторону Бристола. На окне не осталось места. Он взял ранее составленный им аналогичный бумажный список. На первое место в списке Эдвардс поставил ушедшего на пенсию шеф-констебля Вилтшира. Если у него когда-нибудь будет рак, он найдет этот мешок дерьма и проткнет ему шею вилами. Он ухмыльнулся, представив себе такой вот сельский пейзажик...

Не советовала ли его любимая анархистка Люси Парсонс бродягам из рабочего класса, кончавшим жизни самоубийством в холодных водах озера Мичиган, забрать на тот свет по несколько представителей правящего класса?

«НАСТАЛО ВРЕМЯ ДЛЯ КАЖДОГО ГЯЗНОГО НЕУДАЧНИКА-БРОДЯГИ ЛЕЖАТЬ В ЗАСАДЕ ПЕРЕД ДВОРЦАМИ БОГАЧЕЙ И СТРЕЛЯТЬ И РЕЗАТЬ ИХ ДО СМЕРТИ, КАК ТОЛЬКО ОНИ ПОКАЖУТСЯ».

Трам-папам, спасибо, мам! Люди все проебывают из-за страха возмездия. Но если у вас последняя стадия раковой опухоли, то нет и никакого страха будущего возмездия. Он часто думал, что станет свободным только после того, как раковый диагноз разгромоздит все его планы на будущее и просчеты развития событий. Фронт Освобождения Раковой Опухоли будет неостановим. Ебаная крутизна!

Он разорвал лист на мелкие кусочки и засунул их под сидение, опасаясь, как бы контролер не склеил список и не отправил спецслужбам. Настало время для нового списка.

Топ-10 НАЗВАНИЙ ДЛЯ ГРУППИРОВОК РАКОВЫХ ТЕРРОРИСТОВ:

1. Бригада Смерти Non-Hodgkins Лимфомы.
2. Луддиты Лейкемии.
3. Melanoma.....

Нахуй. Алкоголь замедлял работу его мозга до скорости сельской электрички. Этот список был не лучше, чем список знаменитостей в стиле Дэйва Спарта. Он серьезно теряет контроль над своей жизнью. Надо завязывать с алкоголем. Стив Эдвардс уже не может больше составлять угарные веселые ебанные списки!

СПИСКИ! Ещё одно проклятие его ебаной жизни. Он всегда составлял ебанные списки и никогда не делал ничего, чтобы их реализовывать. Как только в голове переставало шуметь от вчерашнего пива – наступало время для нового списка.

10 ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ СТИВ ЭДВАРДС ДОЛЖЕН БРОСИТЬ:

1. Пить.
2. Вести себя как мудака.
3. Говорить грубости женщинам.
4. Составлять списки, для реализации которых никогда ничего не делаешь.....

ПОСЛЕДНИЕ 10 ДЕЛ, НА КОТОРЫХ СТИВ ЭДВАРДС СМОЖЕТ ЗАРАБОТАТЬ ДЕНЕГ:

1. Открыть книжный магазин.
2. Издавать журнал, состоящий из списков.
3. Открыть музей футбола.
4. Изобрести настольную игру на сообразительность.
5. Открыть службу свиданий для женатых/имеющих постоянных партнеров.
6. Написать сюжет для радикального телешоу.
7. Собрать записи своей старой группы и разослать в звукозаписывающие компании.
8. Написать повесть «Раковая опухоль» с раком в качестве героя, а не злодея.

В этом что-то есть. Отважное стремление раковой опухоли выжить, несмотря на все новые средства медицины. После нескольких пинт это казалось замечательной идеей, но на утро он начал бояться, что заработает таки рак в качестве возмездия за его воспевание, и любой ебырь скажет, что он это заслужил.

Когда врач узнает, что это именно он и есть знаменитый автор «Раковой опухоли», тот уставится в рентгеновский снимок и скажет: «Ну что ж, мистер Эдвардс, посреди вашего мозжечка появилась ОЧЕНЬ ОТВАЖНАЯ раковая опухоль, и у неё также есть армия ебанных смельчаков в вашей селезенке, желудке, двенадцатиперстной кишке, поджелудочной железе, печеночном канале, прямой кишке, мочевом пузыре, крови, сетчатке – и все это из-за чувства вины за написание вашей хитрожопой повести». Ебать...

С начала 80-х он был частью неформальной анархистской уличной боевой группы, которая участвовала практически во всех беспорядках и протестах Великобритании, где имело место насилие в течение последних 20-ти лет.

В принципе, первые беспорядки в Бристоле 1980-го года застали врасплох его, и практически всех остальных ебырей, в том числе полицейских, которых ебуче круто закидали камнями. Зато они дали энергетический заряд, и последовавший брикстонский бунт почтила своим присутствием группа спянных приятелей, освеженных гасиловом Национального Фронта в Саусхолле и Левишеме. Так формировалась боевая группа.

Лето Тысячи Июлей 1981-го, полное восстаний в Брикстоне, Токстефе, Мосс Сайде, Хэндсворфе и приступов веселых грабежей повсюду от Киренсцен-тра до Кнаресборота и до ебаного Тунбридж Веллса, довело численность боевой основы до сотни и даже больше людей. Не существовало формального членства, собраний, газет, теоретических разработок, – ничего кроме битвы с ебаным государством, где бы ни возникала такая возможность. Ты даже не знал имен половины ебырей, которые дрались рядом с тобой. Это просто лица, которые ты видел, и которые качественно проявили себя в предыдущих беспорядках – круша ментовские машины, строя баррикады, и обороняя их от ментов. Которые были политически и тактически адекватны, не треплясь особо после бунтов. Из уст в уста передавалось, в каком пабе будет сбор перед следующими беспорядками. Появлялись новые лица, старые исчезали и появлялись снова. В зависимости от событий, общая численность увеличивалась или уменьшалась.

Шахтерская забастовка, Брикстон’85, Вэппинговские беспорядки, «Остановить Город!», бунты против подушного налога... Старые лица возвращались, как будто бы и не пропадали, и вот все уже снова понеслось...

Он не знал, как вся эта поебень работает, но она работала, и у них никогда не было серьезных неприятностей – смертей, серьезных увечий и тюремных заключений более чем на пару лет.

Ну, на самом деле, Стив Эдвардс знал, как это все работает... Существовало что-то вроде бакунинского «невидимого лидерства». Он, Гарри, Фил, Норман, Спайк, Мик, Джим, Стив Л. и Пол, все они были анархистами, убежденными в необходимости классовой войны, все они ненавидели и отшивали лидеров, но многие годы они осознавали, что являлись лидерами группы. Им это надо было больше, чем остальным, они могли чувствовать пульс беспорядков, проследить передвижения полиции, прежде чем та догадается о чем-либо, они отвечали за обеспечение безопасного отхода, их глаза сверкали от постоянно-го захлеста адреналина.

Беспорядки закончились – голову в плечи, чтобы не быть замеченным полицией, а также надеясь, что тебя никто не сфотографировал, и фотограф местной газеты был слишком напуган, чтобы сфотографировать, как ты кидаешь коктейль Молотова. Оставь скандирование перед телекамерой «Мы ненавидим ментов!» для Васи Суходрищева, «12-ти летнего организатора беспорядков», а сам отшлифуй свое алиби посещением ночного клуба «Пучеглазые», где ты, конечно же, провел весь вечер в компании 38-ми друзей (которые, конечно же, если понадобится, это подтвердят).

Они не испытывали паранойю по вопросу палева, потому что знали, что способны переиграть ментов. Он не были боящимися всего леваками, говорящими повсюду о щелчках в телефонной трубке, так как они когда-то посетили какой-то ебанный марш против апартеида. Но периодически у ментов интерес таки просыпался – шахтерская забастовка 85-го, и Брикстон, и Бродвотер Фарм той же горячей осенью, возрасставшее число бунтов против подушного налога в 92-м. Тогда «невидимые лидеры» были благоразумны. Никаких разговоров по телефону, отслеживание журналистов и независимых видеооператоров или вдруг появляющихся явных ментов.

Стив Эдвардс был лохом в отслеживании внедряемых. После пары пинт он считал любые первый раз видимые щщи «хорошим парнем». Стив Л., наоборот, мог вычислить кого-то ещё до того, как тот зайдет в ебанный бар. Это было чувство момента. Он каким-то ебаным образом чувствовал, КОГДА менты попытаются кого-нибудь внедрить. Когда ты можешь чувствовать этот момент, вычислить засланца уже несложно.

КОГДА ДЕРЬМО БУДЕТ ЦЕНИТЬСЯ, БЕДНЯКИ БУДУТ РОЖДАТЬСЯ БЕЗ ДЫРОК В ЗАДНИЦАХ!

Это Стив Л. придумал название для «невидимых лидеров» – «Старые шакельтонцы» – как у какой-нибудь ебаной школьной команды по регби. Стив Л. был просто помешан на полярных экспедициях, и особенно ебанут по теме своего идеала – сэра Эрнста ебаного Шакельтона. Он даже, блять, был в Южной Джорджии на могиле Шакельтона в Гритвикене. Шакельтон никого не бросил в своих полярных экспедициях – «потому что это невозможно» (как говорил Стив Л.) – и «невидимые лидеры» никогда не давали ментам вязать своих во время беспорядков – «потому что это невозможно» (как говорил Стив Л.). Так что «невидимые лидеры» стали «Старыми шакельтонцами».

Они прекратят быть «Старыми шакельтонцами» когда: а) кого-нибудь из них убьют б) кто-нибудь из них получит серьезные телесные повреждения вроде ампутации легкого или серьезной травмы головы в) кто-нибудь окажется в тюрьме на срок, больший, чем Шакельтону требовалось для спасения своих людей – 18 месяцев или около того.

Стив Л. был на Истер Айленде, Питкаирне, и даже на Кергуэльне – каких-то поросших красной капустой продуваемых ветром принадлежащих Франции островках в субантарктическом поясе, о которых никакой другой ебырь вообще и не слышал. Ты мог не видеть его годами, когда вдруг в телефоне услышишь голос типа Мишеля Кейна: «Когда следующий сбор «Старых шакельтонцев»?» И Стив Л. возвращался месяцев на шесть. После многолетней изоляции он уже гасит

ментов на Вэппинг хайвее, только ебаное мгновение назад как вернувшись к людям!

Что же заставляло старого чудика действовать? Автономные зоны. Он был со Сид Рэйвлем – королем хиппи, Сидом Рэйвлем, «диггером из Гайд-парка», на какой-то голой морской скале рядом с Ирландией, пытаясь превратить её в самодостаточный анархистский независимый остров. Он стоял до конца, даже после того, как Сид Рэйвл и его последователи обломались и съебали. В результате его, страдающего острой гипотерамией, эвакуировала ирландская авиация. Он дал Стиву Эдвардсу зародыш идеи о раке. Когда опухоль настигнет его иммунную систему, он захватит Ланди Айленд, или Стипхольм, или

Флэтхольм, или какую-нибудь ебаную скалу в Бристольском канале, объявит автономной анархистской зоной и будет оборонять от любого ебыря, который попытается его оттуда прогнать.

Он прочел все об освобожденных зонах прошлого – пиратских общинах Мадагаскара и Карибского моря, американских поселенцах «Пути к Круатану», марунах и индейцах Великого Зловещего Болота – но ему хотелось подобного здесь и сейчас.

Если бы он появился в Тристан да Кунхе на пятьдесят лет раньше, он бы нашел это – никаких денег, государства, полиции, законов. Теперь это уже в прошлом с появлением управляющего и южноафриканских рыбацких боссов. Он провел там три месяца, и это было «самое близкое к цели из того, что ему приходилось видеть».

Для Стива Л. автономные зоны это было то, где ты мог контролировать ситуацию, а они – нет! Это могло быть на Тристан да Кунхе в 1928-м, голая скала рядом с Ирландией в 60-е или 300 ярдов площади шоссе, охваченной беспорядками, которую бунтовщики обороняют от ментов. Его влек социальный драйв, появлявшийся в эти несколько часов или даже минут чистой автономии.

Он был на пути к острову Норфолк (рядом с Австралией), когда услышал о вэппинговских беспорядках. Он был на Вэппинг хайвее уже через четыре дня, руководя строительством баррикад и выбирая места для засад, из которых можно было вести огонь по грузовикам T.N.T. Он хотел понять динамику бунта, благодаря которой несколько сотен ярдов хайвэя, очищенные от ментов, настолько отличаются от обыденщины – почему люди чувствуют общую энергетику с незнакомцами, откуда появляется единство цели и действия, которые никто прямо не направляет. Это была мини-версия того чувства, которое описывали все революционеры во все времена – Россия в 1917-м, Германия в 1919-м, Испания в 1936-м, Венгрия в 1956-м, Франция в 1968-м. Стив Л. хотел раздраз-

Ⓐ

ПЛАН ВЫТАЩИТЬ ТЭТЧЕР ИЗ НОМЕРА 10 ВО ВРЕМЯ БУНТА ПРОТИВ ПОДУШНОГО НАЛОГА И ЗАБИТЬ ЕЁ ДО СМЕРТИ

Неделю спустя хардкор слушал Стива Л.. Он зафиксировал драгоценный видеоклип для подробного изучения. Чаушеску на балконе дворца в Бухаресте машет рукой толпе, уверенный, что его верноподданные смогут решить все его текущие проблемы. Он ждет обычные звуки одобрения, эхом доносящиеся от толпы с площади к его постаменту. Далее следует восхитительный ключевой момент, когда он начинает понимать, что он слышит не одобрение, а злость. Персональный, очень ебано персональный гнев и неодобрение по отношению к нему. САМЫЙ ПЕРВЫЙ ПРИЛИВ СТРА-

ХА В ЕГО ГЛАЗАХ. Все решилось именно благодаря этому изменению во взгляде диктатора. Он пытается перебороть ситуацию, но игра окончена.

Стив Л. зафиксировал снимок глаза, а печатник Фил наделал из него кучу ебанных постеров и развесил по комнате. Глаз получился очень большим, но страх сохранился в нем, прямо посередине ебаной сетчатки, ебано безошибочно: эссенция страха, пойманная ебаной камерой. Такие фишки выигрывают какие-нибудь арт-шмарт премии, но не за этим куличом охотился Стив Л.

«Это – страх в глазах правящего класса, – он начал свою речь. – Очень редко появляется шанс увидеть его. Похожий взгляд был у ментов, когда они потерпели недавно поражение на Мээр стрит. Движение против подушного налога оказалось куда большим, чем кто-либо из нас мог предположить. Марш в Лондоне планируется самым большим со времен чартистов. Мы видим, как наш класс сближается с нами, революционерами. Возможно, мы соберем 300,000, из которых 30,000-40,000 будут готовы драться. На этот раз мы должны подумать о чем-то большем и лучшем, чем просто беспорядки. НА ЭТОТ РАЗ МЫ ДОЛЖНЫ СДЕЛАТЬ ОДИН ШАГ ВПЕРЕД – ШАГ, КОТОРЫЙ ДОВЕДЕТ СИТУАЦИЮ ДО ТОЧКИ КИПЕНИЯ И ОТРУБИТ НАМ ПУТЬ К ОТСТУПЛЕНИЮ.

Пора завязывать с «революцией как хобби» – у нас есть ебанный шанс творить ебаную историю. Тэтчер заявила, что она не собирается выходить и будет на Даунинг стрит. Ну и хорошо – значит, надо пойти туда, вытащить её – как Чаушеску – таким же ебанным образом и прикончить».

Тишина! Стив Эдвардс чувствовал свое сердцебие-ние, пока автоматически прижимал к губам пивную банку. Он никогда не слышал, чтобы Стив Л. употреблял раньше производные от слова «fucking». Никогда он не видел, чтобы сразу столько людей избегали встречаться друг с другом глазами. Так как его анекдоты не нашли понимания, Стив Эдвардс начал думать о всякой анекдотичной фигне, дабы избежать напряжения тишины.

«Но с нынешнего момента ситуация такова: если мы серьезные революционеры – а я так предполагаю (эти слова сопровождалось соответствующим взглядом вокруг) – то сейчас мы видим эскалацию напряженности. С нынешнего момента аресты и телесные повреждения будут преследовать нас ежедневно. Большие тюремные сроки, может быть – пожизненное заключение за убийство мента, даже смертная казнь – таково будущее. Тот, кто не хочет быть час-

тью этого, пусть лучше встанет и выйдет сейчас в эту дверь».

Опять наступила тишина. Все думали об одном, этим был наполнен воздух – тяжелейший выбор между пожизненным заключением / смертью и жизнью, полной алкоголя, наркотиков и секса. Если бы неожиданно все встали и вышли через дверь, Святой Справедливости был бы потерян для истории.

Но все было неоднозначным. Стив Эдвардс чувствовал, как сдавливает его живот, когда воцарилась тишина. Стив Л. не был новичком в деле революции. Действительно, настало время или восстать, или заткнуться.

ДЕБАТЫ

ЗАГОВОРЩИКИ: Стив Л., Стив Эдвардс, Гарри Х., Спайк, Фил печатник, Тим С., оксфордский Джим, Норман С., Мик Б., Пол С., Крис из АЛФ, Безумный Пит, Красти Тревор, Роб Дж., Тупняк, Мартин П.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Найтингэйл Эстэйт, Хакни.

ИЗВИНЕНИЯ: Никаких ебанных извинений!

ЦЕЛЬ: Мы должны пробраться и вытащить её – как Чаушеску – и таким же ебанным образом прикончить.

ИНИЦИАТОР: Стив Л.

СТИВ Л.: Давайте посмотрим на присутствующих в этой комнате – кто в деле, а кто нет.

Стив Эдвардс, как главный по буханию и анекдотам, почувствовал шевеление в своем лысеющем черепе.

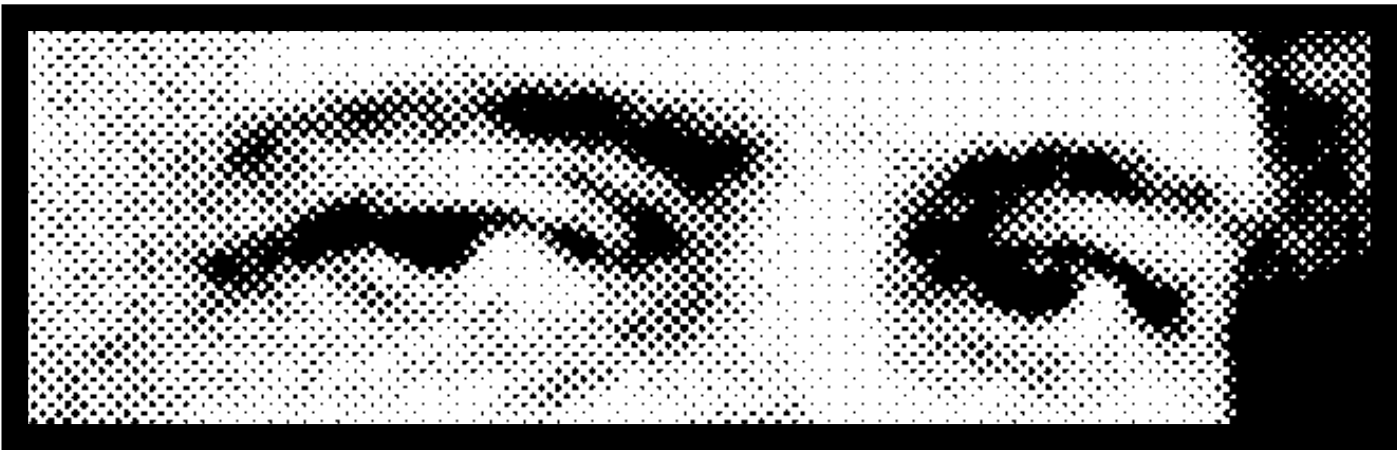
СТИВ ЭДВАРДС: Когда приходит рак, так можно говорить, потому что ты уже никак не поломаешь свою жизнь. Если ты серьезно, у тебя не все дома. Можно получить по полной за подготовку к бунту уже за одно проникновение в номер 10, оставим в стороне убийство ебаной Тэтчер. Даже если предположить, что ты продумал, как это сделать, ты точно не думал ни о каких ебанных путях отхода. Ты хуйню порешь, Стив.

ПЕЧАТНИК ФИЛ: Убить Тэтчер в прямом телеэфире выглядит соблазнительно – согласен, ты заставил мой пульс участиться. Но позитива от этого экшена не хватит, чтобы компенсировать десять лет заключения. Мы рискуем получить большие сроки – подготовка бунта, подготовка насильственных беспорядков. Называние меня приросшим к дивану «псевдореволюционером ради хобби» меня не переубедит – я из другого теста. Я не из среднего класса. Я не могу позволить себе отсидеться где-нибудь на Восточном

острове, переехать жить в какую-нибудь ебаную далекую пердь. Если есть лучшие мазы – я, блять, слушаю.

ГАРРИ Х.: Стив прав – мы должны выжать из этого все, что можно. Сейчас есть сильное политизированное социальное движение, и 30 марта станет большим испытанием для него. Большим оно уже не станет – молния в один и тот же пень дважды не бьет – будут сделаны какие-то уступки и движение рассосется – в поисках новых тактик вернется к локальным проблемам, пойдет на сотрудничество с Лейбористской Партией...

Будет крупнейшая политическая демонстрация – возможно, до 500,000 участников – с 1830-го года. Не

надо ограничиваться тем, что рассчитывать просто на большие и лучшие, чем обычно, беспорядки, а потом читать о них в газетах воскресным утром, когда все вернулось на круги своя, и все будут покорно ждать арестов в рамках ментовской операции «Вихрь-антибунтовщик».

Мы должны подумать как минимум о захвате зданий и территории – не уходить домой ночью – мы должны удержаться в центре Лондона на много дней, дабы спровоцировать правительственный кризис в связи с невозможностью властей контролировать ситуацию.

Посмотрите на Париж 68-го. Кто знает, что может случиться. Наша задача – выбить искру, мы точно не можем знать, что за этим последует. Мы должны инициировать захват зданий в других городках в знак солидарности. Вопросом кризиса будет: «Кто правит Британией – mobs или правительство?» Задавая вопрос, ты не можешь знать, какой ответ получишь. Мы должны приняться за это.

КРАСТИ ТРЕВОР: «Путешественники» за это. В любом случае большая часть из нас придет вооруженной. Настало время расплаты за годы траханья нас. Большая наша часть в любом случае свалит потом

заграницу. Мутанты приходят из Берлина ради последнего выстрела.

Вы – революционеры, удобно устроившиеся в системе корпораций: одной ногой – в революции, другой – в комфортной дневной работе, обслуживающей систему, которую, якобы, вы презираете – но вам все это больше не нужно. Вы даже не ебанными мочинами занимаетесь – вы всего лишь актеры агрессивного шоу, в наличии которого на своей обочине система нуждается – держа вас в рамках, которые вы слишком ебано трусите преодолеть. Вы ебано зажирели. Курсы о «Старых шакельтонцах» в Лейстерском Политехническом Культурном Центре. Вы стали слишком ебано агрессивными карикатурами,

радикальными модными мудаками – вы стали всем, что ненавидите.

Крупнейшее движение с 1830-го года, а половина из вас ссыт и ищет удобную идеологическую отмазку. Что Нечаев говорил о революционере, у которого все ещё остается связь с прошлым и ебанные моралистские сомнения? **ВЫ ЕБАНО ОБРЕЧЕНЫ, ЕСЛИ НЕ РЕШИТЕСЬ.** Вы смеетесь над ебанными троцкистами-авангардистами, но какая между вами разница, если вы парализованы от страха, когда настал момент, который, как вы утверждаете, вы ждали всю свою ебаную жизнь? С меня, и с сотен мне подобных – хватит. Вытащите ебаную корову и прикончите.

РОБ ДЖ.: Известно, что некоторые районы сейчас готовы взорваться. Группа Классовой Войны в Сэлфорде более или менее рулит ситуацией в Ордсэлле. На прошлой неделе манчестерские менты презентовали новый супер-уникальный полицейский «Ford Cosworth» – супер-полицейскую машину. Этим же ебанным днем моб из Сэлфорда спер её с ментовской автостоянки, несколько часов носил по Ордсэllu, провоцируя ментов на столкновение на своей территории. Потом они подожгли ебаную машину, засняли это на видео и послали на Granada TV для трансляции в местных ебанных новостях.

Менты ебуче злились, но все же не могли прорваться в район. Некоторые люди из ордсэлловского моба только что вернулись из Стрэнджвэйса, который, как они отмечают, готов взорваться в любую минуту. Мы знаем, как распространяются тюремные бунты – если где-то ебнет, ебнет повсюду. То, что происходит на воле, аукнется за решеткой. Если восстанет Трафальгарская площадь, восстанут и тюрьмы. Лучшего шанса не будет. У нас есть контакты в Йоркшире через Хемсворф, Фитзвильям и парней из Хэтфилд Мэин – Народной Республики Йоркшира – они даже как-то связались с нашим ебаным Красти Тревором в Ностелл Прайори. Да, да и, ебать, да – можете на меня рассчитывать.

БЕЗУМНЫЙ ПИТ: Я никогда ещё не слышал столь нереальную ебучую хуету – вы все псилоцибинов объелись или что-нибудь ебано типа этого. 1,000% желательно бы подумать. Ну, будет махач, пару дней мы почитаем о нем в газетах, а в среду это будут уже вчерашние новости. Вы все уже достаточно взрослые, чтобы знать Стива Л. Вы походу ебуче умны, а я – безумный уебан! Как хотите, но я буду первым ебырем, прорвавшимся через ворота на Даунинг стрит. И не говорите, ебана в рот, что я этого не говорил.

ДИК П.: Если отбросить выяснения отношений, о чем мы спорим? Мы всегда старались каждый раз продвинуться чуть дальше – а в этот раз народу будет на порядок больше, чем обычно, и будет сбор «Старых шакельтонцев» больший, чем когда либо. Идея штурмовать Даунинг стрит, когда мы не знаем, где и когда все будет... Идея о том, что можно вытащить Тэтчер – смехотворна. Стив, ты просто становишься в позу «Я больший революционер, чем вы». У тебя проблемы какие-то?

Тэтчер охраняют мусора с пушками, Даунинг стрит будет забита вооруженными ментами, может быть и S.A.S., плюс планы эвакуировать её подземными туннелями или на вертолете, если будет нужно. Мы только проблем себе заработаем. Давайте лучше захватим

здания и будем их удерживать, как здесь предлагали.

Выжмем из этого все. Давайте вместе выработаем логичный план здесь и сейчас – но забудьте навязчивую идею с Тэтчер.

ТУПНЯК: Почему? Меня ебуче прет тема с Тэтчер. Она разрушает мою жизнь и жизнь моего класса. Я её ебуче тотально ненавижу. Я с ебучей радостью повесил бы её, четвертовал и проволока по земле на большой скорости – и все в ебучем прямом телеэфире, если вы хотите. Что не так с классовой или персональной мстостью нашим врагам? Если будет хоть малейший шанс – это надо сделать – давайте подумаем как. Если не будет – захватим здания и все такое.

ТИМ С.: Вы все – кодла убогих старых хромых жено-ненавистников, колеблющихся насчет вытаскивания женщины на улицу и забивания её до смерти. Возможно, она вообще будет без одежды. Ну, блять, соображайте и тогда мы сможем достичь какого-нибудь прогресса. Тем временем, я устал.

В 15 лет он решил, что является анархистом, и это решение определило всю его жизнь. Сейчас он был анархистом в 51. Но был ли? Он действительно до сих пор в это ебано верил? Был ли прав Красти Тревор – действительно ли он всего лишь совершает ебучий моцион?

«Анархист» – это было его самоопределением, давало ему его маленькую провинциальную славу. Стив Эдвардс – анархист, сохранивший свою веру – не продавшийся никогда – студент-бунтарь из 1968-го, продолжающий сражаться на Гросвенорской площади, тогда как все его камрады стыдливо слились домой многие годы назад.

Стив, который никогда не шел по социальной лестнице – он никогда не был учителем, социальным работником, муниципальным чиновником, у него

никогда не было работы, где бы он отдавал распоряжения, а всегда было наоборот.

Стив, который никогда не брал кредиты, вырастил трех своих детей в постоянно меняющихся съемных квартирах, который никогда не устраивал своих детей в лучшие школы, который никогда не женился, который никогда не имел на счету более двух тысяч долларов, никогда не покупал машину. Стив, который после разрывов со своими многочисленными женщинами всегда мог собрать все свои вещи в три черные мешковатые сумки:

1. одежду
2. всякий хлам
3. письма, фотографии, политические памфлеты

Стив, веривший в первозданную классовую войну, ненавидевший богатые мешки с дерьмом с той же страстью в 51 год, что и в 15. Но когда он был ребенком, он боялся пауков, и, будучи взрослым, говорил всем, что боится пауков. Его дети знали, что их папа боится пауков. Но два года назад большой домашний паук пробежал по его ногам, и это его совсем не взволновало. Но он никому не сказал, что он больше не боится пауков. Он до сих пор играл на публику в боящегося пауков. Боязнь пауков была частью образа Стива Эдвардса. Если он больше не боится пауков, не была ли вся его прошла жизнь потерей времени, симуляцией? Если он уже не был тем, чем всегда был, тем, чем другие всегда думали он являлся, чем он всегда думал, что является, не были ли его первые 51 год жизни бессмысленными, лишними, ущербными?

Надо ли ему продолжать изображать из себя анархиста, изображать боящегося пауков, в независимости

от того, правда это или нет, только чтобы самоутвердиться в своих или чужих глазах? Не создал ли он подростковый образ, из которого потом просто не вырос?

Ебать, почему он из него не вырос?

Может он уже больше не анархист – так же, как больше не боится пауков – но просто должен продолжать так себя вести? Не писали ли ситуационисты о фальшивых противоположностях – замороженных оппозиционных друг другу формах и жестах без реального смысла?

Красти Тревор ебано прав. «Путешественники» действуют без страха – потерять работу, не иметь возможности оплатить ренту, быть сломанным, заработать плохую репутацию среди соседей, достичь цели – все эти земные заботы, над которыми смеются революционеры, но которые определяют каждое их действие, превращают в парализованных, не совсем честных бунтарей.

И сейчас он эксцентрично и отчаянно пытался представить, что он будет делать, когда придет время пенсии...

Самокопание, сожаление, депрессия, неудачи будут жить с ним до прихода цирроза печени, который может постучаться в любой момент и отправить его в желтушное забвение. Последние дни, полные капель и хирургических масок, в терапевтической опеке, 68 кроватей, разделяемых ночными горшками – тогда будет слишком поздно жалеть. Теперь же он получил уверенность, что он может, может что-то сделать – и он сделает, на этот раз он был ебано уверен.

Перевод – Исаак Тинькофф

Грядущее восстание

Введение книги «Грядущее восстание», написанной «Невидимым комитетом» и опубликованной в Париже в 2007 году в издательстве «Фабрика».

С какой бы стороны мы ни смотрели на наше настоящее, оно безвыходно. И это еще что! Даже у тех, кто во что бы то ни стало хочет надеяться, оно выбивает почву из под ног. Любой смельчак, попробуй он заявить, будто знает, что делать, будет тут же разоблачен. И все кругом соглашались, что дальше будет только хуже. «У будущего больше нет будущего» – такова мудрость наступившей эпохи, которая кажется до крайности нормальной и отсылает к состоянию духа первых панков. Сфера политического представления схлопывается на наших глазах. И на левом, и на правом флангах одно и то же ничтожество занимает позы вождей или выдает невинные напевы, одни и те же выскочки обмениваются репликами, следуя последним достижениям своих пиар-отделов. Кажется, те, кто все еще голосует, мечтают только об одном – взорвать урны, ибо они голосуют против. И тут мы начинаем понимать, что люди продолжают голосовать именно *против самого института голосования*. Все варианты, появляющиеся на горизонте, никоим образом не могут удовлетворить в данной ситуации. Самим своим молчанием народ доказывает свою гораздо большую зрелость, чем все эти жестикулирующие марионетки,

которые дерутся друг с другом за право им руководить. Возьмите первого попавшегося старика-магребинца из Бельвиля, и он окажется мудрее, чем любой из наших так называемых правителей в любой из своих деклараций. Крышка социального котла закручивается на три оборота, в то время как изнутри паровое давление все растет и растет. Призрак «*Que se vayan todos!*», впервые замеченный в Аргентине, начинает всерьез пугать правителей. Большой пожар 2005 года постоянно отбрасывает отблески на сознание всех и каждого. Эти первые радостные фейерверки – боевое крещение, открывающее десятилетие, которое так много нам сулит. Медиа-сказка про «пригороды против Республики» весьма эффективна, но неправдоподобна. Бунт дошел и до кварталов в центрах городов, что методически замалчивалось в СМИ. В Барселоне из солидарности палили целые улицы, но знали об этом только их жители. Замалчивается также и то, что с тех пор страна по-прежнему вспыхивает то здесь, то там. И среди обвиняемых в этих вспышках мы обнаружим людей самого разного происхождения, которых объединяет только одно: ненависть к существующему социальному порядку, а вовсе не классовая, расовая или тер-

риториальная принадлежность. Новизна здесь не в самих «пригородных бунтах» – даже бунты 1980 года были уже не новы, – а в разрыве с его устоявшимися формами. Бунтовщики не слушают никого – ни «старших братьев», ни местные ассоциации, призванные нормализовать ситуацию. Никакой «SOS Расизм» не сможет пустить свои раковые метастазы в это событие. Только усталость, фальсификация и круговая порука молчания смогли создать иллюзию того, что все закончилось. Позитивная сторона всей этой череды ночных ударов, анонимных атак, бессловных разрушений видится, по крайней мере, в том, что они поставили нас перед зияющей пропастью, которая разверзлась между политикой и политическим. И действительно, никто теперь не сможет, не покрывив душой, отрицать увесистую очевидность этой атаки, где атакующие не выдвигали никаких требований, не адресовали обществу никакого послания, кроме чистой угрозы. Нужно быть слепым, чтобы не увидеть чисто *политическую* подоплеку в этом решительном отрицании *политики*. Или же нужно быть в полном неведении о тридцати последних годах развития молодежных автономных движений. Подожженные этими потерянными детьми, горели погремушки общества, которое не более заслуживает почтения, чем парижские монументы на исходе «Кровавой недели». У нынешней ситуации не будет *социального* решения. Прежде всего потому, что невидящее скопище сред, институтов и индивидуальных мирков, которое принято иносказательно называть «обществом», не обладает никакой внутренней консистенцией. Во-вторых, потому что в языке больше нет средств для выражения общего опыта. А как можно делиться богатством, если не разделяешь язык? Потребовалось полвека борьбы вокруг наследия Просвещения, чтобы ослабить потенциал Французской революции, и вековая борьба в сфере труда, чтоб на свет появилось грозное Государство социального благоденствия. Борьба создает язык, на котором говорит новый порядок. Сегодня же нет ничего подобного. Европа сегодня – континент без копейки в кармане, тайком затоваривающийся в *Lidl* и путешествующий дешевыми авиарейсами, благодаря которым он только и может продолжать путешествовать. Ни одна «проблема», формулируемая на социальном языке, не может быть здесь разрешена. Вопросы «пенсий», «социальной уязвимости», «молодежи» и ее «актов жестокости» неминуемо остаются неразрешенными до тех пор, пока общество полицейски подавляет эти все более

поразительные переходы к действию, подталкиваемые их неразрешимостью. И как ни старайся, не удастся представить в величественном свете дешевые подачки одиноким покинутым старикам, которым абсолютно нечего сказать. Те, кто встал на путь преступности, находя в ней меньше унижения и больше отдачи, чем в уборке помещений, не сдадут оружие, и тюрьма не привьет им любовь к обществу. (...) Никакой прожиточный минимум, который власти, наконец, гарантируют после полувосстания, не сможет заложить основы Новой сделки, нового общественного договора, нового примирения. Слишком уж безвозвратно испарилось из нашего общества чувство социальной солидарности. Как же решается эта проблема? Давление и вместе с ним территориальный полицейский контроль будут только усиливаться, чтобы гарантировать, что *ничего не произойдет*. (...) Территория будет поделена на все более многочисленные взаимонепроницаемые зоны. Автомагистрали, пролагаемые по краю «сложных кварталов», возводят невидимую стену, которая вполне способна защитить от них малоэтажные буржуазные пригороды. Что бы ни думали об этом правоверные республиканцы, управление кварталами по принципу «коммунальности», как известно, наиболее удобно. Посреди этого грядущего все более сверкающего и изощренного распада, городское меньшинство, живущее в основных городских центрах, будет вести свою роскошную жизнь. Вся планета будет освещена огнями этого богатого публичного дома, в то время как спецназ и полицейские патрули будут размножаться до бесконечности, и правосудие все более бессовестно будет их покрывать. Тупик настоящего замечен везде и во всем, но его повсюду отрицают. Как никогда ранее, современные психологи, социологи, литераторы пытаются об этом рассуждать, каждый на своем жаргоне, однако бросается в глаза отсутствие у них каких-либо выводов. Достаточно послушать песнопения эпохи: с одной стороны, остроумные пустячки «французского шансона», в котором мелкая буржуазия препарирует свои состояния души, с другой стороны, объявления войны радикальными рэпперами из группы «*Mafia K'1Fry*», – чтобы понять, что это зыбкое сосуществование скоро прекратится, и что исход не за горами...

Дальнейший перевод книги можно прочитать на сайте Комитета 11 ноября <http://komitet11noyabrya.wordpress.com/контекст>

Интересный случай массовой истерии описывается в книге Бертон Рюеше под названием «Медицинские детективы». Это случилось в начальной школе городка Бей Харбор, расположенного в округе Дейд, штат Флорида. Девочка по имени Сэнди, больная гриппом, упала в обморок в школьном буфете и была вынесена оттуда на носилках, в то время как в буфет заходила следующая смена учеников. Сэнди, как представляется, была своего рода лидером. Ученики стали впадать в истерику один за другим. На место прибыл сотрудник департамента здравоохранения. К счастью, он вспомнил аналогичный случай, произошедший несколько лет назад в другой школе, и быстро поставил диагноз массовой истерии.

Лекарство очень простое – как можно быстрее вернуться к обычной деятельности. Вернуть детей в классы. На этом все и закончилось. Однако, если истерия не распознана и к ее устранению не принято никаких мер, ситуация будет осложняться все больше и больше. Когда же истерия сознательно и систематически культивируется правящей партией, можно быть уверенным в том, что она будет распространяться все шире и глубже. В качестве свежих примеров можно

привести антиеврейскую истерию Гитлера и раздуваемую в наше время истерию по поводу наркотиков. Лекарство простое – спокойный, объективный, здравый подход. Давайте вспомним, что на протяжении всего XIX и начала XX века – в те, по мнению консерваторов, «старые добрые времена» – опиаты, настойка каннабиса и кокаин свободно продавались в Соединенных Штатах от моря до моря, и никакой катастрофы не произошло. Невозможно точно установить, сколько тогда было наркоманов, однако я предполагаю, что на удивление мало. Многим просто *не нравились эти наркотики*. До того как Америка убедила английское правительство принять наш собственный обанкротившийся полицейский подход, любой наркоман в этой стране мог получить героин по рецепту, выдаваемому органами здравоохранения. В результате там отсутствовал черный рынок, так как не было возможности извлекать прибыль. В 1957 году в Англии было около 500 наркоманов и два чиновника по контролю за наркотиками на весь Лондон. Сейчас Англия представляет собой столь же печальное зрелище, что и США – тысячи наркоманов, сотни агентов, некоторые из которых находятся в доле, процветающий черный рынок, смертность от передозировки и некачественного героина.

Очевидно, что здравым и логичным решением была бы поддержка для тех, кто не может или не хочет бросить наркотики, и эффективное лечение для тех, кто хочет это сделать. Единственным доступным в настоящее время лечением является полное отнятие, либо отнятие с заменой наркотика. Лечение отнятием восходит к жившему в начале XIX века английскому эссеисту Томасу де Куинси. Конечно, можно было бы придумать что-нибудь и получше. *Можно* было бы, однако пока не видно никаких признаков этого.

Существуют и альтернативные виды лечения – акупунктура и апоморфин. Оба эти вида лечения эффективны потому, что стимулируют выработку эндорфинов, естественных регуляторов и анальгетиков организма. Открытие и выделение эндорфинов было названо самым важным прорывом в направлении понимания и лечения зависимости за весь период, прошедший со времени выявления этого синдрома. Чем не пользуешься, то теряешь. Поскольку наркоман вводит в организм искусственный анальгетик, его тело перестает вырабатывать эндорфины. Если затем его лишить опиатов, он остается без естественного анальгетика, и то, что в обычных условиях воспринималось бы как легкий дискомфорт, становится мучительной болью, пока тело не восстановит свою способность вырабатывать эндорфины. Таков главный механизм зависимости, который объясняет, почему то же самое средство, которое стимулирует выработку эндорфинов, приносит облегчение при симптомах абстиненции.

Де Куинси предполагал, что к употреблению опиума может существовать конституциональная предрасположенность, а современные исследователи выдвигают гипотезу, что наркоманы страдают генетической нехваткой инсулина. Я беседовал с одним наркоманом, который во время абстиненции получил в целях эксперимента инъекцию эндорфинов. Он рассказывал, что не испытал никакой эйфории, как после инъекции опиума, а скорее «переключение передач», и симптомы абстиненции неожиданно исчезли. Исследователи полагают, что эндорфины, являясь естественными веществами организма, не вызывают зависимости. Однако ответ на этот вопрос может быть получен лишь в ходе многочисленных экспериментов.

Так как эндорфины впервые были выделены из мозга животных, они в настоящее время крайне дороги (лечение стоит 2000 долларов) точно так же, как дорог был вначале кортизон. Химический синтез сделал кортизон доступным для любого нуждающегося в нем больного. Предназначена ли хотя бы часть из выделенных недавно Бушем на новую Войну с наркотиками 7, 9 миллиардов долларов на синтез эндорфинов и эксперименты с ними? Сомневаюсь, что многие конгрессмены, настаивающие на «жестких законах против наркотиков», вообще знают, что такое эндорфины. То же самое можно сказать и о так называемых экспертах по наркотикам, дающих рекомендации президенту Бушу. Миллиарды на бессмысленное «закручивание гаек». Ничего для эффективного лечения.

Приведу цитату из лекции, которую я читал перед многими восприимчивыми студенческими аудитори-

ями. Это старое выступление, однако по-прежнему актуальное и своевременное. Оно называется «МЛД» или «Мое личное дело»: как отличить говнюков от Джонсонов.

Эта планета могла бы стать неплохим местом, если бы каждый занимался своим собственным делом и позволил другим делать то же самое. Но один мудрый старый педрила-негр сказал мне много лет тому назад: «Просто некоторые люди – говнюки, дорогуша». У меня никак не выходят из головы эти слова.

Признаком первостатейного говнюка является постоянное сознание своей ПРАВОТЫ. Такой человек не может заниматься собственным делом. Он профессионал по влезанию в чужие дела.

Примером людей подобного рода является покойный Генри Дж. Энслинджер, бывший руководитель Федерального Бюро по наркотикам. «Законы должны отражать неодобрительное отношение общества к наркоману, – говорил он, – неодобрительное отношение, которое он постоянно к себе вызывает. Такие люди отравляют воздух, которым мы дышим – полицейские с Юга чувствуют их ниггерский душок, приличных, ходящих в церковь женщин они пугают своими худыми, гадкими, злыми лицами».

«Любая форма поддержки – аморальна», – говорил Генри, отвергая, таким образом, очевидное решение проблемы наркотиков. С другой стороны, Джонсон занимается собственным делом. Он не зовет полицию, если почувствует в зале запах травы или опиума. Не обращает внимания на девицу по вызову на втором этаже или на голубых в задней комнате. Но он придет на помощь, когда помощь понадобится. Он не будет стоять и смотреть, когда кто-нибудь тонет или подвергается нападению, или когда истязают животных. Он считает, что до этого есть дело всем. Потом появились рука об руку Ронни и Нэнси, чтобы сказать нам, что никто не имеет права заниматься своим собственным делом:

«Нельзя быть безразличным. Необходимо настойчиво добиваться того, чтобы создать вокруг употребления наркотиков атмосферу нетерпимости».

Каждый должен впадать в истерику при одной лишь мысли об употреблении наркотиков, как персонажи Оруэлла, которые, подобно пускавшим слюну павловским собакам, обязаны были изрыгать проклятия, когда вражеский лидер появлялся на экранах. И в их интересах было кричать громко и зло.

Бывший глава американского таможенного управления Уильям фон Рааб пошел еще дальше: «Это война, и всякий, кто даже допускает терпимое отношение к употреблению наркотиков, должен считаться предателем».

Вспоминаю, как во время скандала, связанного с именем знаменитого спортсмена Декстера Мэнли, которого уличили в употреблении кокаина, корреспондент «Айуитнес Ньюз» бегал по улицам, тыча свой микрофон в лицо прохожим. Одна курица высказалась:

«Я думаю, при тех деньгах, что они зарабатывают, они должны служить примером».

И никто ее не прерывал.

Но, когда черный парень, копавшийся в подземных

кабелях, выпрямился и сказал: «Я думаю, если кто-то употребляет наркотики, это его личное де...» Он не успел даже закончить, прежде чем они отделили микрофон. Вот она свобода прессы выбирать то, что они хотят услышать, и называть это голосом народа.

А анализ мочи! Наши предки-пионеры обмочились бы в своих могилах при мысли о том, что по анализу мочи можно судить о компетентности человека в той или иной области. Критерием компетентности является дело. Когда Линкольну сообщили, что генерал Грант сильно пьет, тот сказал: «Разузнайте, какой сорт виски он пьет, и раздайте его всем остальным моим генералам».

Доктора Уильяма Холстеда называют «отцом американской хирургии». Будучи блестящим, новаторски мыслящим практиком, он ввел в употребление антисептические процедуры в то время, когда хирурги даже не мыли рук, не говоря уже о резиновых перчатках, и уровень послеоперационной смертности достигал 80%. Доктор Холстед всю жизнь страдал зависимостью от морфия. Но он мог делать свое дело и делать его хорошо, и не потерял ни одного больного из-за своей привычки. В те «старые добрые времена» личные привычки человека были действительно личными. Теперь же даже кровь и моча гражданина могут стать объектом произвольного взятия и исследования.

Хорошим анализом мочи не смог бы похвастаться и величайший в мире сыщик. «Что на этот раз, Холмс, кокаин или морфий?»

«И то, и другое, Ватсон – коктейль, спидболл».

Крайне неприятно думать о том, что может скрываться за этой новой Войной с наркотиками – войной, которая не может и не предназначена для того, чтобы быть успешной.

Одно очевидно: старые чистые деньги и новые грязные деньги пожимают друг другу руки под столом. И прежний обанкротившийся полицейский подход будет сохраняться, отвлекая средства от лечения и исследований. Если в политике что-либо не срабатывает, именно это является причиной ее продолжения. Если же что-то может сработать, лучше держаться от этого подальше. Это может вызвать волны, а тем ребятам наверху волны не нравятся. «Миссионерская деятельность» Энслинджера, как он сам ее определил, нашла питательную почву в Малайзии, где за хранение полунции или больше героина или морфия или семи и более унций каннабиса полагается смертная казнь. (В Малайзии нет никакого различия между сильными и легкими наркотиками, все это «дада»). Любой подозреваемый в перевозке наркотиков может быть задержан на два года без всякого суда. Анализ мочи является обязательным условием приема в школу и университет.

Премьер-министр Малайзии Мохатхир Мохаммед развернул всеобщую радио- и телевизионную кампанию по формированию «ненавидящей наркотики личности». Рассказывают, что он требует широкой поддержки своей политики в отношении наркотиков. Точно так же Гитлер требовал поддержки своей

антиеврейской программы. Стоит лишь заменить слово «еврей» на слово «наркоман», и «Штюрмер» снова бросается на штурм. «Штюрмером» называлась издававшаяся Юлиусом Штрайхером антисемитская газетенка, предназначавшаяся для формирования ненавидящей евреев личности.

Чтобы докопаться до основания любого вопроса, следует спросить себя: «Кому выгодно?» Согласно приводимым в книге Ника Тоша «Власть на Земле» сведениям Мишеля Синдона, большая часть мировых грязных денег отмывается в Сингапуре и Куала-Лумпуре, и суммы исчисляются триллионами долларов. Любая либерализация законов в отношении наркотиков может вызвать коллапс черного рынка и перекрыть выгодный поток грязных денег в малайзийские «прачечные». (Если вешать мелких торговцев и наркоманов, чтобы защитить прибыли огромных Синдикатов, разве от этого деньги станут еще грязнее?) И было бы интересно изучить оффшорные банковские счета малайзийских чиновников, занятых столь прибыльной войной с наркотической угрозой. Но это работа для репортеров-детективов вроде Джека Андерсона, хотя он вряд ли станет ей заниматься, так как явным образом симпатизирует малайзийскому премьер-министру Мохатхиру Мохаммеду.

Проинтервьюировав Мохаммеда по вопросу о наркотиках, Джек Андерсон сообщает, что он «говорил с подлинной страстью». (Гитлер тоже говорил с подлинной страстью.) В статье под заголовком «Мы проигрываем войну с наркотиками» Андерсон пишет о тысячах «глупых и преступных американцев», которые продолжают употреблять наркотики. Именно так, преступных, потому что после принятия Конгрессом в 1919 году Закона Харрисона о наркотиках тысячи американских граждан – от бережливых, трудолюбивых и честных китайцев до страдающих артритом пожилых дам и мучающихся подагрой стариков – неожиданно превратились в «преступников». Джордж Уилл рассказывает случай с одной колумбийкой, которая провозила упакованный в презервативы кокаин в желудке. Ее задерживали на таможне до тех пор, пока она не облегчилась. Уилл продолжает: «Мы должны вести борьбу не только с предложением, но и со спросом. Жизнь потребителей должна стать столь же трудной, как и жизнь этой женщины». Итак, сгоняют тысячи подозреваемых и заставляют их всех глотать касторку, чтобы выявить нелегально хранимые наркотики...

«Кажется, есть!»

«Ложная тревога...просто глист».

Пятьдесят лет назад в Уральских горах 13-летний пиздюк по имени Павлик Морозов донес местным властям на своего отца-кулака, который укрывал дома свинью. (Кулак – это мелкий фермер). В то время Сталин искоренял кулаков, чтобы открыть дорогу колхозам, которые оказались неэффективными. Сталин ввел огромный продовольственный налог, зная, что фермеры будут прятать урожай, а потом посылал отряды для поиска и захвата скрытой продукции и домашних животных. Зимой 1932-1933 годов от голода умерло, по меньшей мере, три миллиона человек, и это по самым скромным подсчетам. Маленький Павлик был изрублен на беф-строганов

возмущенными соседями – и поделом. Так сгинут все говорящие задницы.

«Его имя не должно умереть!» – произнес Максим Горький, и его сильный голос прервался от нахлынувших эмоций. Так Павлик стал народным героем. В Москве есть названная его именем улица и памятник, увековечивающий его героический поступок. Его лучше было бы изобразить с головой крысы. А деревня Герасимовка превратилась в этакое херово святилище, где легионы молодых пилигримов привлекает к себе дом Павлика Морозова.

«Грязный маленький стукач».

Так по-русски называют доносчика – этим словом как бы плюются.

А вот что происходит здесь. «Лоуренс Джорнэл-Уорлд», 29 октября 1986 года: «Десятилетняя девочка сообщила о том, что ее мать употребляет наркотики». С 13 августа это уже четвертый случай в Калифорнии, когда девочка закладывает своих родителей за то, что они, якобы, употребляют наркотики. А рейгановский Генеральный прокурор Эд Миз указывает, что руководство предприятий обязано следить за проблемными зонами на работе, как раздевалки и, прежде всего, туалеты, а также туалеты в близлежащих барах, чтобы не допускать употребления наркотиков.

Я человек старой закалки: я не люблю доносчиков. Похоже, что Миз и Рейган, а теперь и Буш хотят превратить Соединенные Штаты в нацию стукачей. Что же, как говорит Мохаммед, следует поступить частью свободы, чтобы достичь блаженного, свободного от наркотиков состояния, когда антинаркотические службы исчезнут сами собой. Точно как исчез в России КГБ.

К сожалению, мои самые «параноидные» фантазии в последнее время даже отдаленно не отражают реальную опасность, исходящую от антинаркотической истерии, если верить данным опросов. Согласно опросу, проведенному недавно «Вашингтон Пост» и «АВС Ньюс», 62% американцев готовы пожертвовать

«несколькими свободами, которыми мы располагаем в этой стране», чтобы значительно сократить нелегальное потребление наркотиков; 55% высказываются за введение обязательных проверок на употребление наркотиков для всех американцев; 67% считают, что таким проверкам должны регулярно подвергаться все ученики средних школ; 52% согласны с тем, чтобы полиция могла обыскивать дома людей, подозреваемых в торговле наркотиками, без постановления суда, даже если дома «людей вроде вас будут подвергнуты обыску по ошибке»; 67% выступают за предоставление полиции права останавливать любую машину для обыска на предмет наркотиков, «даже если это означает, что иногда

будут останавливать и обыскивать вашу машину»; и целых 83% выступают за поощрение людей, доносящих полиции на потребителей наркотиков, «даже если это означает информирование полиции об употреблении наркотиков членами вашей семьи».

Не так давно президент Буш в телевизионном обращении заявил: «Наша борьба с наркотиками объединяет нас как нацию».

Нацию кого? Шпики и доносчиков?

Взгляните на этих первостатейных говнюков, которые рефлексивно реагируют на одно лишь упоминание о наркотиках со страхом, отвращением и ненавистью. Разве мы не видели этих же самых людей в других контекстах? Штурмовики, линчеватели, гомофобы, расисты – не они ли собираются воскресить «свободную от наркотиков Америку?»

Упор продолжают делать на полицейские меры, а не на лечение. Сегодня желающий вылечиться наркоман сталкивается с длинными очередями и часто недоступными ценами.

А в качестве лечения предлагается все то же отнятие с высокой вероятностью рецидива. Ни в одной из телевизионных передач или газетных статей, посвященных наркотикам, я не слышал и не читал о возможной роли эндорфинов или любом другом новаторском подходе к лечению зависимости. Ставка на полицейские меры приводит лишь к росту наркомании (и росту объемов продажи наркотиков). Американцы всегда гордились тем, что делают хорошее дело и делают его правильно. Истерия еще не решила ни одной проблемы. Если нечто явным и очевидным образом не работает, зачем продолжать делать это? Это совершенно не по-американски.

**МОЙ СОВЕТ МОЛОДЫМ:
ПРОСТО СКАЖИТЕ «НЕТ» НАРКОИСТЕРИИ!**

*Перевод Сергея Климовичукого
(редакция Алекса Керви, Tough Press)*

Джон Росс

из книги

«Убитые капитализмом:
воспоминания о 150 годах жизни
и смерти американских левых»

Картинки: Jose Guadalupe Posada

БОМБАРДИРОВКА ГЛУБОКОГО ТЫЛА

Я как обычно просматривал свою утреннюю *Jornada* под убийственными лучами делового Мехико-Сити, когда зазвонил телефон. «Включи телевизор, – инструктировал меня голос с расстояния двух часовых поясов, – ты не сможешь в это поверить...»

Я сделал это, и я не сделал этого.

Все утро я просидел там, на большом поломанном парчовом стуле, наблюдая, как аэробусы с ходу врезаются в Башни-Близнецы, небоскребы плавают и обрушиваются, «деловые костюмы» грациозно ныряют в бездну. Подошло время ланча и прошло, и в середине дня мой живот начал рычать как разгневанный бульдог.

В *panaderia* (хлебном магазине) *Мадрид*, я увидел Алахандро, склонившегося над мешком *bolillo* (*bolillo* (исп.) – мексиканский вид хлеба). Я знал Алахандро по демонстрациям на Сокало, он неизменно стоял на стороне ультралевых. Алахандро ненавидел североамериканцев, но меня он любил. Теперь он отвернулся от мешка с хлебным подносом в руках, балансирующим между его пальцев, и его глаза лучились, словно 600-ваттовая лампочка.

«Компьютер! – закричал он, – Ты видел это? *Que pilotos!* (Какие пилоты!) *Que Chingones!* (Гребаные красавицы!) *Que huevos tenían!* (Какие крепкие яйца!)»

«Но, Алахандро, – обратил я его внимание, – погибли тысячи людей...»

«*Que bueno!* (Это хорошо) – ухмыльнулся он.

Как неприятно это может быть для моих приятелей гринго, веселье Алахандро не было исключением там, что мы называем Третьим Миром. Девятнадцать исламистских братьев захватили четыре коммерческих авиалайнера, размахивая ножами для бумаги, как Святыми мечами, и превратили самолеты в мощнейшие бомбы, сбросив их на Капитализм США или Империализм, или Глобализацию, как хотите, называйте то, что было внутри «башен построенных сильными и высокими». Искореженные дымящиеся обломки Всемирного Торгового Центра и Пентагона были окончательным подтверждением их беспрецедентного успеха. Обрушение Башен-Близнецов было метафорой, которую могли понять бедные на всей планете. Милитаристская корпоративная структура США никогда до сего времени не получала такого жестокого удара. *Que bueno!*

Черный шар образовал дугу над аллеей, как если бы его вышло из ночи, сжатый кулак, мертвая комета, чей красочный хвост засверкал внезапно, разорвав темноту.

По прошествии нескольких недель после 9\11, я отправился в поездку в Чьяпас, узнать, что сапатисты думают о текущих событиях. Мужчины Цоцил Майя, в своих коротких юбках выглядевшие как герои *Илиады*, молча выстроились на узком тротуаре у витрины

магазина «Электра» и с недоверием уставились на телевизионные экраны, стойчески наблюдая, как аэробусы снова и снова врезаются в Башни Близнецы. «Они думают, это только кино», – сказал мне белый владелец магазина, но это было неправдой. Деревни сапатистов в 1994 году бомбили поставленные США вертолеты, в самый первый день их войны. Никто из них и не думал, что это кино.

Друг, который часто посещал деревни в горах, позже говорил мне, что все *comras* хотели получить видеозапись 9\11. «Они видели, что Америка не является непобедимой, и это изумляло их...» Я чувствовал, что именно так многие бедные темнокожие люди в мире южнее границы Соединенных Штатов смотрели на 9\11.

В середине октября я пересек на автобусе корчащуюся в муках центральную часть Америки, до сих пор содрогаящуюся от понимания, что весь мир ненавидит нас. Бомбардировка еще не изгладилась из памяти, и многие граждане правильно опасались, что только некоторые цыплята отправились домой не насест. Страна, казалось, сжалась в плотный комок, ожидая следующей атаки.

Государственный флаг был спущен с каждого крыльца, трехцветные талисманы охраняли от зла, что пряталось среди нас. Людей в тюрбанах избивали банды линчевателей или они исчезали в тюрьмах, из которых немногие выходили. Сибирская язва рассылалась по почте, и каждый доносил на каждого по TIPS (Информация о предотвращении терроризма), горячей линии Буша-младшего.

Левые ретировались в свои уютные салоны – их традиционное поведение всякий раз, когда грядет злобный ураган, и мои доклады были мало посещаемы и неудачны. Когда я проезжал из одного города на Среднем Западе в другой, я как бы сроднился с Красной Эммой или Люси Парсонс, годами перевозившими памфлеты по всей Америке и преследовавшимися патриотическими псами всякий раз, когда бомбы взрывались на Хеймаркет, или Мак-Кинли ловил пулю в живот, или любой другой смертельный удар против правящих классов шел наперекосяк.

9\11 сильно ударило Америку, превратив ее в место, опасное для посещений. Маскируясь под старого путешествующего торговца (Уилли Ломан Сапатистской Армии Национального Освобождения), я сумел ускользнуть от всевидящего ока отечественных служб безопасности и добрался до острова Манхэттен, где проследовал кратчайшим путем на Нулевую отметку (*Ground Zero*).

Полиция только что снова разрешила проход в эти места всем желающим, а не только жителям района. Пелена катастрофы до сих пор висела в воздухе. Ты мог чувствовать ее запах, похожий на запах горячей электропроводки, но со слабой примесью испорченного сыра. Мрачная толпа плакальщиков, патриотов,

Остатки башен до сих пор продолжали разбирать. Пугающий лязг и треск, грохот металлических опор, разрываемых на части, пронзительный визг из гигантской могилы.

искателей экстрима и любителей пожаров плотно сгрудилась к западу от Сити-Холла. Многие были иногородними белыми людьми, туристами, которые в обычное время взбирались бы по спиральной лестнице внутри Статуи Свободы, но теперь она оказалась запертой из-за угрозы терроризма. Трагедия была новым шрамом через всю грудь Америки, и многие плакали. Я видел хорошо одетую матрону, макияж которой таял от слез. Ее возбужденный коричневый пудель злобно таявал на всех, кто пытался подойти ближе и предложить поддержку. У входа в церковь Святого Павла капелланы Национальной гвардии с мягким акцентом уроженцев Джорджии действовали как официальные утешители. Дорога вокруг Пайлса напоминала каньон китча: западноафриканские уличные торговцы торговали вразнос туалетной бумагой с изображением Осамы бен Ладена и тоннами брелков с надписью «*I love N.Y.*» (*Я люблю Нью-Йорк*). Пожарная атрибутика была повсюду, как в дань памяти этим храбрецам, стертым в порошок азиатами и их бомбами Аллаха. Таблички с надписями Б-О-Г-ЛЮ-Б-И-Т-А-М-Е-Р-И-К-У из медяков и что-то напоминающее человеческие волосы висело на кованном железном заборе позади церкви. Журавлики мира, пластиковые цветы и разбросанные по тротуару Медвежата Тедди. Ободранные фотки пропавших были наклеены на фонарных столбах. Те, кто шел на работу и никогда не вернулся домой. Они, казалось, были счастливы, улыбаясь с любимых фото, выбранных их родственниками в надежде отыскать своих.

Остатки башен до сих пор продолжали разбирать. Пугающий лязг и треск, грохот металлических опор, разрываемых на части, пронзительный визг из гигантской могилы. Вы не могли приблизиться к Нулевой отметке, или, может быть, вы уже были на Нулевой отметке и просто не знали об этом. Поврежденное сердце американского капитализма – Уолл-стрит лежит всего лишь в трех небольших кварталах отсюда к востоку, позади ближайшего к покинутым небоскрегам банка. Части тела язычников извлекались из-под каменных обломков каждый день. Я думаю о 16-ти мексиканских рабочих, большинство из которых были индейцами мицтеками из сельской местности штатов Пуэбла и Оахака, они были помощниками официантов и чистильщиками котлов на 108-ом этаже, в ресторане *Windows on the World* «Окно в мир». Должно быть, им открывался и вправду грандиозный вид на танец смерти внизу, когда блестящие реактивные самолеты сцепились со сверкающими небоскребами в аэроди-

намическом балете колоссального размера, а крошечные биржевые маклеры расправили свои крылья и в свободном полете отправились в забвение. «*Pero por que nosotros*» *Но почему мы?* Люди кричали вдали от своих кукурузных полей и семей, в то время как меркли огни, и умирали. «Мы приехали сюда только для *chamba*, для работы. Мы не ваши враги, мы не капиталисты!» Но, конечно, они точно так же были Убиты Капитализмом.

«Где бы вы ни были, Смерть найдет вас, даже в башнях, построенных крепкими и высокими» Так писал Пророк. Когда я взбирался через кладбище на Нулевой Отметке к Э.Б. Шнаубельту, чтобы рассказать ему о том, как убийцы остановили сердце Капитализма своими летающими бомбами, меня осенило, что сейчас как раз второе ноября. День, когда мои соседи в Мексике отмечают День Мертвых, когда семьи украшают могилы тех, кто ушел, алтарями с искусными сахарными черепами и цветами *cefrachuitl*, хлебом для мертвых, хорошей текилой, моле из индейки (*прим. моле – от гуакамоле, мексиканское национальное блюдо*), любимыми сигаретами *difunto* `s, и звучит музыка, которую они любили больше всего, так что их старые кости могут встать и пуститься в пляс...

Работа над этой книгой вместе с Э.Б. Шнаубельтом познакомила меня со множеством новых мучеников, чья жизнь нуждалась в поминовении, и до наступления ночи я решил соорудить в День мертвых алтарь для американских левых. На верхушке травяного кладбищенского холма мой соавтор пребывал в глубоком покое, но я быстро отвлек его от сиесты. «Где ты был все это время, старый дружище?» – спросил он меня, и голос его прозвучал столь четко и спокойно, как будто он пытался продать мне участок на кладбище еще прошлой осенью. Я сел и рассказал ему все о флагах и туалетной бумаге с изображением Усамы бен Ладена, и аэробусах, снова и снова врезававшихся в небоскребы на телеэкранах. «Они бомбили Храм Капитализма! Тысячи погибли!» «Бомбы?» – безмятежно спросил Эдди. «Бомбы?» – повторил он уже не так безмятежно. «Бомбы? Бомбы? Бомбы? Бомбы? Бомбы? Бомбы?».

ХОРОШИЕ БОМБЫ, ПЛОХИЕ БОМБЫ

...

Я был зачислен в Человеческую расу уже как семь лет, четыре месяца и двадцать пять дней, когда Хиросима вступила в Атомную эру, и я вырос под ее проклятием. «Пригнуться и укрыться», – рявкали учителя нашей высшей школы, когда завывала пожарная сиг-

нализация в коридорах Научной школы Бронкса, и мы карабкались под свои парты, прижимая колени к груди и затаив дыхание, все мы, начинающие ученые, хорошо осведомленные, что если русские сбросят атомную бомбу прямо на крышу нашего здания, наши парты не смогут ее удержать.

Мои первые годы в Науке были заполнены такими уроками гражданской обороны, путей эвакуации и пронзительным воем сирены. Кого они дурачили? Дети знали, что мы все обречены. Ядерный апокалипсис был в меню столовой три раза в день. Ты не мог избежать массового психоза и в кино. «На пляже» с Авой Гарднер, покинутой на пустынном берегу, намекал, что сейчас безопасным местом является только далекая Новая Зеландия. Гарри Белафонте в «*Трое против завтра*» осторожно крался сквозь руины заброшенных городов, с двумя классными белыми чувихами рядом с ним. Гигантские муравьи в «Троих» мутировали после ядерного несчастья. Смерть всегда была перед глазами, и гриб парил прямо над головой, как если бы мы все были Джой Бтфсплкс. «О, Боже, не бросай атомную бомбу на меня», – выл Чарли Мингус.

«Вы принесли меня в мир, который готов взорвать сам себя, – обвинял я маму и папу. – Я не просил, чтобы меня рожали». Неминуемое досрочное завершение моей жизни породило мой преждевременный экзистенциализм. Некоторые социальные ученые полагают, что именно поэтому столь многие из моего поколения ушли в битники. Позже, в мое двадцатилетие, когда начали играть мои революционные гормоны, я стал распознавать разницу между хорошими и плохими бомбами. Плохие бомбы падают с неба, сбрасываемые дьявольскими империалистами на пролетарские массы для того, чтобы управлять миром с максимальной прибылью. Хорошие бомбы бросают на землю герои рабоче-

го класса, чтобы защитить самих себя и свой класс от порабощения. Ховард Фаст познакомил меня с бомбой Хеймаркета в мои ранние годы, и этот «прародитель» следовал за мной в то время, как я путешествовал по Движению. Но, подобно Альберту и Люси, хотя я разговаривал об игре в хорошие бомбы, единственные, которые я когда-либо бросал, были упакованы словами.

Плохие бомбы вылетали из Б-52, разрывая на куски буйволов и рисовые поля, домашних собак и соломенные хижины, целые деревни исчезали в ужасных кратерах, тлеющих в глубине вьетнамских джунглей. Потом появлялись самолеты с дефолиантами и распространяли рак. Забудьте о правах на собственность. Ежедневный подсчет тел – вот все, что имело значение.

Пилоты никогда не видели, что они бомбили, крыши падали, земля раскалывалась, внезапный, безнадежный ужас в беспорядочной тьме, плач покаленного ребенка на груди его мертвой матери. Пилоты летали очень высоко над облаками, и их бомбы управлялись технологиями, за которые они не несли никакой ответственности. Они только выполняли свою работу. Делая мир безопасным для демократии. «Спасая жизни». Напалмовые бомбы, фосфорные бомбы, ковровые бомбы, кассетные бомбы, осколочные бомбы, сейсмические бомбы, грязные бомбы, чистые бомбы, молчаливые бомбы, умные бомбы, герметичные бомбы, бомбы с обедненным ураном, бомбы, которые всасывают воздух, бомбы, которые парализуют все компьютеры, Водородная бомба, Нейтронная бомба, которая убивает всех людей, но оставляет неприкосновенной частную собственность, Мать Всех Бомб, МВБ, как Сама Богиня, все они так же патриотичны, как вишневые бомбы, что взрываются в небе каждое Четвертое Июля.

Я дожил до старости под бомбами, для которых президенты США, один за другим, находили причины,

чтобы сбросить их на незащищенных граждан, почти всегда цветных. Иран взрывается, Ливан взрывается, Судан, Сальвадор, Ливия, Лаос, Никарагуа, Корея, Камбоджа, Косово, Конго, Гренада, Гвинея, Панама (35,000 жертв в трущобах Чорилльо и Сан-Мигель), Сомали, Афганистан, где гости свадьбы были разбросаны под небесами, когда янки сбросили свою Большую. «Это было как бомба», – рассказывал репортерам фермер Гхолан, описывая, как упаковка не зажатых поп-тартов была сброшена с американского самолета и проломилась крыша, убив его бедную жену.

Бомбы первого Буша выглядели дом в убежище Амальрия, в Багдаде, в День Св. Валентина в 1991 году. Четыреста семь душ сплывали в один большой шар почерневшей эктоплазмы. Даже по прошествии десяти лет, на стенах убежища вы можете увидеть силуэты этих сгоревших. Это было 9\11 до 9\11, акт чистейшего терроризма, чтобы убедить иракских граждан, что их правительство не может больше защитить их. «Джордж Буш, мы знаем тебя – твой отец тоже был убийцей!» Средства массовой информации США во время первой войны в Заливе вели репортажи так, как если бы это было забавное семейное развлечение, увлекательная образовательная видеоигра для всех возрастов. Убитые и искалеченные никогда не появлялись на ТВ мертвыми или живыми. На разорванных трупах, даже если это трупы врагов, не продашь много рекламного времени. Через несколько недель после того как Саддам отступил обратно в Ирак, я прилетел в Кувейт-Сити, с дивизионом адвокатов по распоряжению Общества помощи Палестине, чтобы расследовать жестокое обращение с осажденной палестинской общиной. Во время нашего пребывания там я посетил печально известную Адскую автостраду, где вечером с 26 на 27 февраля 1991 года волна за волной американские самолеты с пронзительным воем пронесли со стороны залива, устроив резню 22,000 (по оценкам ООН)

человек, убежавших ночью на север через пустыню. Некоторые были иракскими солдатами, которые побросали свое оружие, другие гражданскими, которые боялись мести со стороны мафиозной семьи Аль Сабах. Все они были под защитой Женевской конвенции. Каждая смерть являлась военным преступлением. «Это было как убивать рыбу в бочке», – похвастался один летчик CNN. Через несколько дней после этого ужасного убийства морская пехота, которую послали оттащить обуглившиеся и изрешеченные тела из разбитого транспорта, закопала их в общей могиле в пустыне, так, чтобы они лежали головами в сторону Мекки. Затем

отряды янки завершили работу, изрисовав баллончиками с краской сгоревшие машины спортивными лозунгами («Вперед, Ред уингз») и даже популярным слоганом «Отсоси, Саддам!». Для морских пехотинцев все это было гребаной игрой. Мы шли по обочине дороги, собирая сувениры. Я видел детскую кресло для машины, женскую туфлю на высоком каблучке, растрепанную книгу, форзац которой был покрыт затвердевшим песком, что делало ее похожей на карту страны, в которой я никогда не был. Повсюду были кассетные бомбы. Они плыли на парашютах, словно рождественские игрушки, и когда дети подбирали их, шрапнель летела им в лицо. Другие бомбы зарывались в песок, превращая пустыню в смертельную дорогу для тех, кто шел там. Некоторые из этих бомб были разработаны для того, чтобы оторвать вам ступни, другие – ноги, третьи – тестикулы и торс. Производители бомб сидели в своих кабинетах, в безукоризненно белых лабораторных халатах, прихлебывая кофе и разрабатывая эти коварные инструменты смерти, словно многочисленные секретные Шивы. «Позволь нам надеяться на неиссякаемый дух разрушения и аннигиляции, который является постоянным источником новой жизни.... Восторг разрушения созидателен!» Ты знаешь, кто сказал это, Эдди? Твой

старый учитель Джоан Мост. Единственная хорошая бомба – эта плохая бомба.

БОМБАРДИРОВКА БАГДАДА

Война второго Буша против Ирака предоставила мне уникальную возможность испытать бомбы на своем опыте, узнать, что такое жизнь под их злобной аурой, и лично разделить фетву Белого Дома, выпущенную для столь многих народов на земле. Пребывание под бомбежкой в Багдаде казалось мне также подходящим способом завершить эту книгу. Бомбардировка была лейтмотивом вторжения в Ирак с самого первого шага. С момента как агрессия приняла очертания в конце 2002 и начале 2003 года, Буш-младший, Чейни, Рамсфельд, Вулфовиц, Пауэлл, Ашкрофт и другие из крысиной стаи янки бомбили Саддама высоким накалом своего раздражения. Три тысячи крылатых ракет должны были пролиться дождем на Багдад в течение первых 48 часов войны, чтобы «спасти жизни». Чтобы подчеркнуть их намерения, МВБ-9 была взорвана во флоридских болотах, и агенты Белого дома начали рекламировать эту фантазмагорию Буша под названием «Шок и Трепет». Если Саддам незамедлительно не передаст якобы созданный им арсенал оружия массового поражения, Джордж Буш, воцерковленный христианин со страстью к Апокалипсису, выпустит на них гнев своего Бога.

В начале января я начал получать e-mail'ы по поводу «Акции Живой Щит», проекта, инициированного испытывающим чувство вины участником «Бури в пустыни» морским пехотинцем Кеном Николсом О`Кифи, утверждавшим, что был заражен обедненным ураном, попавшим ему на кожу, когда он был в группе поддержки на Адской автостраде. Заинтригованный его биографией, я изучил его украшенную изображением Ганди веб-страницу с громким названием «Объединенное общество родства». Там были вывешены интервью Николса из малоизвестных средств массовой информации и маршрут Живого Щита. План, если его можно так назвать, был отправиться на паре ярко-красных двухэтажных лондонских автобусов прямо в Багдад, и как-то разместить наши тела между бомбами Буша и иракским народом.

Я сразу же подписался в эту затею. Прелесть автобусов с их «Кизи-йеске Пранкстер» отблеском прошлого возбуждала во мне старые гормоны битника. «Да, тогда это показалось неплохой идеей», – будет раскисаться позже один недовольный пассажир.

Так я начал приводить свою жизнь в порядок. У меня не было иллюзий, что Буш и его шайка хладнокров-

ных убийц воздержатся от того, чтобы сбросить свои смертельные бомбы, только потому, что горстка международных борцов за мир заняла стратегическую позицию на земле Багдада. Я объехал Мехико-Сити со взглядом, устремленным в небо. Меня стала преследовать навязчивая идея, что Джордж Буш избрал меня своей мишенью. Эта медитация заранее перенесла меня в воздушное пространство Ирака. Я упаковал свою куфию и улетел в Сан-Франциско попрощаться. Я даже набросал прощальную записку и громко зачитал ее своим друзьям, в черных тонах инструктируя своих палачей развеять мой прах – если что-то от него останется – на твоей могиле здесь, так чтобы мы могли оставаться вместе до самого конца, пока ад не придет сюда.

«Я удивлялся сам себе...»

Я также обосновывал свой замысел, чтобы стало ясно, что я отправляюсь в Ирак не для того, чтобы остаться с «коррумпированным и недемократическим режимом Саддама Хуссейна», а с «иракским народом», позиция, которая, как я считал, окончательно прояснит мою миссию.

Я прилетел в Стамбул в первую неделю февраля, чтобы присоединиться к автобусам. Там шел снег, а я был одет для тропического Чьяпаса. Автобусы придут немного позже, сообщил турецкий товарищ Толга. Сумасшедший морской пехотинец с вытатуированной рубцами вокруг шеи надписью «резать здесь» волонтеристски погнал караван в Риме, в нелепой надежде получить благословление Папы. Один автобус сломался на трудном участке пути, и Живому Щиту пришлось устраиваться на ночь неподалеку от Рима в сквоте на заброшенном ипподроме. Их ссоры доводили до раскола: Кен против команды автобуса, и пассажиры против Кена. Труппа сумасшедшего капитана включала компанию лондонских клубных тусовщиков, среди которой выделялся маниакальный палестинский парикмахер, который был слишком сумасброден для О`Кифи; пару высокомерных валлийских анархо анти-вивисекционистов, которых Кен безуспешно пытался выбросить из автобуса, потому что они были сами по себе и держались особняком; утонченного сельского помещика, любившего изливать потоком Теннисона, и элегантного бывшего британского дипломата, любителя лошадей, оба они страдали от бремени плохих дел белых мужчин и женщин; разных бэкпекеров-альтруистов в их первом политическом паломничестве, деятелей добра, мира, проблем, и, наверное, агентов MI-6. Также были четыре отдельные компании операторов, снимавших каждый нюанс этой дурацкой одиссеи для плакатов и коммерческой выгоды. Даже отсутствие

Некоторые из этих бомб были разработаны для того, чтобы оторвать вам ступни, другие – ноги, третьи – тестикулы и торс.

Организация мира и дружбы настаивала, чтобы мы расположились на ключевых объектах государственной инфраструктуры, которые взрывал первый Буш.

какого-либо взаимобмена между столь человечными защитниками, не важно сколь незначительными, было не достаточно существенным, чтобы избежать их объективов, и их присутствие превращало поездку в разновидность реалити-шоу, которое могло бы называться как «*Большой Брат едет в Багдад*» – и, действительно, один из защитников, Гордон, высокий, длинноволосый сердцеед, был звездой австралийской версии этого шоу. Что я делаю здесь?

Дорога через Турцию и Сирию к Багдаду проводила нас через захватывающие земли, то круто взбираясь к снежным вершинам, то резко спускаясь к бесконечным просторам пустыни. Во многом похоже на караваны Сапатистов, которые я сопровождал в Мехико-Сити из джунглей Чьяпаса, по обоим сторонам дороги часто стояла толпа, из которой раздавались крики поддержки. Каждые десять миль, или около, антивоенные демонстранты внезапно высыпали на дорогу как грибы, и мы выходили из автобусов, сливаясь в диком фанданго с танцующими мужчинами под антивоенные речи, в конце каждой из которых мы все вопили: «Саваса Хайяр! – Нет войне!» «Саваса Хайяр! Yanqui Go Home! Янки, отправляйтесь домой!» – пели несколько американских защитников на расстоянии голоса от военно-воздушной базы Инджилик в южной Турции, откуда самолеты ВВС США должны были вскорости взлететь, чтобы бомбить наши задницы в Багдаде. Мы были героями, докатившимися до Ирака, чтобы как-то остановить Буша и его бомбы своими неуклюжими телами. На каждой остановке мы получали огромные букеты цветов, и наши хозяева кормили нас горами кебабов, озерами хумуса и океанами сладкого чая. Это был обнадеживающий момент в это безнадежное время. Миллионы выходили на демонстрации, и, казалось, что мы на самом деле можем сокрушить бомбы Буша. Действительно, мы достигли Багдада в день, когда мировое осуждение этой сумасшедшей агрессии достигло максимума. 15 февраля по оценкам около 12 миллионов человек вышли на тротуары больших городов и обочины автострад с подобным грому кличем «Нет Войне!», какого еще не слышала планета.

Когда война приблизилась, Акция Живой Щит взлетела ввысь как мирная ракета. По моему подсчету, мы прибыли в Багдад с 37-ю потрепанными защитниками на борту, а теперь вдруг еще несколько сотен

охваченных энтузиазмом принесли в Багдад или выстроились в очередь в Аммане и Дамаске, ожидая виз, чтобы присоединиться к нам. На пике шумихи вокруг Живого Щита мы насчитали более 200 добровольцев, граждан 34-х стран от Исландии до Южной Америки, и от Японии до Аргентины, набившихся в три обветшалых отеля в центре Саддам-Сити. Наши бурные трех, четырехчасовые вечерние митинги синхронно переводились с английского на арабский, турецкий, испанский, французский, итальянский, немецкий, и иногда на русский. Мы говорили себе, что никогда такое количество иностранных добровольцев не собиралось в одной стране, чтобы защитить осажденных людей, с тех пор как интернациональные бригады прибыли в Мадрид в 1936 году.

«Мы любим вас», – школьники посылали нам воздушные поцелуи у входа в убежище Амальрия, место, где Буш-отец устроил бойню в Валентинов день. «Мы любим вас», – говорили официанты, уличные торговцы и менялы. «Мы любим вас, – говорили нам также наши охранники, – но вас очень трудно контролировать». Наши спонтанные демонстрации солидарности с местными гражданами тревожили наших охранников. Мы устраивали лежачие демонстрации на бульварах Багдада и приковывали себя наручниками к миссии Организации Объединенных наций, требуя, чтобы нас обвинили в «военных преступлениях», как Дональд Рамсфельд предложил поступать с любым защитником, кто выживет под его смертельным дождем. «Больше никакой лжи!» – кричали мы в репродукторы представителям корпоративных средств массовой информации, вытанцовывая от одного бокса к другому в Международном Пресс-Центре. Мы кружились по площади Мучеников в танце с турецкими товарищами, выстукивая в барабаны и тамбурины – Саваса Хайяр! И когда молодые иракцы, которые слонялись вокруг этой площади, присоединялись к нам, можно было почувствовать гнев, закипающий в их крови. Все эти импровизированные марши не казались правильными Организации мира и дружбы, пригласившей Щит в Багдад, или правительству, которое за ней стояло. Спонтанность – это эквивалент диверсии для жесткого режима – я жил много лет под властью мексиканской PRI, чей стиль управления не очень отличался от партии Баас.

Глядя назад, я предполагаю, что наши охранники опасались, что гражданское общество может получить импульс от наших действий – что, действительно, и произошло сразу после того, как Саддам слетел со

своего пьедестала на Райской площади. Поскольку саддамиты становились все более суровыми и властными, предлагая тем, кто полностью не будет соответствовать их планам относительно Акции Живого Щита, покинуть Багдад, до меня дошло, что оказаться под бомбежкой в Багдаде не так просто, как я когда-то предполагал. Большие споры вызывало, куда мы пойдем под бомбы. Организация мира и дружбы настаивала, чтобы мы расположились на ключевых объектах государственной инфраструктуры, которые взрывал первый Буш. Но участники Щита засопровтивлялись. Многие добровольцы опасались манипуляций и даже взятия в заложники. Мы были более ценными для Саддама мертвые, чем живые, полагали со знанием дела репортеры – корпоративная пресса уже насмехалась над нами как над его добровольными глупцами. Взамен участники Щита предложили разместить их перед гражданскими объектами, вроде больниц (турецкие и каталонские группы собирались поставить свои палатки на автостоянке Детского госпиталя имени Саддама, в котором правительство постоянно демонстрировало умирающих детей), школ и сиротских приютов, а также наиболее ценных археологических площадок колыбели цивилизации, Иракского национального музея и сокровищниц вроде Ура, места рождения Авраама, которое было серьезно повреждено во время первой войны в Заливе. Поэт во мне кричал, что меня похоронят под обрушившимися стенами Вавилона. Последующие события показали, что наша интуиция была верной, но охранники не хотели слушать наших просьб. Никто больше не посетит эти руины. На дороге в больницу мы будем только мешаться. В военное время в школах нет занятий. Так мы согласились выполнить распоряжения наших хозяев и занять объекты государственной инфраструктуры в безосно-

вательной надежде, что если мы все сделаем хорошо, то позже нам позволят отправиться на объекты, в которых сейчас отказали. В течение последней недели февраля более сотни участников Человеческого Щита были отправлены дожидаться бомб Буша на два водоочистительных завода в Багдаде, пару электростанций, зернохранилище и нефтеперерабатывающее предприятие в Дауре – все это обозначенные Программой развития ООН гражданские объекты. Снаружи мы поместили объекты 16-футовыми буквами для того, чтобы летчики Буша могли ясно разобрать: «Этот объект защищен Человеческим Щитом». Мы отправили факсы в Белый Дом, чтобы информировать Буша и его команду, что десятки участников Человеческого Щита, некоторые из которых граждане его собственной страны, находятся на нефтеперерабатывающем заводе в Дауре, водоочистительных сооружениях имени 17 апреля, складе продовольствия Таджики, и на электростанциях в Алдуре и Южном Багдаде. Мы отправили географические координаты каждого объекта американскому президенту и напомнили ему, что он может нарушить положения Женевской Конвенции, атаковав эти, определенные ООН как гражданские, объекты. Затем мы попросили наших товарищей и семьи бомбардировать Белый Дом e-mailами и телефонными звонками, умоляя Буша-младшего не нажимать на пуск. «Мы не можем защитить тех, кто называет себя человеческим щитом», – насмехался Рамсфельд, угрожая перестрелять нас как собак, или притащить в Гуантанамо, как пособников врага, если мы вдруг чудесным образом вынырнем из-под обломков Ирака. Забавно, что то ли в силу иных планов воздушной компании США, то ли из-за нашего присутствия, ни один из тех объектов, где разместились участники Щита, не подвергся бомбардировке.

Мы заняли позицию у ревуших и свистящих труб нефтезавода в Дауре на западе города, который старик Буш обстреливал в 1991 году так сильно, что он горел в течении 42-х дней и ночей. Многие из нас поселились в небольшой гостинице для нефтяников, где был только один туалет, на спокойной улице, населенной инженерами нефтезавода. Мусульманские и христианские семьи проживали рядом и приглашали нас на сладкий чай. Резвые дети гоняли футбольный мяч по двору. Каждое утро я прогуливался с детьми до школы, поддразнивая их на английском. «Мы любим вас», – кричали они от ворот школы, и я поклялся, что если американские бомбы повредят хоть один волосок на их голове, я заберу в отместку скальп

Джорджа У. Буша. Если бы не зеленовато-желтая пелена, которая обжигала легкие, и не пугающие огненные шары токсичных отходов, внезапно извергающиеся из дымовых труб, нефтезавод в Дауре казался бы вполне почетным местом для смерти. Я бы мог остаться здесь навсегда с храбрыми участниками Живого Щита, и наши останки поджарились бы как тягучая пастила под обещанным Бушем ураганом бомб.

Я был на крыше очистительной установки, рисуя надпись ЖИВОЙ ЩИТ промышленной черной краской вместе с Толгой Темиргу, турецким активистом Гринпис, который стал мне чем-то вроде суррогатного сына во время путешествия. Мы только закончили буквы Ж и И и половину В, когда наши охранники позвали нас вниз с крыши, чтобы зачитать обвиняющий нас в нарушении общественного порядка акт. Участники Живого Щита были обвинены в «узурпировании функций Организации Мира и Дружбы», так что наше присутствие в Ираке больше не требовалось. Пятерым из нас – Толге, Эве, словенской женщине, которая вдохновляла стихийные демонстрации, Гордону, длинноволосой звезде Большого Брата, и Кену, сумасшедшему пехотинцу, который вызывал гнев саддамовцев предположением, что мы были взяты в заложники, было предложено покинуть страну до конца дня.

«Но вы не можете сделать это со мной, – рыдал я. – Я приехал сюда только для того, чтобы быть разбомбленным. У Буша уже есть бомба с написанным на ней моим именем. Вы не можете отказать мне в этой почетной смерти! Это заключительная глава моей книги!»

Охранники, которые сами всего через несколько дней будут спасать свою шкуру от урагана американских бомб, были черствы. Нам было сказано собраться в отеле «Палестина», в деловой части Багдада после полудня для «добровольного отъезда» в Иорданию. Отсечение тех, кто на самом деле был интеллектуальным руководством, посылало зловещий сигнал остальным участникам Щита в Багдаде. Дядя Саддам теперь все держал под контролем. Нужно лучше запоминать, что охранники говорят вам.

Но, по большому счету, Саддам Хуссейн не был главной угрозой миру на планете Земля. Этот грязный приз можно отдать Джорджу У. и его агрессивному Совету Директоров. Толга, я и Гордон быстро согласились: шоу закончилось, если мы будем сопротивляться приказу о депортации и нас отволокут в какую-нибудь темницу в пустыне, то это только даст Бушу дополнительный повод ударить по Ираку. В самом худшем случае, для какого запасаются цианистым кальцием, будут заброшены морские пехотинцы, чтобы спасти нас.

Тем временем Кен и горячая Эва, протестуя, что

Какое количество погибло под американскими бомбами в Ираке? 10,000? Десять раз по 10,000?

иракцы «разрушили наше движение», убежали в багдадскую ночь, и на их розыск были брошены силы безопасности.

Через несколько часов, пересекая темную пустыню, которую вскоре «Коалиция» изрубцует своими глупыми умными бомбами, я все еще продолжал корить сам себя. Каждый километр отдалял меня от моей судьбы. Мне было стыдно за все! Недели спустя на улицах Мехико-Сити или Сан-Франциско, друзья будут окликать меня, как если бы они столкнулись с привидением. «Но мы думали, что тебя разбомбили в Багдаде...»

«Это длинная история», – буду я сбивчиво объяснять. «Это, несомненно, так, – рявкнул Шнауби. – Видно, что она скоро закончится...»

К счастью, наш отъезд не отменил присутствие Живого Щита в Багдаде, и другие отважные души вышли вперед, чтобы нести это бремя. В ночь нашей бесцеремонной высылки, когда мы подъезжали к границе, мы столкнулись на автостраде в пустыне с мексиканской группой *Escudos Humanos*, направляющейся в город Али Бабы, чтобы занять наши места.

В конце концов, поскольку саддамиты так и не развернули свои воображаемые ОМП и не подожгли нефтяные скважины, то и не собирались приковать Защитников к их объектам и взять их в заложники, как предсказывали Кен и эти проститутки из прессы.

Я вернулся назад в Сан-Франциско, пытаюсь остановить бомбардировку, но палата представителей подтасовывала карты против нас, и это было гребаным римейком *Ровно в полдень* с Бушем, раскладывающим пасьянс в городском салуне и советуя Саддаму и его сыновьям убраться из Доджа до захода солнца. Шериф вертит свой украшенный перламутром шестизарядный револьвер, и Совет Безопасности ныряет под стол. Наступает закат. Начинается бомбардировка.

На следующее утро тысячи из нас устремились в деловую часть Сан-Франциско, блокируя съезды с автострад, приковывая себя к дверям торговцев кровавой войной. Двести из нас заткнули «Bechtel Congregation», конгломерат, делающий миллион баксов в минуту, получивший контракты на «восстановление» Ирака, после того как бомбы Буша разрушат его. Я сцепился руками с Отцом Луи и Сестрой Берни, и охранники в голубом отгоняли нас вниз на площадки доков, где тысячи из нас были переписаны и в конце концов отпущены, чтобы снова сделать это. Я был до сих пор в ярости, что Буш начал бомбить Багдад без меня.

Багдадский блиц расшевелил те же самые идиотские

патриотические мотивы, которые всегда были на «Земле Древа и в Доме могилы». «Звезды и Переклады» колыхались столь же грозно, как было всегда после Хеймаркета, или когда застрелили Мак-Кинли, или когда Янки Дудль Денди отправлялись вести глупые американские империалистические войны, или когда они казнили Розенбергов, или когда жгли на палом вьетнамских детей, или когда аэробусы снова и снова врезались в небоскребы на телевизионных экранах. Ирак был Бушевской бредовой расплатой за психическую рану 9\11, нанесенную убеждению об американской непобедимости. Даже если никогда не нашлось бы никаких обоснованных доказательств существования саддамовского оружия массового поражения, или его связей с Усама Бен Ладеном, решение о его виновности было вынесено заранее. Это все мало отличалось от публичного повешения Мучеников Хеймаркет.

Итак, они бомбили Багдад, а я не был приглашен на вечеринку. Со свистом проносились ракеты, сокрушающие бункеры бомбы падали из брюха Б-52 мегатонными плюхами смерти, ракетницы вспыхивали красным, и бомбы разрывались в воздухе. Небо над Багдадом сверкало как рождественская елка на Четвертое июля, и возвратившись в Мехико-Сити, я не мог спать, как будто МВБ глухо взрывались внутри моей подушки.

В отличии от Гринголандии, где образ Великого Гуинголя, потрошащего Ирак, всячески обелялся, в Мексике бойня обрела кроваво-красные тона. Аль-Джазира вела прямые передачи об устроенной янки резне, показывая обугленные рыночные площади, причитающих матерей, раскапывающих камни с окровавленными следами пальцев.

Больницы переполнялись детьми с тысячами глубоких, гнойных ран, проколотыми фрагментами кассетных бомб янки, и Файт Фиппенгер, с которой мы жили на нефтеперегонном заводе, собирала ампутированные маленькие руки и ноги и бросала их в рычащих собак патио. Когда Фиппенгер вернулась домой во Флориду, бушисты пригрозили отправить ее, 62-летнюю учительницу слепых, на 12 лет в тюрьму и взыскать с нее миллион долларов штрафа за «сделку с врагом».

Какое количество погибло под американскими бомбами в Ираке? 10,000? Десять раз по 10,000? Пентагон не вел подсчет тел, и минимизировал убийство, настойчиво утверждая, что бойня была самой точечной в военной истории. Я носил свою красную куфию в знак траура, ежедневно в течении месяцев на улицах Мехико-Сити, и соседи скорбно кивали и похлопывали меня по плечу, проходя мимо.

Саддам сам рухнул как картонный домик. Это путь, котрый всегда уготован поставленным США мелким тиранам, которые давно исчерпали терпение их собственного народа. Миллиарды в итоге наблюдали сонный взгляд Саддама на зубном осмотре у дантиста янки по ТВ – но сопротивление продолжалось. Ни одна оккупационная армия не разобьет разбуженных националистов ни в какой современной войне.

Одним утром американские танки вошли в Багдад и свернули с пьедестала монументальную статую Саддама на Райской площади, характерный кадр этой дурнопахнущей войны. Когда они пересекли Тигр, морские пехотинцы ворвались в отель Палестина, который во время бомбардировок Буша был последним прибежищем отважных журналистов, которые оставались там, чтобы документировать злодеяния. Трое репортеров погибли сразу же, а офис Аль Джазиры подвергся бомбардировке, так захватчики пытались заткнуть рот вестникам. Затем вооруженные отряды США проследовали на площадь, собрав своих курдских приспешников поплодировать, когда они будут свергать статую Саддама. Неожиданно горстка участников Человеческого Щита вышла из вестибюля отеля с развевающейся простыней, на которой было написано: «Убийцы иракских детей! Янки, убирайтесь домой!» Участники Щита стояли на узком тротуаре, браня морских пехотинцев: «Стыдно! Стыдно!» Я видел все это по мексиканскому телевидению, на экране, и бомба слез разорвалась столь обильно из моих поврежденных глаз, что понадобились два моих платка из американских флагов, чтобы утереть их. Как бы горд я был оказаться снова в Багдаде с участниками Живого щита, выкапываемыми из-под бомб Буша!

БОМБАРДИРОВКА АМЕРИКИ

Еще до того, как случилось 9\11, человеческая плазма разбрызгивалась по всей Уолл-Стрит, секретари кувыркались по тротуару, как тряпичные куклы, шрапнель летала вокруг как циркулярная пила, острые как кинжалы осколки стекла сыпались дождем с окружающих небоскребов, кровь стекала вниз со ступенек Нью-Йоркской Фондовой Биржи. Как и 9\11, взрыв остановил все торги на Большой площадке, точный удар в сердце американского капитализма. Когда спала пелена, и стали собирать жертвы, то подсчет тел остановился на 40 погибших и 300 раненых, но никто не мог сказать об этом со всей

точностью. Миллионы были потеряны, когда остановились торги на убийственном этаже. Кто сделал это? Что произошло 16-го сентября 1920 года всего в трех кварталах от того места, где рухнут башни Всемирного Торгового Центра, похоронив под собой тысячи людей восемь десятилетий спустя? Многие из этого было предано публичной огласке. Незадолго до полудня запряженная лошадьми повозка, начиненная динамитом и грузами для подъемных окон, остановилась у здания JP Morgan&Co, на углу Уолл и Брод. Водитель, сообщив, что он ищет стройплощадку, и, должно быть, записал неправильный адрес, исчез, чтобы сделать телефонный звонок, и больше его никто никогда не видел. Два обожженных лошадиных копыта были позже найдены перед Церковью Троицы, в одном квартале к западу. Генеральный прокурор Митчелл Палмер, чей собственный парадный подъезд в Вашингтоне DC был только что взорван несомненно в качестве возмездия за облаву на американских левых, с которой ассоциировалось его имя, недолго колебался в своих выводах и указал на Красных. Взрыв был «планом по сокрушению капитализма», утверждал главный следователь Секретной Службы Уильям Флинн.

«Свободу американским заключенным или вы все умрете – мы не будем больше терпеть!» – гласила небрежно написанная листовка, вроде бы найденная в пяти кварталах к северу и подписанная псевдонимом «Американские анархистские бойцы». Восемьдесят бомб, каждая из которых содержала подобное послание, упакованные в коробки универмага Гимбел, незадолго до того были отправлены по почте известным американским капиталистам. Палмер и Флинн оба связали взрыв бомбы на Уолл-стрит с арестом Сакко и Ванцетти в Бостоне двумя неделями ранее. Был ли печально известный взрыв бомбы на Уолл-стрит в 1920 году действительно терактом? Последующие улики, собранные полицейским департаментом Нью-Йорка, наводили на предположение, что самая смертельная бомба, поразившая сердце американского капитализма задолго до 9\11, могла быть глупым несчастным случаем. Строительная площадка, находившаяся по соседству, регулярно заказывала вагоны динамита. Несмотря на то, что руководители анархистов подвергались постоянным преследованиям, никаких арестов не было произведено, что являлось редким исключением в эру, насыщенную подтасовками и ложными обвинениями.

Бомбистов сложно вычислить – по своей природе

они действуют исподтишка. Никто не возьмет на себя политическую бомбежку или сразу три группы объявят себя виновными за содеянное, причем у всех будут разные манифесты об ответственности. Гораздо больше угроз, чем бомб, и, наверное, гораздо больше чуваков, чем бомб, которые действительно пойдут в дело. Во все времена больше бомб использовалось полицейскими агентами, чем истинными революционерами. Сколько невинных «бомбистов» было ложно обвинено правительством и повешено за шею или другие конечности по обвинению в использовании бомб, которые они в действительности никогда не применяли?

Несмотря на принятие Шнаубельтом новой мусульманской веры, использование бомб столь же типично для Америки как ремень и электрический стул. На самом деле, американцы бомбили друг друга еще до того, как они стали американцами, – или, по крайней мере, получили бумаги, доказывающие, что они ими стали. Молли Мак Гуайр на угольных месторождениях Пенсильвании с большой радостью бомбил боссов, осведомителей и Пинкертонов в 1860-х и 70-х. Чернорабочие бомбили железнодорожные депо в Питсбурге, во время всеобщей стачки 77-го, разрушив шикарное оборудование железнодорожных магнатов ценой в 5 миллионов долларов. Десятилетием позже, в 1886 году, «Адам всех Бомб», вспыхнул в черной ночи своим красным хвостом, вылетев из Аллеи Крейн в Чикаго, и безвозвратно изменил рабочую историю. Большой Билл и горняки Запада ели динамит на завтрак, и бросали бомбы в своих хозяев, действуя по принципу «око за око». Хейуорд был признан невинным в подрыве губернатора Айдахо, но никогда не был под судом за взрыв на свинцовом руднике Банкер Хилл шестью годами раньше. Братья МакНамара взорвали Лос-Анджелес Таймс

1-го октября, 1910 – 23 человека погибли на Инк-Аллее, в тот момент, как положили бумагу в станок, и собственник Таймс полковник Отис, желчный противник профсоюзов, провозгласил вечную месть американским рабочим. Том Муни, уже пытавшийся бомбить электростанции Pacific Gas & Electric и трижды оправданный, был опознан в установке сумки с бомбой у стены салуна на углу Стюарт и Маркет стрит в Сан-Франциско – десятеро были убиты в День Готовности, 16 июля 1916 года. Вы можете быть уверены, если бы Муни этого не сделал, то сделал бы другой американец. Это в крови. Американцы уверены, что у них есть конституционное право производить бомбы.

Сирена скрипела в деловой части Манхэттена, подобно мелу, чиркающему по доске, когда водитель машины скорой помощи пытался пробраться сквозь заторы на городских улицах. Ему не нужно было спешить. Три молодые жертвы погибли мгновенно от взрыва, ослепительная вспышка света и затем чудовищной силы хлопок. Соседи задыхались, пробираясь из разрушенного дома на пересечении 13-ой стрит и Лексингтон-авеню, в квартале от Юнион-сквер, и менее чем в четверти мили от 15 Вест 11 стрит, где 58 годами позже члены Weather Underground подорвали сами себя, попав в Пантеон славы революционных бомбистов. Есть много необычайных совпадений в обоих событиях. И тут, и там трое молодых белых радикалов по всей очевидности неумело обращались с бомбами, предназначенными для употребления капиталистическим классом. 14 июля 1914 года взорвались Артур Каран, Чарльз Берг и Карл Хансон, все последователи Беркмана. Сообщили, что они готовили пакет с подарком для Джона Д.Рокфеллера в благодарность за учиненную им резню женщин и детей в Лудлоу, Колорадо, во время забастовки горняков.

Сирена скрипела в деловой части Манхэттена, подобно мелу, чиркающему по доске, когда водитель машины скорой помощи пытался пробраться сквозь заторы на городских улицах.

«Я была против этого с самого начала. Я говорила Саше, что я не хочу иметь с этим ничего общего, – оправдывалась Эмма Голдман. – Я не верю, что цель оправдывает средства». Несмотря на возражения Эммы и раскаяние Беркмана, трое несостоявшихся бомбистов были провозглашены героями на митинге на Юнион-сквер, а то, что осталось от их останков, было перевезено в Йонкерс, чтобы быть похороненным под большим камнем в виде кулака.

«Рабочий класс нуждается в динамите только для того, чтобы показать плутократам и банде белых воротничков, что их ненавидят». Парни МакНамара, которые вывели действия рабочих-металлистов за пределы Индианаполиса, превратили динамит в религию. Во время их правления Союз металлистов задумал разбомбить 150 стройплощадок и мостов в ходе десятилетней вендетты против Национальной Ассоциации монтажников, ловко прикончив ночных сторожей. В свое свободное время парни забавлялись, сбрасывая штрейкбрехеров с верхних этажей строящихся высотных зданий в Чикаго и окрестностях.

«Мои люди голодали до динамита», – Дж.Дж. МакНамара сказал в последнем интервью репортерам, перед тем как был отправлен в тюрьму Сан-Квентин. Действительно, бомбы удвоили заработок металлистов до 4,50\$ в день.

Между 1910 и 1930 годами Американская Федерация Труда, ассоциация рабочих союзов правого крыла, закладывала, бросала и прочими способами взрывала больше бомб, чем Союз революционных левых США даже мог и мечтать. В Чикаго между 1920 и 1924 годами взрывалось так много бомб (220), что удивительно, если кто-то мог спокойно спать. Бомбисты Американских лейбористов выдумали слово «рэкетиры» (потому что они производили такой «шум» – *рэкетиры*). Они были мастерами в «бросании большого чиха»

столь умело, что могли отделить переднюю стену от здания, не нанеся никакого ущерба находящимся внутри покупателям.

Лейбористские бомбисты громили магазины одежды, кондитерские, типографии, окрасочные предприятия, поставщиков копченого лосося, кинотеатры (профсоюз музыкантов вынужден был переместиться на Средний Запад после слухов о возможном устранении его членов). Угольные и газовые компании были излюбленными мишенями – в основном, чтобы убрать штрейкбрехеров, которых нанимали, чтобы развалить Союз объединенных шахтеров. Наконец, 13 февраля 1930 года бастующие шахтеры сбросили девять бомб на толпу штрейкбрехеров с арендованного аэроплана в округе Харпер, Кентукки – первая известная воздушная бомбардировка при трудовом конфликте.

Как отмечалось, немало из этих бомбардировок были задуманы, чтобы воспрепятствовать найму рабочих, не являвшихся членами профсоюза, многие из которых часто были афроамериканцами. «Я могу нанять одну половину рабочего класса, чтобы убить другую», – похвалялся Джей Гульд

Во время Второй Мировой войны американцы были слишком заняты, бомбя японцев и нацистов, чтобы бомбить друг друга. Но через какое-то время парни вернулись домой, и вскоре КKK добыл динамит. Черные церкви на расово сегрегированном юге были объектом нападений Ку-клукс-клана в их мужественной защите Арийского Женства. Четверо черных девочек были отправлены в Царство Божие после урока по Священному Писанию в Баптистской церкви на 16-ой стрит в Бирмингеме, Алабама в сентябре 1963 года, и Бог и глазом не моргнул.

В Америке использовались бомбы на любой вкус – расистские бомбы, фашистские бомбы, бомбы Иисуса, анархистские бомбы, бомбы борцов против аборт

Во время Второй Мировой войны американцы были слишком заняты, бомбя японцев и нацистов, чтобы бомбить друг друга.

бомбы революционного коммунизма, профсоюзные бомбы, капиталистические бомбы, криминальные бомбы, и просто обычные бомбы старых обид. Бомбы рекламировались как прекрасное средство, чтобы рассчитаться за обиды. Мой любимый американский бомбист всех времен Джордж «Сумасшедший бомбист» Метески, оставил небольшой след разрушения в поздние 1940-ые, взрывая в темноте задние ряды кинотеатров на Таймс Сквер и случайно задев дремавшего там бродягу. Он просто хотел поквитаться за обиду. У него были растрепанные волосы и безумные выпученные глаза на фотографии в «Daily News», когда он был схвачен. Его цель? Как-то ответить за то, что был несправедливо уволен с газового завода.

...

Необходимость немедленной расплаты лежит в заднем кармане любой пары американских генов, и бомбы действительно платят по счетам. The Weather Underground едва ли изобрели американский вариант использования бомб, но они точно вписались в существовавшую традицию. The Weathers несомненно были таким же американским явлением, как и Дональд Дак, чей голос был исполнен пляжным мальчиком, популярным бомбмейстером Джеффом Джонсом.

С их таинственной способностью растворяться в белой Америке, The Weather Underground использовали привилегию своей кожи как орудие войны. Где на свете была Бернардин Дорн, наиболее опасная женщина Америки? Вы должны были ее видеть у Mission P.O., в ее узких кожаных брюках. (Я однажды дрожил на плакат «Разыскиваются» с ее фото.) Но даже если она жила всего лишь кварталом ниже – что так и было, как потом оказалось – вы никогда бы не смогли опознать ее на улице.

Вооруженные своей *Настольной книгой подрывника* Е.П. Дюпона и 125 фунтами динамита, добытыми в каменоломнях Мэна, они подняли ставки и были единственными, кто взорвал Пентагон, до того как это сделали Муххамед Атта и его ассасины. The Weathers обещали «ответственный терроризм» и «принципиальное насилие», и всегда делали предупредительный звонок, если в помещении были люди. Они ранили нескольких, но не убили ни одного человека, за исключением самих себя. Дайана Оугтан, Тедди Голд и Терри Робинс – знакомьтесь! The Weather Underground были не единственными в

их вооруженном противостоянии власти. Другие теневые фигуры прокрадывались сквозь ночь – группа из Портланда, Мэн, под предводительством Рея Люка Левуазье взрывала бомбы в штаб-квартирах корпораций и на военных базах в 1980-е. Автономные коллективы подобные Племени Красного Ястреба из Денвера действовали во внутренних частях страны. Карлетон Армстронг (теперь владелец модного ресторанчика Лаунж Че в Мэдисоне) и два его сообщника рванули здание математического факультета Висконсинского университета в июне 1970 года. Освободительный Фронт Нового мира взорвал больше подстанций Pacific Gas&Electric к югу от Сан-Франциско, чем даже бедный Том Муни.

Хотя двухцветная Симбионистская Освободительная Армия, когда решила бомбить, проявила полное головоугодничество, Пуэрториканский Вооруженный Фронт Национального Освобождения (FALN) и Черная Освободительная Армия (BLA) доказали, что установка бомб – не только спорт белых парней, типа боулинга. Арабское влияние на американские бомбежки стало явным, когда Слепой Шейх удобрил почву во Всемирном Торговом Центре в 1993-м, и было взорвано федеральное здание в Оклахома-Сити в том же году. Тиммоти Маквей, ветеран Бури в пустыне, который, должно быть, обучился этим штукам в Заливе, убил 168 гражданских лиц, большинство из них были дети – на тот момент наибольшее количество американцев, когда-либо уничтоженных при бомбардировке внутри страны. Маквей также осуществил взрыв уже удобренной почвы – это была плата Джанет Рено и ФБР за сожжение 41-го члена душевнобольного клана Кореша. Кто выиграл?

С тех пор отряд джихада, кажется, приобрел лицензию.

Уменьшились ли американские бомбежки в последнее время? Возьмите детей из Коламбайн, Дилана и Эрика. Они изготавливали бомбы и фантазировали, как бы запустить самолет в Ближнецов задолго до того, как Усама бен Ладен и его парни сделали это. Из-за чего они так ненавидели все вокруг? Их одноклассникам не нравилось, как они одевались.

Или возьмем 19-летнего Лукаса Холдера, который в 2001 году ехал на машине, наполненной бомбами, как в смертельном путешествии Чарльза Старкуэзера по хлебной житнице Америки, взрывая почтовые ящики и выброшенные машины по пути на Запад. Когда его арестовали, он сказал дорожному патрулю, что посылал послания Курту Кобейну.

ЭПИЛОГ. ДНИ СМЕРТИ АМЕРИКАНСКИХ ЛЕВЫХ.

Это были дни Смерти
Американских левых,
И массы нарядились
В свои лучшие воскресные кости,
Клонированные Шнаубельты,
Своими бесплотными локтями
Продирались сквозь могильные камни
Герои нашего рабочего класса.
Во главе шеренги рабочий Джо Хилл
Шел, рифмуя криминальные куплеты
Прямо в ухо товарищу, который
Казался очень знакомым,
Тощий и длинноволосый плотник по найму,
Штрейкбрехеры и доносчики стоворились его
Продать Большому Римскому Боссу
За тридцать грязных серебряников.
Иисус Христос поднял свой кулак,
Как правильный работяга,
В то время как оркестр Союза плотников
С Луисом Линггом за маленьким роялем,
Заиграл «Солидарность навсегда».

Они пришли стремительным потоком,
Кости Левых,
Мученики Хеймаркета,
С веревками вокруг их шей,
Танцуя джигу проклятого висельника.
Затем шли Хьюи и Эддридж, «убивая свинью»,
И в мятежных шеренгах Пантер,
До сих пор отдавая гарью,
Улыбаясь, шагал скелет Люси Парсонс,
Рядом Альберт-младший, по-видомому, прощенный
За смерть, что не ожесточила сердце его матери,
Затем подмигнув Шнаубельтам обоим,
Она исчезла в нарастающем шуме,
Это надвигались горы мучеников,
Муни и Биллингс, Этель и Джулиус,
Их бритые головы сияли как благородный металл.
Сакко с Ванцетти, Треска и Гарли Флинн,
Фрэнк Литтл, Джуди Бари и Ральф Чаплин,
Джен Дебс, костлявый как мексиканская *calaca*,
Джил-Скотт Херон, бранящийся с Ла Флака,
Комми и анархисты целовались и мирились,
Годы пролетели, прошло уже достаточно времени,
Уильям З. Фостер вальсировал с Красной Эммой,
Вольгарина на обед пригласила Гас Холла,

Ирвин Абрамс и Мао Цзедун
Играли в китайские шашки,
Доктор Бен Рейтман успешно провел профилактику
Товарищей, излишне возбужденных,
Нина ван Зандт танцевала с лошадью,
Фидель Кастро и Тина Модотти вступили в связь,
Леон Чолгош мастурбировал в бочку,
Федерико Эсмит трахал Колин Нанкэрроу,
Фил Мелман женился на Фанни Муни Селенс.
Вместе пройдя Сан-Квентин 6,
И остальные тюрьмы,
Каннониты и Шакманиты
Перемешались с Саддамитами и содомитами,
Это было одна Великая неразбериха,
Просто смешение, говорю я вам.
Соджорнер Трас и Хэрриет Табман
Присоединились к Ленни Брюсу и Петру Кропоткину
В задорной оргии в День всех мертвых.
Большой Билл Хейуорд катался на маленькой Мисс Мэри Мэрсси,
Вокруг кладбища, как будто они играли в лошадок.
Sweet Honey In the Rock заводили песню,
О'Джон Браун и Винс Халлинан подпевали им,
Затем вступали Мама Джоунс и Мама Блур,
Эбби Хофман, Джерри Рубин и Абрахам Линкольн,
Мария и прочее Шнаубельтово племя.

Их бунтарский клан зажег вечный огонь,
Пит Сигер, Иззи Стоун и Мальвина Рейнольдс,
Джоан Мост заставил дрожать кладбище,
Так мощно взрывались его бомбы,
Но пирушка только разгоралась,
Флорес Магонес прибыли с текилой,
Джек Рид и Вилья были *meros chingones*,
Уоррен Битти имел Луизу Брайант,
В то время как Кларенс Дэрроу набирала клиентов,
Джек Лондон и Дж Роберт Оппенгеймер
Сражались в «Эрудит» без всякого таймера,
Карл Маркс обнимался с Гроуччо, Гуммо и Зеппо
(Харпо и Чико оставались на складе)
и Владимир Ильич признался Джон Леннону,
Что «Дайте миру шанс» была мощна, как пушка,
Ховард Фаст и Том Пейн писали новый сценарий,
И Муххамед Али толкал речь Денмарку Весси,
Чтобы не остаться в стороне от веселья,
Пришли битники с их большими пушками,
Керуак, Кауфман и Гинс-бомба,

Послэмиться с Берроузом, Буковским,
Ди Прима, Мишлен и Белчовским,
Это было лучше, чем ливерный паштет
Или когда осторожно тянут твой глаз.

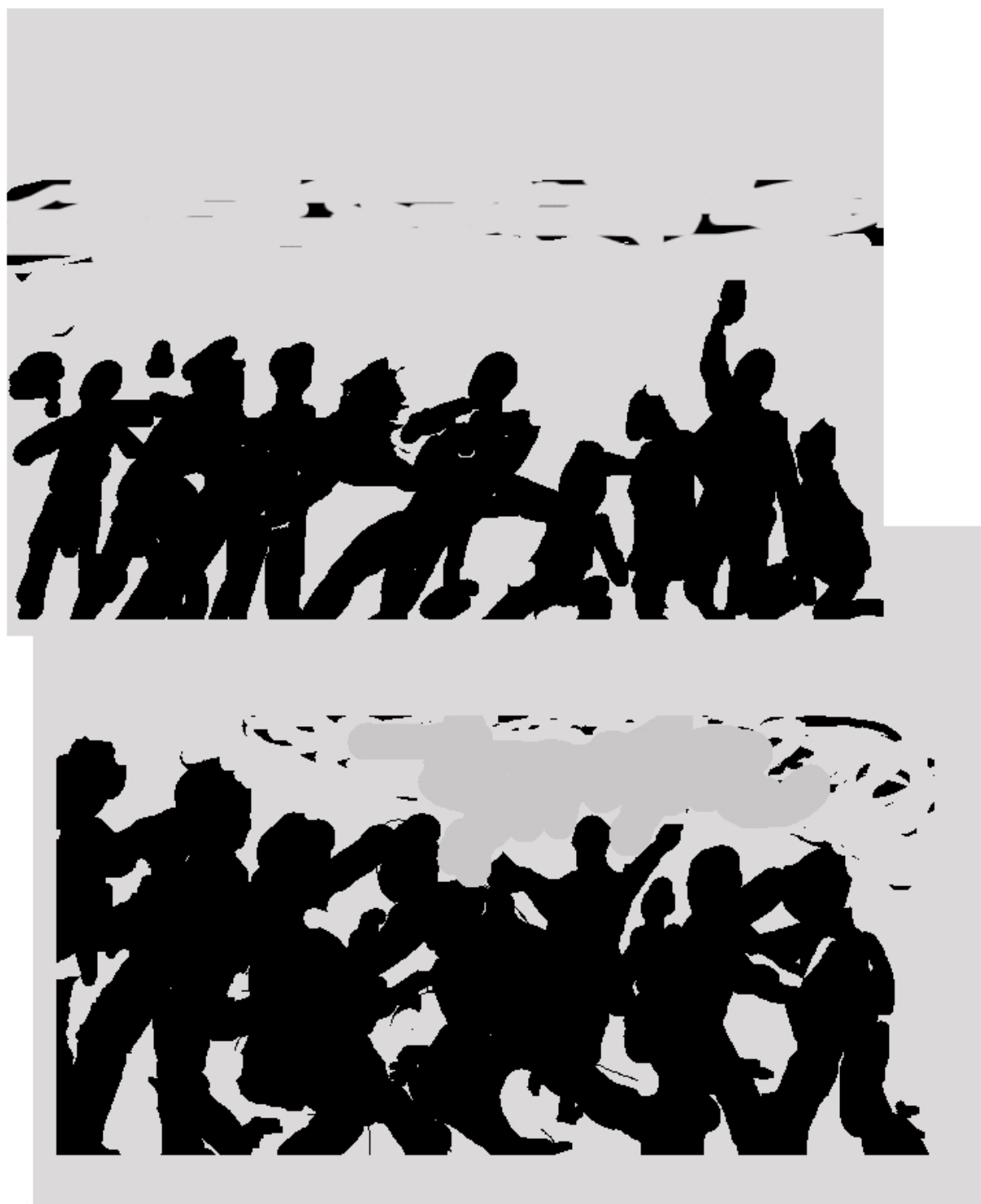
Саша Беркман и Тимоти Лири
Покурили косяк и дико развеселились,
Зиппи Булавочная Головка и Молли МакГауйр
Зажарили Пегаса на большом костре,
«Нет свинине!» – протестовали Боб Дилан и Ральф Надер,
«Сомо по» – поддержали их SLA и Суб Маркос.
Дороти Дэй лежит вместе с Wheather Underground.
Даже Пэтти Херст и архиепископ Ромеро залегли,
Вильгельм Рейх пригласил Гегеля в свою оргонную коробку,
Потрясши старого философа до самых носков,
Гудини учил Джорджа и Джонатана исчезать,
Томас Пинчон заканчивал последний бочонок пива,
Но только вечеринка стала затихать,
Как появилась еще сотня сотоварищей:
Маркус, Малькольм, Мартин, Мередит и Медгар,
Маршировали, связанные своими костями,
Пелтиер и Безумный Конь пришли отвоевать свои земли
От лесов секвойи до острова Нью-Йорка,
Это все ваше, пели Чиско и старик Вуди Гатри,
Марио Савио согласился одним из первых,
И я тоже! Проорал Че Гевара,
Забравшись высоко на дерево секвойи.

Так она пришла и никогда не закончится, река душ
Тех, кто никогда не сдавался,
Уильям Патерсон, Бобби Хаттон, Конрад Линн,
Билл Эптон, Клауди Лайтфут, Генри Уинстон,
Юный Швернер, Чини и Гудман,
Столкли Кармайкл и Доктор Спок все в строю,
Голливудская десятка, чикагская восьмерка
И кастонвильская девятка прямо за ними,
Декка Митфорд и Рутилло Гранде,
Оскар Коллацо со своим автоматом в руках,
«Боринкуинес» пришли с национальными войсками,
Лолита Лебрун, Янг Лордс, Дон Педро, конечно,
Жаркая *сальса* с потоками пива,
Череп танцевали как мертвецы прежних времен,
Я даже разглядел пару ног, танцующих в одиночку,
Должно быть принадлежащих Брайану Уилсону.
И рядом передвигались тысячи сносков,
Красный Джек, Хейвер Свен, старый Джонси Джонс,
Гарри Хейуорд, Гарри Бриджес и Ник Боудойс,
Фред Хэмптон, Берриганы и доктор Дьюбос,

Люк Левассер, Сэм Мэлвилл и Рейчел Маги,
Майк Голд, Малатеста и Юджин МакКарти,
Джордж Ратбон, Чарльз Мейер и Стадс Теркел,
Морт Шафнер, Эрл Броудер и Роберт Рейтцель
Дайана, Тедди, Терри и Зеро Мостел.
Ноги сноска этого апокалиптического тома,
Написанного Шнаубельгом и Россом и их костями
Взбивали такую пену,
Что сам «Глен Сандерс» зашатался,
И мертвые, которые еще молчали, подняли гвалт,
Роб Уильямс, Е. Грюнинг, парни Скотсборро,
Эммит Тилл и Рекс Ингрэм в «Большой Жареной Рыбе»
На углу, они шумели и шумели акапелла,
Аптон Синклер, Уэсли Эверетт, старый Чарли Том,
Мертвый Лудлоу, они шумели как бомба,
Восхитительный шум, как Б-52,
Или может быть Псалом,
А затем небеса разошлись,
И там была моя Мама!
Она затерялась в толпе
Беззубых ветеранов испанской войны,
Каждый из которых стал стройным оливковым деревом,
Справа от нее Пол Робсон прогудел Кадиш,
Билли Холидей слева проворковал «Боже, благослови
Дитя, что получит свое»,
Что получит свое...
Джонни! Спросила мама знаком, у нее не было лица,
Какого черта ты делаешь здесь?
Я умер, дорогая мама, я жил много лет
И понял в этой неразберихе только то,
Что жизнь полна борьбы и боли,
И революция не продлится
Если не будет хорошего взрыва,
Полного историй, и смеха, и влюбленных.
Что ж, тогда пойдем с нами,
Мой прекрасный мятежный сын,
Возьми с собой ребят Шнаубельтов
Мы возглавим деловой квартал,
Чтобы пикетировать ханыгу,
Который не дает рабочим их зарплату.
И так кость к кости
Мы связали наши руки,
Я и моя мама,
И пошли дальше и дальше.
Бесконечная процессия
Прямо на солнце,
Где никогда не закончится
Восход революции.

Перевод Ивана Русского

Исход

Отрывок из рассказа

Ненавижу всех этих людей, все это поколение ебаное. Все, кто вырос в девяностые. Вонючие мудаки. Знаете, наши дела, и дело Феди тоже, их все вели какие-то двадцатипятилетние упыри, или даже младше. Меня допрашивали вообще люди 88 года рождения. Одеты по этой своей гадкой моде, в каких-то куртках мудацких, с прическами, как у голубых, они были неотличимы от всех тех людей, которых мы били все эти годы. И фразы, и язык тот же, шутки убогие, приколы из Интернета. Они острили и заигрывали с Катей, девушкой Феди, на допросах через день после его убийства. Блять, в печь этих скотов, в Освенцим, никого не жалко, все поколение, всех, кому от 20 до 25, можно и меня за компанию, ладно. Жадные, тупые, жестокие, беспомощные, циничные, трусливые – надеюсь, Третья Мировая война сотрет сучье племя с лица земли.

«С праздником, пидарас!» – кричит Коля и всей своей стокилограммовой массой наступает на лицо человеку в маске, лежащему на асфальте. Его товарищи, человек двадцать, бессмысленно мечутся и режут воздух ножами метрах в двадцати. Они хотели убить пару человек во время нашего концерта в лесу, но что-то пошло не так, и из роицы на них внезапно выбежала толпа с кусками деревьев, коряг, металлическим мусором. Они теперь сами оказались в роли жертв. «Назад! Застрелю, мрази! Всех перестреляю!» – орет мусор из подоспевшего наряда и тычет в Колю дулом АКМ. Вместо того, чтобы подчиниться, Коля направляется прямо к нему и дает ему по ебалу, но как-то неуклюже, он очень пьян, и сам валится на руки подоспевших соратников, которые уносят его тело обратно в лес. Охуевшие менты объявляют какой-то экстремальный план подавления мятежей, приезжают

сразу четыре автобуса ОМОНа, начинается зачистка лесополосы. Мы грузим звуковую аппаратуру в машину и начинаем отступать в Подмосковье звериными тропами. Середина апреля, снег только сошел, грязь, слякоть, довольно прохладно. Мы сидим с музыкантами на пеньках и бревнах и слушаем вечернее пение птиц. Опускаются сумерки. Несколько людей тогда все-таки задержали, у одного паренька изъяли пакет с тридцатью нашими дисками. Концерт в лесу – это была презентация нашей демо-записи. Менты в отделении врубили один диск и пришли в ужас с первых секунд. «Что это за хуйня!! За одно прослушивание этого говна надо сразу сажать или расстреливать!»

Лги, кради, убивай – злые правила одни для всех; менты и политики лгут не хуже тебя, мы или они – кто выживет в этой войне? Кто-то должен убить друг друга, кто-то должен стать хуже всех, кому-то придется умереть. Лги, кради и убивай – лицемерь и притворяйся; обмани их всех! Ты не станешь хуже, чем ты есть. Воруй, выноси, обувай! Успеешь первым! Успеешь первым! Хуже, чем все они вместе – лги, кради и убивай.

Рождены в 80е, в нас убили детство – в разрушенной стране мы пытались быть людьми. Я вспоминаю, как был не нужен, как мы росли в неполных семьях. Я вспоминаю те минуты, когда хотел уйти из жизни. Долгие зимы 90х – теперь все это в прошлом... Но смерть приходит за нами из тех тягостных дней, боль и страдания оставляют свой след. Мир, где все умирают; город – убийца надежд... Кто следующим из твоих близких не вернется домой? То, что ты любишь, будет разрушено первым.

И всадник на бледном коне летит каждый день над Москвой, и слезы из мертвых глазниц катятся с неба дождем.

Тед Качинский – профессор математики, объявивший войну человечеству. В 1971 году он покинул цивилизацию и поселился в лесах штата Монтана в самодельной хижине, питаясь добытыми охотой кроликами, выращенными скудными овощами и собранными кореньями. Кроме того, в своем уединении, он собирал самодельные взрывные устройства, упаковывал их в посылки и отправлял по адресам виднейших лабораторий, научных центров, университетов. В результате его деятельности погибло 3 человека, 29 были ранены. ФБР искало его 18 лет и дало ему кличку Unabomber (от «UNiversities and Airlines BOMbings» – «Университетов и Авиакомпаний БОМбардировки»). Тед хотел парализовать общество, целясь в его самые уязвимые узлы, системы коммуникации, транспорта и научные объекты. Общество объявило его техногенным кошмаром 20 века, сделало из него врага номер 1, монстра, способного уничтожить любого. 3 апреля 1996 года Тед был арестован, благодаря тому, что его опознал собственный брат. Сейчас он отбывает 4 пожизненных срока в федеральной тюрьме ADX Florens в Колорадо, принадлежащей к разряду супермакс, это один из наиболее охраняемых объектов в США. Тедом написано несколько статей, «Манифест Унабомбера» или «Индустриальное общество и его будущее», рассказы, из которых наиболее известным является «Корабль дураков». Сейчас у Теда тысячи поклонников во всем мире, его называют одним из прародителей анархо-примитивизма. Не уверен, что это корректно, в своих работах он, скорее, использует правую, традиционалистскую платформу. Впро-

Мы сыграли уже всю программу, следующей должна была играть отличная группа из Барселоны – Holocaust in your head, но чешские ублюдки все орали: «Пизда! Еще!», – и нам пришлось сыграть еще пару старых хитов...

чем, возможно, на том уровне искренности, которого он достиг, это уже не важно. Интересно, что в тюрьме Тед вел себя крайне необщительно и за все время смог наладить доверительные отношения только с парой людей. Среди них был Тимоти Маквей, расовый террорист, подорвавший бизнес-центр в Оклахома Сити в 1995 году, его содержали в ADX перед смертной казнью. Тогда погибли 168 человек, большая часть из них были белыми, никто не мог понять, зачем он это сделал. После ареста Тимоти объяснил, что в своих действиях и методах борьбы он ориентировался на книгу Уильяма Пирса «Дневник Тернера» – неонацистскую антиутопию, в которой отстаивается мысль о том, что достижение Белого Господства не может быть никак связано с изменением существующего режима или террором против отдельных людей, единственно верный путь – тотальное разрушение всей Западной Цивилизации, провокация Третьей Мировой войны и заключительная битва рас в условиях ядерной зимы. Только лишившись электричества, всех привычных удобств, опиума, масса-медиа, арийский человек, сможет, наконец, внять зову нордических предков и победить в пламени нового Армагеддона. Качинский не был расистом, но с Тимоти они нашли общий язык. Тед стоит над всем миром как Палладин новой эры, его защита – примитивизм, его оружие – террор. Он никому и ни во что не верит, всегда одинокий, самый слабый, лишенный всего, и, одновременно, всесильный.

Ted Kaczynski Евротур, часть 6. Прага.

...уже 2 часа ночи, мы, в коматозе, мчимся по скоростной трассе в сторону Чехии. Ночлег запланирован в Праге, в сквоте Милада, мы долго пытались прозвониться туда, в конце концов, какой-то

чех сказал, что все ок, надо будет просто подъехать к нему и покричать как можно громче, чтобы обитатели нас пустили.. Около 4 ночи подъезжаем к Праге, дичайшая темень. Выясняется, что чешская подруга Клара, ехавшая с нами, не знает адреса, но может показать, как туда ехать... тут я немного вырубился, проснулся от интенсивной тряски и качки – мы были в аду! Вэн медленно ехал сквозь какие-то пустыри, леса, дачные участки, очень хуевые, как у нас в Подмоскovie, дороги не было, но были огромные провалы и колдобины. Наш водитель, польский рокер Лукаш, приказал нам всем выйти и толкать вэн, иначе он не мог вылезти из этого говна. Опять провал в памяти, потом картина – мы все тормозим вэн, который медленно сползает куда-то в овраг... Внезапно тропа, по которой мы ехали, заканчивается на какой-то помойке, вниз – крутой овраг, вокруг – лес. Что за хуйня? Где мы? Вдруг видим огонь – маленький костерок показался из-за кустов. Мы крадемся туда, рядом с костром стоит мужик в дредах, в лохмотьях, «Меня зовут Роберт, привет!». Он ведет нас за кусты, в какие-то деревянные руины, очень впечатляющий Дом с привидениями, погребенный за горами отходов. Поднимаемся по деревянной лестнице, по ней струится вода, на полу мусор и кал собак, очень пахнет бензином. Проходим коридоры, заваленные строительными отходами, в конце – дверь, мы все наваливаемся на нее, чтобы проникнуть в комнату. Адский холод... Кроме нар и печки в углу, в комнате находится еще гора хлама: сломанные велосипеды, обломки мебели, груды книг... К несчастью, присутствуют окна без стекол, затянuty клеенкой или заткнуты тряпьем. Роберту тоже было очень холодно, ожидая нас, вместо того чтобы растопить печь, он предпочел выпить.

«Где дрова?» – я его спрашиваю. Он окидывает мутным взглядом комнату и говорит, что повсюду... «Обычно мы идем в соседние комнаты и отколупываем паркет – он отлично горит!». Мы так и сделали, нашли топор, пошли в другую комнату и нарубили там паркета. Теплее стало от работы, а не от растопленной печи... Мы повалились на нары, укутались каким-то тряпьем, которое нашли на полу, легли как можно интимнее. Внезапно прямо по нашим лицам непринужденно пробежала упитанная крыса. Мы, конечно, все прифигели, особенно дамы, но предпочли списать это происшествие на ночные кошмары... Вероятно, у зерушек проходила там трасса... Утречко было атас... Как бывают такие романтические моменты, когда вы мечтаете, чтобы этот день никогда не кончился... Ну, так и бывают моменты, когда вы молитесь Богу, чтобы этот день не начинался... Мы опять простудились все, на заблеванной кухне как дикари мы накинулись на какие-то обеды, снова рубили паркет, чтобы почувствовать пальцы. В Миладе не было воды. Правда, был артезианский источник на третьем этаже, из какой-то трубы или батареи беспрерывно хлещет вода и стекает через все здание вниз, медленно подтачивая фундамент... Туалет – на улице, местные обитатели даже решили не заморачиваться насчет пресловутой кабинки и просто испражняются в овраг или на стену Милады. Много лет назад Милада была очень развитым сквотом, в нем проводились концерты, жило полно народу, сейчас он в запустении, хотя на различных чешских и словацких сайтах везде висят баннеры The Rebirth of Milada. Типа он возрождается. Возрождение началось с того, что в него переехал тот самый Роберт, сам он родом из Братиславы. За ним туда вселилась еще пара человек,

я не совсем понял, откуда они, но судя по внешнему виду, с Югов: из Югославии, Греции, Болгарии или Таджикистана... Они не говорили по-английски... Мы собираем свои вещички и уебываем оттуда, в твердой решимости никогда больше тут не появляться, хотя другой вписки у нас нет. Прогулялись по городу, пожрали в кабаке «У Швейка», получилось довольно дешево, чешские кроны котируются... они почти такие же нищие, как рубли... Приехали к клубу. Он находится в подвале общежития в студенческом городке, вокруг студенты, студентки... Первыми играла команда Jonestown, их вокалист работает продавцом в панк-магазине, парой часов раньше мы удачно увели у него пару винилов... Отличный красткор в духе той же Wolfbrigade... Все уже нормально подогрелись... Потом вышли мы,

и почему-то всем очень понравились. Думаю, отчасти это было вызвано тем, что мы очень не хотели возвращаться в Миладу и отрывались как могли... Я орал «Хули вы смотрите, уебки! Говори по-русски – айн цвай драй!». Потом меня осенило, и я вообще после какой-то песни начал орать «Ежин с Бажин» – песню-шедевр юмора в ЧССР в 70х. Люди легли рядами просто! После этого инцидента нас уже не переставая носили на руках (бетонный потолок был довольно низкий, и добрые руки нас поднимали и били о него снова и снова!), люди выхватывали у меня из рук микрофон и, в лучших традициях СНГ, просто орал туда благим матом... Мы сыграли уже всю программу, следующей должна была играть отличная группа из Барселоны – Holocaust in your head, но чешские ублюдки все орал: «Пизда! Еще!»,

– и нам пришлось сыграть еще пару старых хитов... Когда и они уже иссякли, мы стали сваливать со сцены, а нас настойчиво не пускали и выталкивали обратно... За меня уцепилась какая-то девушка и не выпускала в зал... я ей говорю по-русски: «Давай, ты будешь плясать голой!» – и тут получаю такой удар в челюсть, что просто улетаю на несколько метров... и, вдогонку, крик: «Иди играй, а то еще получишь!» По-русски! Так мы познакомились с Лерой из Москвы, очень горячей блондинкой! Она была пьяна и поведала нам, что приехала сюда кутить неделю назад, и за все это время ни разу не потрахалась, о чем очень сожалеет. При этом она не уставала бить нас и кусать за соски наши обнаженные торсы! Она сама была почти голая и продолжала четко загружаться в баре и загружать нас. Это была беда русского духа!

Сатана пытается найти тебя, вычислить, нейтрализовать, но у тебя есть вся твоя проницательность и несколько десятков лет, чтобы успешно обманывать его до самого конца и выйти победителем.

Мы осознали наш шанс. Под предлогом секса с Лерой необходимо было вписаться к ней на хату восьмером. Зажечь эту горячую даму мы поручили Руслану, как единственному холостяку в группе, но он внезапно проявил какие-то ретроградные чувства и пошел на попятную. Мы потащили их в элитную гримерку, где продолжили спивать обоих. В этот момент выяснилась подробность, что Лера приехала в Прагу не одна, а с мамой, с которой живет в одном номере... В свете новых обстоятельств, когда выебать предстояло еще и маму, отговорки Руслана стали уже вовсе неуместны. Нам очень не хотелось назад в Миладу... Тем временем заиграли испанцы, и тут уж вся толпа, и мы вместе с ними, просто устроили хаос-беспредел, мясорубку и даже поднимали на руки увесистых музыкантов! Для большего веселья мы кинули в самую гущу пьяную Леру, попутно снимая с нее остатки одежды. Чехи поняли, что значит Русская победа! Мы подняли ее, и преподнесли на сцену, как заслуженную награду испанцам. Потом мы преподнесли им Руслана. Потом преподнесли меня и еще пару людей. Все эти дары оставались валяться на сцене, потому что не могли уже выбраться обратно в зал из-за неимоверной давки и бешенства. В общем, пиздец, они тоже отыграли всю программу, а их все не выпускали. Они говорят, все, не будем больше играть, сколько не просите. Я вытащил к ним наше секретное оружие – белокурую Леру и дал ей указание предложить им отсосать, если они сыграют еще песенку. Она подошла к гитаристу, что-то ему сказала – тот без колебаний схватился за гитару и начал рубить рок! Дебош продолжился с новой силой! Дальше я смутно помню... Мы снова братались с испанцами, все братались с нами, я раздавал фирменные диски и нехило наживался.

Было уже далеко за полночь, и группы все отыграли, а народ и не думал расходиться, тут привыкли, видимо, гулять до полного поражения... В чаду мглы мы куда-то потеряли Леру и никак не могли ее найти. Испанцы не признавались... Это был провал, надо было срочно найти вписку, но.. Поганая Европа, там что, вообще не принято вписывать людей? И пусть их восемь, но зато какие! Наконец мы нашли какого-то алкаша, он, опять же, говорил по-русски и был готов к диалогу. Я оставил Руслана договариваться с ним, а когда вернулся – они уже пили спирт! Это снова было поражение, на этот раз я пошел прямо к организатору концерта – вокалисту группы Guided Cradle Этану и сказал, что не намерен больше терпеть отели с хвостатым персоналом и, если на следующее утро нас найдут в Миладе замерзшими и без лиц – это будет на его совести. Этан был уже очень пьян, но взялся за дело со всей ответственностью и с важным видом сделал пару звонков, после чего объявил, что слугам приказано предоставить нам в Миладе новые апартаменты и протопить их по-русски. Что ж, хоть так... Где-то к трем утра нам, наконец, удалось выбраться из плена кабака, вытащить из него всех заморских обитателей, в ходе этого мы потеряли Клару, зато нашли за каким-то ящиками Леру. Мы очень обрадовались, но преждевременно, она была без сознания, и, как мы ее ни переворачивали и ни глумились над ее телом, признаков жизни так и не подавала. Пришлось расписать ее пентаграммами и свастиками и положить обратно... Приезжаем обратно в вонючий гадюшник, никуда там лучше нет комнат, чем та, в которой мы кутили до этого, пьяный Роберт валяется посреди кухни со сворой собак... Достаем всю еду, которая оставалась, давимся ей, я замечаю в углу кастрюлю, полную какого-то

варева, и спрашиваю у Роберта: «Это по-вегану? Это сегодня приготовили?» Он кивает головой, да, по-вегану. Отдаю кастрюлю Руслану, он пытается ее подогреть на печке, все это в полной темноте – в дизель-генераторе, который стоял в подвале и вырабатывал немного электричества, кончилось топливо. Садимся есть, Роберт садится с нами, чего-то рассказывает... И вдруг начинает орать: «Что вы делаете?? Почему вы едите это? Это еда для собак!» Мы в ахуе, Руслан побежал сразу блевать, а потом рыдать – еда была не по-вегану... Именно в этот момент, когда он нажрался собачьей еды в разрушенном здании с крысами где-то в аду, его дух был надломлен. С этого момента Руслан преобразился и двинулся решительными шагами в мрак запоя...

Я познал – ты должен все время лгать. В этом нет ничего предосудительного, на войне как на войне. Ты в тылу врага, глубоко законспирирован, фальшивая история, документы, прошлое – «легенда». Сатана пытается найти тебя, вычислить, нейтрализовать, но у тебя есть вся твоя проницательность и несколько десятков лет, чтобы успешно обманывать его до самого конца и выйти победителем. Нет никаких законов, правил, все заповеди давно устарели, теперь Лукавый использует их сам, чтобы держать тебя под контролем. Стоит тебе проколоться, выдать себя – ты пропал. Он даст тебе маленький бэджик на лоб и правую руку: «святой», «честный», «хороший малый», «свой парень», «лентяй», «дурак», «нищий», «добоеб», – и все встанет на свои места, ты пойдешь прямо к нему на обед. Твоя задача – обмануть его, перетасовать все карты, не давать ему опомниться, постоянно менять пароли и явки. Тогда, возможно, он ничего не поймет, запутается,

не заметит главного, неправильно оформит твои бумаги – и ты свободен! А вот те ребята, которые говорят всегда правду и борются за вечные идеалы – в наше время они его самые верные слуги.

Сижу ночью в кафе, смотрю в окно. Сегодня Friday night, улицы заполнены народом, хотя уже далеко за полночь. Арабы, негры орут и смеются у входов в бары, в круглосуточное кафе, где я сижу, набилось человек сорок, все греются, болтают и пьют кофе. Через час я выйду отсюда, передо мной пять тысяч километров, пять ночевок в непредсказуемых местах, пять дней, наполненных непрерывным кутежом и около 20 евро на все. Пружина готова развернуться полностью, поехали. Допиваю кофе, выхожу на улицу, иду через незнакомый город на автовокзал. Тысячи белых такси проносятся мимо, люди жмутся в круглосуточные закусовые, достаточно морозно. Сажусь в автобус, еду до порта, загружаюсь

в огромный двенадцатипалубный корабль-казино. У меня самый дешевый билет – без места в каюте, я просто ложусь спать на одном из диванов в углу игорного зала. Просыпаюсь утром от сильного голода, 20 евро отложены на поезд, роюсь в карманах, нахожу 20 центов, иду в казино, нажимаю на кнопку в игральном автомате, и внезапно 20 центов превращаются в 5 евро. Завтрак. Переплываем море, выхожу в грузовой порт, часа три пытаюсь поймать машину, ничего не получается. В конце концов, меня замечает полиция и гонит в какие-то леса, заблудился между скал, вышел в какую-то деревню, там русские дети рассказывают мне, как добраться на перекладных автобусах, алилуйя. Денег хватает только на полдороги, выхожу, метет поземка, полное отсутствие средств. Вечереет. Иду в городскую библиотеку греться, там бесплатный Интернет и собрание Солженицына, проверяю почту – знакомый из Москвы

пишет, что как раз заехал сюда сегодня навестить друзей и уезжает вечером. Мы встречаемся, идем на вокзал, крадем из магазинов еду и сувениры по дороге, садимся в проходящую электричку без билетов, притворяемся, будто сидим здесь с первой остановки, кондуктор проходит мимо, едем. Мой иностранный знакомый приехал из Москвы на родину проводить родных и друзей. Он отмечает каждый городок, который мы проезжаем: «Здесь я сидел. И здесь сидел. А здесь тюрьма просто ужасная». Его срок заключения был разбит на несколько меньших в связи с тем, что он учился в Москве и вынужден был ездить туда во время сессий... «Каждый раз, когда я приезжаю домой, я впадаю в такую депрессию, беспрерывно думаю о суициде. В этой стране самый большой процент суицидов в Европе, не могу здесь больше двух недель. Тут очень плохо, бесконечная мгла, даже деревья ненастоящие. Вот эти деревья, у нас очень гордятся нашей

Рядом со мной идет парень и воодушевленно бормочет, глядя на памятник Степану Бандере: «Потерпи, Русь-матушка, приехал биться за тебя Ванька калужский...»

зеленой страной. Посмотри, они одной высоты все, это насаждения, везде насаждения, смотреть на естественный лес мы ездим в Россию.

11 лет назад я приехал впервые в Москву, мы организовали под Ростовом большой эколагерь, против строительства терминала местного завода. Съехались люди со всей России, жили в палатках, бухали постоянно, песни пели. Потом приковали себя наручниками к большим бетонным блокам, поставили их на дороге, по которой каждое утро рабочие шли на стройку, так обычно делают протестующие в Европе. Рабочие утром все это увидели, отпиздили всех, кто там был, собрали палатки в кучу и подожгли. Я стою посреди всего этого пиздеца, все горит, люди валяются в пыли, думаю, все, конец. В Европе такое немыслимо. А на следующее утро русские еще выпили, настроили новых шалашей, купили водки, и лагерь продолжился, как ни в чем не бывало. Тут-то я и понял, что русские люди, конечно, более глупые...»

Приезжаем, ночью у другого знакомого, проверяю почту – вчера в Питере мрази заложили на огромный концерт бомбу с гвоздями, она чудом не взорвалась. Там было больше 600 человек, сумка со взрывчаткой была в самой давке. Все эти девочки, мальчики... очень плохо.

Утром перед отъездом еще один рейд грабежей по магазинам, еда и модная одежда исчезают в моей сумке. В полдень сажусь на рейсовый автобус с челноками, повсюду пахнет копченой рыбой и моющими средствами. Через несколько часов пограничник ставит мне в паспорт штамп – я снова на Родине. Грязный снег, солдаты в ватниках, овчарки... Приезжаю в Питер, оставшихся денег хватает ровно на билет до Москвы. Вечер у подруги, ночной поезд, питаюсь исключительно ворованным.

Днем уже в Москве, на перроне стоят менты и отправляют всю молодежь на обыск. Добро пожаловать. Провожу два часа в отделении, когда доходит очередь до меня, начинается обед, отпускают без досмотра. Я рад, в рюкзаке вместо таблеток они нашли бы пулеметную ленту, электрический самотык-вибратор и четыре килограмма виниловых пластинок с кишками на обложках. Время потеряно, не успеваю заехать домой, сразу еду к клубу. Сегодня там презентация диска знакомой группы, все наши уже в зале. Начинается шоу, обезумевшие люди прыгают в толпу со второго этажа, ходят по головам, Вова сегодня выступает в спортивном костюме, толпа штурмует сцену, то и дело у него отбирают микрофон. «Мы будем разбивать лица ублюдков в щепки».

Меня заботят насущные проблемы, я уже разложил на столе только что вывезенные из-за границы пластинки, и через полчаса у меня уже достаточно денег, чтобы покрыть свои расходы на ближайшие дни. Отдаю все свои вещи друзьям на хранение, переодеваюсь в туалете, три человека, которые тоже едут сегодня со мной в Киев уже ждут меня на улице, поезд отходит через час. Ловим машину,купаемся в ларьках, едем.

Утро встречаем уже на Украине. Настроение – отличное, слушаем в плеере песни Михаила Боярского, гуляем по Крещатику, едим в столовых за гроши. Ночуем у подруг в пригороде, утром приезжают все наши, дебош, алко-трэш, теперь Боярского знают наизусть уже все. Ближе к вечеру все уже на взводе, встречаемся с местными на окраинах, все в бреду, пьяны. «Вперед гусары – ебать и резать!» – орет человек в беспамятстве и, тут же, блюет себе на дорогу куртку за тысячу баксов. Все грузятся в автобусы, едем на запад. Около 5 часов утра, на рассвете, останавливаемся на границе области и

идем через села и хутора на железнодорожную станцию. Прихватил морозец, отовсюду кричат петухи, мазаные хаты еще не проснулись. Садимся все на первую электричку, въезжаем на ней в город. День выдался солнечный, гулять по кривым мощеным улочкам – просто класс. Оккупируем небольшое кафе прямо в центре и ждем, когда за нами придут. К нам присоединяются пацаны из Минска, они здесь с самого утра и пока никаких движений в городе не заметили. Ожидание длится уже больше трех часов, решили сами выдвинуться к стадиону, им навстречу. Маршируем колоннами через проспекты и бульвары, песня мушкетеров разносится на весь город. Рядом со мной идет парень и воодушевленно бормочет, глядя на памятник Степану Бандере: «Потерпи, Русь-матушка, приехал биться за тебя Ванька калужский...»

Площадь перед государственным университетом, около четырех часов дня. Мы стоим плотным квадратом в шестьдесят человек – киевляне, минские, москвичи, – так, что флигель здания прикрывает нас сзади. Из парка напротив вываливается толпа местных идиотов, больше ста человек, они все идут к нам, приплясывая, и орут какие-то глупости. «Один за всех – и все за одного!» – кричим мы им, и первые ряды сходятся. Дальше – кадры: разбитые лица, рваная одежда, куски асфальта, летящие мусорные урны, какое-то длинное хуйло из их рядов выбегает вперед, узнает меня и кричит от неожиданности: «Что ж вам все не сидится?». Потом – по сценарию: выстрелы в воздух, приезжают «космонавты», всех кладут на асфальт, потом лицом к стене, потом – в отделение. «Москаль?» – мент в приемке удивленно крутит в руках мой паспорт. Нас рассаживают по разным камерам, я попадаю в ту, где уже сидят один знакомый из Киева и один моск-

вич. У москвича сильное сотрясение, он ебнулся рассудком, беспрерывно спрашивает нас: «Где я? А что, была драка? И я дрался? Да ладно! Вы меня наебываете!» – и так с интервалом в минуту, каждый раз одно и то же. Кратковременная потеря памяти. Через час он просто заебал нас. Я стою перед железной дверью в вонючей камере в городе, где существует улица Джохара Дудаева, не спал больше пяти дней, не был дома больше двух месяцев, по коридору ходят украинские менты, а у параша окровавленный человек повторяет в тысячный раз: «Да ладно! Вы меня наебываете!»

Хорошо отдохнули. После смерти Феди, через день, мне внезапно позвонил Миша. Мы не общались несколько лет, он обиделся на нас тогда, сменил телефон и перестал появляться. Он сказал, что плакал сегодня, когда смотрел старые фотографии. «Как же все-таки это получилось... Мы же могли остановиться еще три года назад, могли остановиться в любой момент. Мы тогда собрались и долго спорили, что делать дальше, когда стало понятно, что все это – билет в один конец и возврата не будет. Мы с Колей были за то, чтобы сменить профиль, а Федя настаивал против,

говорил, что нельзя это так оставлять. А что было бы, если бы мы тогда бросили? Федя был бы жив, все эти ребята были бы живы, все было бы иначе. Я все время думаю об этом». «Да, все это очень стремно. Я каждый раз чувствую вину, когда очередной парень в Москве или где-то еще умирает. Это все очень плохо. Но, Миш, я не знаю. Я не знаю, когда надо было остановиться. И Федя не знал. Когда уже спасовать, как в покере, когда сбросить карты. В какой момент? После какого убийства? Я не знаю».

Петр Силаев

Авдей Ирага и Ианк

Ирага Квартира Авдея встретила нас каноническим портретиком Ленина в прихожей рядом с зеркалом. Сначала я списал это на художественный вкус Авдея, но потом выяснилось – Ленин жил в этой квартире в 1912 году.

Мы приехали делать Голодовку без выдвижения требований на первой Пражской биеннале. Это значит реальная голодовка перед входом в Национальную Галерею без выдвижения кому бы то ни было каких-либо требований. И вот я лежу в палатке посреди Праги, надо мной красный транспарант с написанным, а потом закрашенным черной краской лозунгом в знак отсутствия требований. Я наблюдаю город через отверстие входа, иногда выхожу через дорогу в кусты. Этот способ наблюдения нельзя назвать абсолютно негодным – Прага не стоит на месте, она движется мимо меня шумными трамваями, быстрыми автомоби-

лями и общительными прохожими: Вечером подходили местные молодые художники, большинство сразу понимали Голодовку, кто-то тонко критиковал. Ночью, когда стемнело и улицы опустели, начали подходить гопники, один долго и настойчиво просил туалетную бумагу, насколько я понял, из националистических соображений – листовки об отсутствии требований, лежащие около палатки, были на английском, и это его оскорбляло. Но обычно – хоть и напористые, но не желающие зла – несмотря на то, что я уже спал, нагло расстегивали палатку и начинали говорить по-чешски, я отвечал по-русски, и они уходили

Какие-то тинэйджеры в три часа ночи начали выдергивать колышки, непрочные забитые между камнями мостовой, я окончательно проснулся к тому моменту, когда передняя часть палатки уже падала мне на ноги. What a fuck are you breaking my house! – парни отошли в сторонку, а две наглые девчонки с собачкой ответили не смутившись: It's normal. It is just a joke. Они удивились, что «мой дом» так странно выглядит и находится в таком месте, сказали, что через пятнадцать минут придет полиция. Но разговор с полицией случился только через два дня, когда охрана Национальной галереи пыталась повесить на меня ванда-

лизм местных панков, нарисовавших что-то на скульптуре перед зданием. Якобы запись камеры наблюдения показывала, они выбежали из моей палатки.

дневная Прага намного однообразней – посетители выставки, проходящие мимо и заглядывающие внутрь – шоу. Я какой-то странный шоумен. От лежания в палатке – полная потеря идентичности. Сначала я героически чувствовал себя телом акции, потом иронически чем-то вроде пародии на гринписовца или антиглобалиста, и под конец циничным попрошайкой, демонстрирующим свое «несчастье» в надежде на славу, ведь ни в какой конфликт я ни с кем не вступил. Итальянскому куратору акция понравилась, ослепительно улыбающаяся журналистка из Флэшарта фотографировалась со мной, как с переодетым Лениным на Красной площади. Как можно в таком случае говорить о сопротивлении? Она была сильнее, все время повторяла: Белиссимо! Ее улыбка действительно ослепляла, я не мог сопротивляться. Да и должен ли я был сопротивляться? ведь они обеспечивали паблисити, приводили фотографов, к тому же без них акции вообще бы не было. Эти итальяшки были убийственно великолепны – светскость у них в крови. Их жесты театральны, также как и реплики, и не всегда понятно, что они имеют в виду, так мое сопротивление институциям было подавлено. Если же говорить о сопротивлении системе вообще, то надо было голодать подальше от Национальной галереи, и не во время биеннале.

еще я познакомился с одной англичанкой-шизомолекулой. Она совершенно не представляла, чем займется в следующую минуту, не имела особенных планов. Как-то

Мы пытались объяснить ей, что акция не имеет ничего общего с требованием повышения зарплаты или чего-то в этом роде, но она не унималась, ее зациклило на этой теме.

вечером, когда у меня были ребята – остальные участники нашей группы, которые засали голодать, но время от времени приходили меня поддержать и получить право на свой кусок славы – она подошла к палатке, взяла листовку и начала спорить о требовании денег. Мы пытались объяснить ей, что акция не имеет ничего общего с требованием повышения зарплаты или чего-то в этом роде, но она не унималась, ее зациклило на этой теме. Поскольку говорила она на родном английском, мы практически ничего не понимали. Но мне все же казалось, что она настроена по отношению к нам критически. Потом она начала улыбаться без видимой причины, и я, чтобы прекратить эту неразбериху и перевести тему, сказал, что она похожа на Бенни Хила. Это очень сильно подействовало. Девушка ушла. Я почему-то проникся к ней симпатией. Минут через десять я впервые за три дня позволил себе прогуляться от палатки – за это время у меня сформировалась мечта дойти до странной формы моста с часами. Я оставил ребят у палатки, а сам пошел к мосту, и по дороге встретил ее. Она подошла ко мне с другой стороны улицы. Что я действительно похожа на Бенни Хила? Ты зря, мне понравилась ваша акция, вне зависимости от слов, и скорее реагируя на ситуацию, я еще раз почувствовал к ней симпатию, и одновременно понял, что она не может причинить мне вреда – редкое сочетание.

Мы прошли минут пять до моста, и с удовольствием говорили друг с другом, почти совершенно друг друга не понимая. Иногда это бывает приятно, говорить что-

то просто так, как бы игнорируя предыдущую реплику собеседника, и не будучи уверенным, что тебя поймут.

На следующий день она опять застала меня с ребятами. Я не мог уделить ей достаточно внимания, и она пошла смотреть биеннале. Все ушли, я остался один. Она вернулась – девушка лет двадцати, в поношенных джинсах, футболке из секонд-хенда – подросток хиппи-панк из Англии. Я возмущена – они требуют билет, Я могу дать тебе бейджик участника. Нет, не нужно. Почему? Это отвратительно – требовать билеты. У вас в Англии что в галереи, и на выставки билеты не нужны? Нет, не нужны, это просто немыслимо, деньги повсюду, все продают, и покупают, это омерзительно, люди не понимают, что втягиваются в бесконечную игру потребления, того, что им не нужно. Машины убивают нас, люди не понимают, что превращаются в механизмы, это отвратительно... Я передаю только то, что смог уловить из ее чересчур чистого английского. Она говорила минут сорок, Я устал слушать, и перестал отвечать. Потом перестал слушать, не особенно скрывая. Ее это не смущало, я удивился, как она может так долго говорить без остановки и без всякого внимания. У некоторых девушек я наблюдал подобную способность, также эмоционально, с тоской и горечью, долго и без остановки говорить, описывая окружающий мир. Такой специфический «девчачий пессимизм». Иногда он бывает очень убедителен. Но не в тот раз. Мне стало тошно от этого непрекращающегося монолога, не нуждающегося в адресате. Также тошно

Панки — городская альтернатива образу жизни прилежных граждан — те кто был ими теперь лежат у пражского вокзала рядом с алкоголиками

нило меня и от собственной акции которая инициирует подобную ненужную пустую болтовню бойкотирующих биеннале в рамках самой же биеннале художников или группы соц. активистов в прошлый раз приезжавших в Прагу на антиглобалистские беспорядки а теперь на выставку чтобы расклеить плакаты «Сопротивление это секрет радости» Омерзительный контекст

На четвертый день итальянцы уехали и забрали свою палатку с собой Так закончилась «Голодовка без выдвижения требований»

Теперь я наблюдаю Прагу и Авдея снаружи палатки двигаюсь сам:

Авдей Тер-Оганьян – звезда московских восьмидесятых – главный на «Трехпрудном» эlegantный и жесткий «такой же» – хотя не могу сказать что хорошо помнил его в Москве – тогда я был совсем бессознательным Он такое впечатление сохранил в себе законсервированной московскую ситуацию московские мысли московского себя трехлетней давности: Ну это полная хуйня! Хуйня полная! Да таких убивать надо! Ну как бы такая... Ну ты что совсем охуел!? Это же очевидные вещи! Я родился и вырос в СССР и до сих пор придерживаюсь рационального взгляда на мир И христианство и модный сейчас буддизм – древние суеверия которыми людям морочат голову Ведь для большинства – что показывают по ТВ в то они и будут верить... Я авангардист я считаю реставрацию и вообще сохранение старой архитектуры ненужным Старые дома надо взрывать и строить новые

Авдей похож на восклицательный знак На отрицательный знак Его мысль стремилась поскорее разобратся с предметом своего внимания вынести какое-нибудь категоричное суждение оттолкнуться от него и мчаться дальше Он взял на себя роль отца или деда постоянно опекал нас накуривал водил по городу ночным клубам В то же время в разговорах был очень требователен категоричен даже жесток это неплохо но часто он заводился на мелочах – полная хуйня и все тут ничего не докажешь Я не знал что этому противопоставить и находясь между опекой и террором придумал себе роль писателя наблюдающего его со стороны «Таким же» ему на мой взгляд позволяла оставаться местная художественная ситуация во многом напоминающая московскую начала девяностых и даже более того Галерею в Трехпрудном К чести Авдея надо сказать что и Китуп и Дубосарский и я думаю многие художники Трехпрудного до сих пор находятся под его влиянием на телесном уровне – часто используют его интонации ужимки и гримасы

Сразу после окончания голодовки мы взяли травы вина и пошли на остров Двое парней из рестораника возле сквера в котором мы сидели оказались очень любезны после долгих поисков у себя они принесли нам штопор из другой залы Говорил в основном Авдей: Я считаю Бренера лучшим российским художником Того что он сделал достаточно чтобы быть в истории как Рембо Вы знаете? умер Свин Да конечно несколько лет назад Забавно все его тусовки происходили на квартире его мамы Да я сам долгое время жил

не думая о деньгах – меня кормила мама и это не составляло ей труда Ну что похоже нам полный пиздец – потеряна даже связь между отдельными сопротивляющимися группами все поступают работать в фирмы Раньше я устраивался сторожем в детский сад бухал через некоторое время меня выгоняли я устраивался в следующий и денег было достаточно ну типа как получать триста долларов а сейчас у вас денег совсем нету Конеч панка

Панки – городская альтернатива образу жизни прилежных граждан – те кто был ими теперь лежат у пражского вокзала рядом с алкоголиками Ненужные и грязные тупые Нужны иные трезвые способы работы

Мы сидим в господней так называется нечто среднее между рестораном и столовой Лена Ковылина назначила там встречу Авдею она покажет ему свое искусство Я неоднократно видел ее искусство Я Давид и Саша вышли в центр Праги за травой Ее можно купить в некоторых клубах и пивных их довольно много в городе Но в центре мы знали только «Шапаруш» Парня с травой который обычно пританцовывает у туалета на месте не оказалось Давид сказал – надо найти какого-нибудь панка Идем через «Староместске намести» в какой-то подворотне замечаем группу тинэйджеров и худого высокого парня с ирокезом Он спросил можно ли будет с нами покурить и обещал найти что надо С ним была потрясающе худая девчонка лет шестнадцати с малюсеньким котенком С пронзительным взглядом веселая и смелая! По дороге Микроб и Сюзи стреляли деньги у прохожих судя по всему это не доставляло тем дискомфорта прохожие даже гладили котенка и перекидывались с ними парой слов Когда проходили через большой парк Микроб

купил девчонке багет и отдал нищим мелочь Он рассказал что у него есть свой сквот

Минут через сорок мы оказались в «Луксоре» Дверь открылась и нас встретили четверо огромных мужиков они не хотели нас пропускать но Микроб знал одного с перекошенным носом Он взял деньги предупредительно отдав Давиду свой рюкзак и сказал подождать на улице...

Он достал из рюкзака шприц чтобы проколоть дырочки в фальге на бутылке съел нашу зажигалку которая взорвалась у него во рту и плевался горящим газом он запускал долгий паровоз каждому разным способом пел чешский панк-рок заставлял нести свои немецкие военные ботинки показывал удостоверение о том что он наркоман говорил что варит пер-

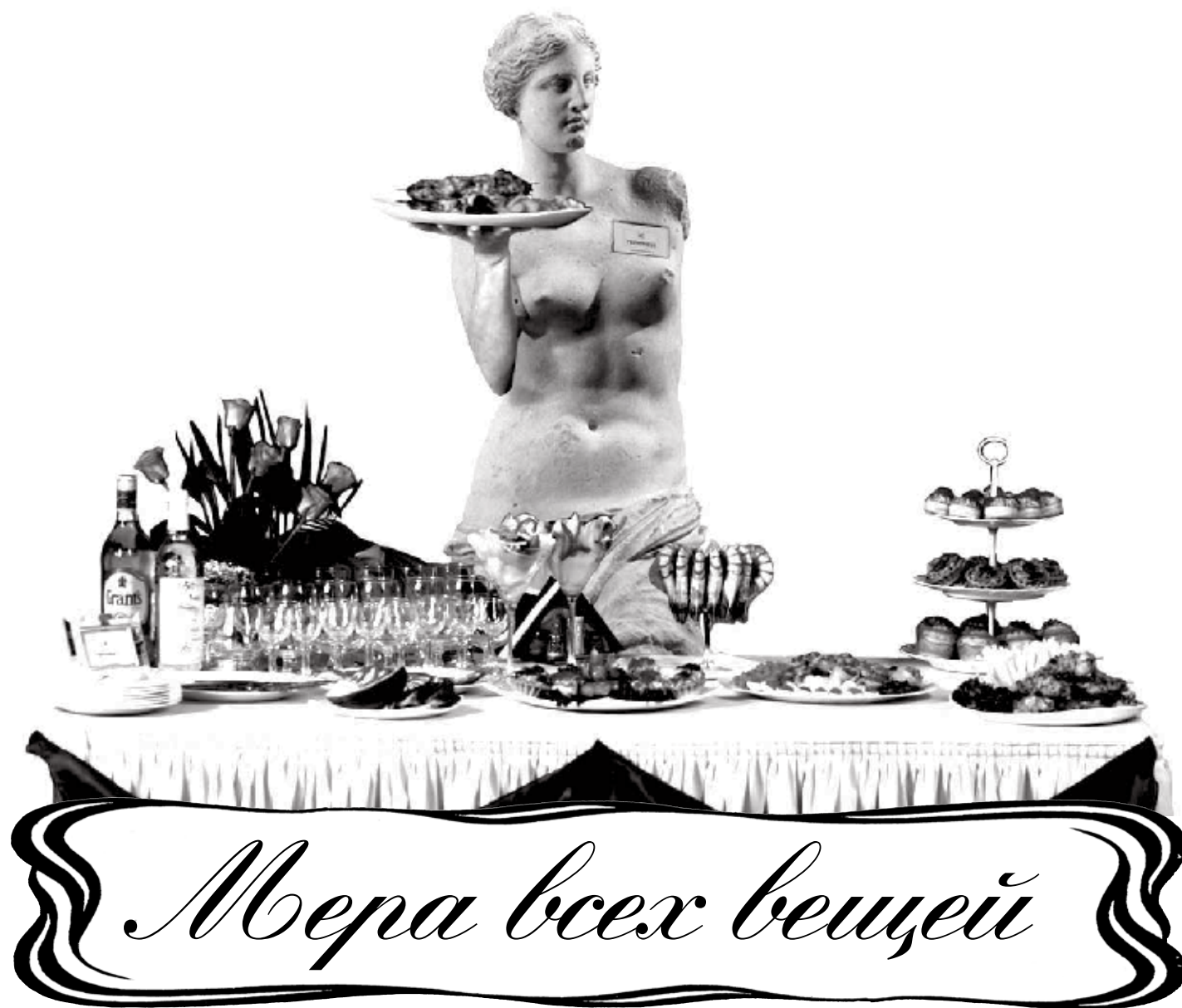
витин сворачивал набок кадык он был великолепен Сюзи показала нам свои татуировки – на одном плече небольшая звезда на другом какой-то абстрактный ничего не значащий квадратик и круг Когда я дрожал от холода она спросила – зима? Прислонилась к моей руке губами и несколько раз вдохнула под рубашку тепло – а теперь? Они купили штук двадцать пакетиков сливок для кофе и кормили ими котенка Я был потрясен и раздвлен влюблен в них обоих Я не был способен отвечать им чем-то хотя бы примерно таким же прекрасным В какой-то момент Давид начал мне казаться отупевшим увальнем любящим покурить травы и хорошенько поест Саша глупышкой не знающей то ли ей быть модницей то ли интеллектуалкой а я сам неуклюжим запуганным и неуверенным функцио-

нером Ну что встретимся завтра в семь в «Луксоре» – я сказал да хотя приходиться не собирался и это было написано в моих глазах Как ни странно – завтра мы оказались там и даже с Авдеем но их больше не встречали

Как это мерзко звучит! – современный художник – перед глазами встает образ замученного и амбициозного вымуштрованного культурой бедняги функционера с претензией и готовностью поиздеть о сопротивлении Впрочем я не романтизирую панк Панк должен умирать молодым иначе он превращается в кучу лохмотьев опустившегося на привокзальную площадь попрошайку Взрослым панком может быть только профессиональный шоумен Ну а Авдей все такой же

Павел Митенко

Мера всех вещей

Я совершенно серьезно считаю, что главное, что определяет, так сказать, качество художественного мероприятия (то бишь открытие выставки) – это фуршет. По фуршету определяется отношение к публике, зрителям, а также к самому себе. Делать хуевый фуршет – не уважать себя и остальных значит. Когда на открытии нет фуршета – это совсем плохо. Это цинично и издевательски нам напоминают, что мы сюда не жрать пришли, а типа искусство смотреть. Вы бы сначала работы хорошие сделали, а потом бы такое утверждали. Я клянусь – если выставка охуенная и перевернет мое сознание, то на фуршет мне насрать будет. Но чего-то давно такого не случалось, лет несколько уже. Отвратительно, когда вместо нормального фуршета – ограниченное количество бокальчиков с шампанским и какие-нибудь

мандаринки. Это значит, что вас не уважают. Помните, в школе, на окончании четверти, классе этак в пятом, были праздники и там был такой «сладкий стол», типа конфетки-хуетки, а все равно все в сортире тайком пиво пили. Вот если такие дела на фуршете, значит устроители выставки держат нас за таких пятиклассников. Еще можно понять, когда галерея типа некоммерческая, художники сами проставляются, а все бомжи, ни у кого денег нет. А вот когда подобное происходит в насосанной галерее, где в каждом углу висит по плазменному экрану, а так часто бывает, то это пиздец и позор. Это значит, что им жалко потратить какие-то сраные две копейки на то, чтобы всем было хорошо. То есть за людей они посетителей не считают. «Дыра прикрытая глянцем», блядь. И очень омерзительно на таких выставках смотреть на посети-

телей. Они там маются от скуки, ходят из угла в угол и делают вид, что смотрят искусство. Потому что сразу уйти как-то неудобно им кажется (ну это тоже глупость). Есть миф, что на открытиях выставок художественная тусовка общается. Это чушь. Для общения можно найти получше места, это лучше делать на хате или на худой конец в кабаке. Просто людям хуево от отсутствия фуршета, они понимают что их наебали, и как-то им неудобно. Хотя, если очень постараться, можно и винищем нажраться. Но это – путь слабых. На фуршете должен быть крепкий алкоголь, и побольше!!! Чтобы пьяные трупы после такого открытия надо было выносить из углов. Чтобы посетители были веселы и при деле, чтобы было здорово и угарно. Причем даже если вы стеснены в денежных знаках, проблема решается. Есть магазин конфискованного бухла на

Сенной под названием «Груз-200», есть магазин «Народный», там можно купить крепкое бухло по рекордно низким ценам (порядка 50 р. за пузырь), причем им никто еще ни разу не отравился, проверено на себе. Можно на худой конец спиздить бухло с другого фуршета, мы так пару раз делали. Со жратвой – как хотите. Можно заморочиться. Если у вас есть деньги, чтобы повесить в своей галерее плазменную панельку, то по-любому найдутся средства пригласить какую-нибудь службу «рыгальня на выезде». Если нет – можно нарезать бутербродов, а можно и не париться. Если есть крепкий алкоголь, то все равно все останутся веселы и довольны. Потому что выставка должна быть брешью света, праздником, освещающим скучную, тухлую и постыдную повседневную жизнь. Искусство не в состоянии обеспечить этого без надлежащей атмосферы алкогольного веселья. На выставках с нормальным фуршетом здоровая обстановка и они запоминаются надолго, на всю жизнь. Унылым бесфуршетным выставкам грозит быстрое забытие, сразу по выходу с галереи. В культурных учреждениях все начинает портиться с фуршетов. Я серьезно. Приведем несколько примеров:

1) у нас в Питере недавно открылся такой «арт-холл Монако». Там какие-то музейные коллекции якобы выставляются. Вот было там две выставки. И была там охрененная обжираловка. Рыбы красной столько, что не сожрать. Деликатесы всякие. И неважно было, что выставляли каких-то беспонтовых газаневщиков, я даже внимания

не обратил. А вот не далее как этим вечером пошли мы туда на очередное открытие. А фуршета нет. Шампанское и мандарины лежат сиротливо, и народ ходит озверевший, не знает куда прийтись. Стали мы от нечего делать смотреть выставку. Какие-то стекляшки, ну полная хуйня, не описать. И сидит симфонический квартет играет. И по плазме в каждом окне торчит. И какие-то стекляшки, значит, галимые выставлены. То есть когда есть жратва с бухлом, то на низкое качество искусства и не смотришь. А тут хуясе – а король-то голый! И все, пиздец.

2) а вот есть у нас такая галерея, называется «Глобус». Когда она только открылась, там на открытиях делал промо-акции коньячный завод «Апарат». Буквально ведрами текла конина десятилетней выдержки. Я ходил и охуевал – «о-о-о, галерея «Глобус» – это круто!». Меня Андрей Владимирович Ерофеев в Москве спрашивает – а где сейчас в Питере самая художественная живая жизнь? Я, естественно отвечаю – ну как же, в галерее «Глобус». Шло, значит, время. И начала галерея «Глобус» портиться. Сначала вместо коньяка стал глинтвейн. Потом вместо глинтвейна стал имбирный чай. Потом не стало ничего. Всем ясно, что это процесс деградации, сокрушительно и печального падения. И сразу стало важно то, что не замечалось раньше – висят там очень плохие порой работы. Совсем плохие. Хуже некуда, это я про последнюю выставку говорю, там была какая-то обсосная живопись пробитые автомобили и никаких фуршетов.

3) Премия Кандинского. На открытии выставки номинантов в 2007 г. был дым коромыслом, вино анлимитед и все жрали руками суши. В 2008 г. было пафосное открытие в ЦДХ, вход по приглашениям и ограниченное количество вина плюс орешки. А главное – сама выставка номинантов 2008 была отчетливо хуже, чем в 2007 г. И это отметили, кстати, все, с кем я общался на эту тему. Чувствуете прямую зависимость? И вы еще имеете наглость спрашивать, почему победил Беляев-Гинтовт. Да-да. Потому.

4) Про то, что на «Пушкинской-10» давно нет никаких фуршетов и туда ходят только 80-летние зомби я вообще не хочу говорить. Это некрофилия всухую. Единственная мало-мальски живая галерея – это «Navicula Artis». Там дают на открытиях какого-нибудь бухла, правда немного, но там галерея некоммерческая, это простительно, зато обстановка домашняя. Сиди на подоконнике – и пей.

Все это я говорю к тому, что выставка должна быть Праздником с большой буквы, не должна вводить в грех уныния, а должна воодушевлять на новые подвиги души. И когда я говорю, что художественная ситуация портится, я имею в виду именно фуршеты. Опомнитесь, опомнитесь, я вам говорю! Ведь если вот так пойдет дальше, то не будет нигде фуршетов, кроме редких выставок «группировки ПРОТЕЗ». И поймут все, что нет в искусстве никого кроме нас. И всех жлобов кинут на съедение собакам, а мы пойдем по направлению к светлому счастью человечества, воплощая собой Новый Позитивный Образ России!!!

Григорий Юценко, арт-группировка «ПРОТЕЗ»

МАХНОВЩИНА

Было, наверное, около восьми утра. Точно сказать сложно – счастливые часы не наблюдают. На окраине нашего села стояли все местные парни, красавцы все как один, у каждого – хотя бы по одному шраму, полученному на маховских фронтах. Сразу за нашим селом лежало огромное поле, ходившее напрямик к Днепру. По этому полю улепетывали остатки деникинцев.

Деникинцы напали на наше село на рассвете. Несколько часов шел люютый бой, за каждую хату и каждый переулок. Несмотря на преимущество неожиданной атаки, деникинцы проиграли. Большая их часть полегла ещё в селе, а остатки бежали по голому полю к огромной реке. Все наши стояли с ружьями, как и я.

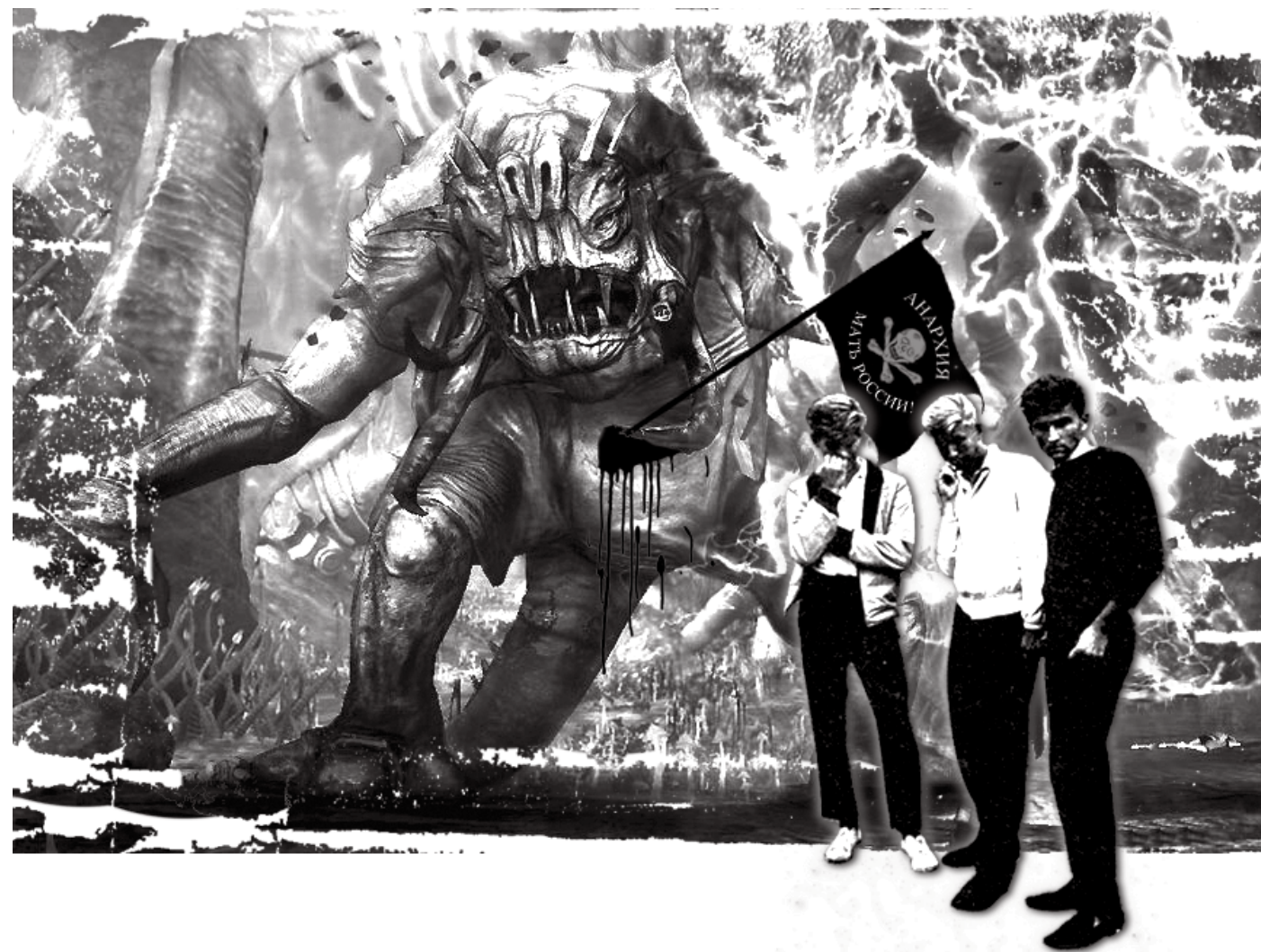
Справа от меня стоял Степан, а слева – Семен. Шансов у деникинцев не было никаких. Спрятаться им негде: сзади – маховцы, слева

и справа – голое поле, впереди – Днепр. Деникинцев отстреливали как позорных псов. От пуль они падали один за другим. Тут я подумал, что такая смерть для них слишком легка. Я схватил вилы и рванулся в поле. Я представлял, как всажу их в спину какому-нибудь теряющему силы деникинцу, как он будет умирать, чувствуя жгучую боль и видя окровавленные вилы, вышедшие у него спереди между ребер. Я почти уже догнал белогвардейца... Но он, сука, развернулся и пальнул мне в лицо из нагана. В последние секунды перед смертью я видел, что его изрешетили пули моих товарищей. Но мою жизнь было уже не спасти.

Я очнулся на огромном футбольном стадионе. Он был битком набит, десятки тысяч людей сопереживали 22-м спортсменам на поле внизу. Я стоял на фанатском секторе одной команды, напротив нас был сектор фанатов другой. Справа от меня стоял Степан, а

слева – Семен. Накал выкрикивания взаимных оскорблений между секторами все увеличивался. Суть сводилась к тому, что мы – маховцы, а они – деникинцы. Где-то в середине второго тайма мы заметили непонятное шевеление на трибунах напротив. Тут же человек пятьдесят наших вскочило (я был в самой гуще, и, конечно, следовал за своими) и рвануло со стадиона.

На улице нас попытались взять под контроль менты, но безрезультатно. Пробежав метров триста дворами, мы оказались на абсолютно пустой улице. Тут подъехала тачка, из которой вылез бритый толстый мужик лет тридцати пяти с аккуратной бородкой и дико злыми глазами. Я о нем совсем забыл – он пропал с нашего сектора в середине первого тайма. Злой мужик открыл багажник машины, где была сложена арматура. Все, в том числе и я, начали её разбирать. И очень вовремя разобрали – из-за угла на нас вылетела толпа деникинцев, тоже вооруженная.

И я, и Семен, и Степан, да все наши – все мы выкладывались на сотни процентов. Наши собственные идентичности, как цемент, скрепили каменный кулак нашего отряда. Мы должны были разогнать, прорваться сквозь враждебную биомассу. Ни о чем другом никто из нас не думал. Мы шли плечом к плечу и клали врага. Своим металлическим прутком я ломал руки, пытавшиеся прикрыть головы, делал борщ из вражеских рож, крошил височные кости. Троих я успокоил наверняка – если не пять – посчитать непросто. Но тут нарисовался ОМОН. Дабы разогнать сразу всех, омовцы атаковали наших сзади. На долю секунды я обернулся на шум, а в это время истекающий кровью, стоящий на четвереньках деникинец, которого я как раз собирался добить, вскочил и воткнул мне в живот огромный нож. Умирая, я видел, как наши погнали деникинцев и, развернувшись, начали организованно отступать, не давая в лапы ОМОНа.

Я оказался на какой-то непонятной планете. Может быть, это была и Земля – например, после ядерной зимы. Всюду росли одуванчики размером с сосны, а по поверхности шныряли говорящие жирафы. Как я понял, жирафы были очень обеспокоены предстоящей на их местности битвой. Маховцы группировались у высоких скал на западе. У нас было 50 танков и 200 вертолетов. Я сидел в вертолете, справа от меня сидел Степан, а слева – Семен. Из бесконечных лесов с юга на нас двинулись деникинцы. Их командование сильно просчиталось, выставив на битву только 40 вертолетов и 300 танков. Белогвардейские вертушки мы перебили минут за пятнадцать. Они падали в горящие одуванчики как больные СПИДом стрекозы.

Наши танкисты мужественно продержались до маховской победы в небе. Ну а мы, соответственно, принялись им помогать. Деникинцы были обречены. С безопасной высоты мы вырубали один танк за

другим. Но скоро с земли уже шла такая гарь, такой дым, что уже фиг чего было можно углядеть. Но это же не аргумент бросить наших танкистов! Наш вертолет спустился близко к земле и... Напоролся на деникинский снаряд. Вертолет загорелся, Степан и Семен катапультировались... А у меня чего-то там заело. Я падал вместе с вертолетом. За пару мгновений, пока длилось падение, я увидел на земле трех раздавленных жирафов, горящие одуванчики и груды искореженного железа. А потом огонь меня забрал.

Я оказался в сосновом лесу. Я был в латах, на лошади, с мечом на боку и копьём в руке. Справа от меня на своей лошадке был Степан, а слева на своей – Семен. Вытянувшись в длинную цепь, стояли другие маховцы. Мы ждали деникинцев...

Исаак Тинькофф

ВАГОН

Я вошел в вагон метро. Я только что вернулся из-за границы. Настроение было благодушным. Со мной были рюкзак, новый сканер и видеокамера. Я уселся на лавку и достал свежий номер газеты. Развернул его и.... «Жид!» – услышал я громкий окрик. «Жид! Что ж это делается... В вагоне жид!!!» Ну, вот, началось, подумал я. Медленно поднял голову. И увидел здорового красномордого мужика в остроносых туфлях на босу ногу. Мужик обращался не ко мне. Он нависал над очкастым белобрысым пареньком явно славянского вида. С пареньком была девушка «Я не еврей», – запинаящимся голосом попытался оправдаться паренек. «Жид, жид, – не утихал мужик. – Жид очкастый. Кучерявый. Продали Россию-то, а? Вот теперь и ответишь!» Но тут двери открылись. Девушка схватила парня за руку. «Вася, нам пора!» Они как-то выскользнули из-под

мужика. И выбежали прочь. Вроде, пронесло, подумал я. Но не тут-то было. Взглядом раненого быка мужик начал обводить вагон. В поисках новой жертвы. Все тут же надвинули кепки на глаза, притворились спящими или принялись читать свои книги и газеты. Я тоже уткнулся в газету. И попытался перебрать варианты. Оставаться так сидеть – явно бессмысленно. Рано или поздно мужик докопается. Отнимет мою газету. Собьет с головы бейсболку... Попытаюсь выйти на станции – как-то несолидно... И что я потом буду рассказывать друзьям? Про то, как позорно смылся, когда меня даже никто не трогал? Вступить в бой – но как-то жалко сканер. Он же первым пойдет в дело. Придется расколоть его об голову мужика. А потом я окажусь в отделении милиции. Я, взрослый, серьезный мужчина. Только что вернувшийся из загранкомандировки. Также не вариант... И тут

раздалось: «Что ж это делается... Среди нас... Чечен!!! Чечен, епт!!! В вагоне чечен, нах... Чечен оказался... Вай-на-аххх!!!!!» Прямо над моим ухом. Я обреченно поднял голову и... обнаружил, что мужик опять обращается не ко мне. Он кричал на моего соседа. Молодого человека стертой внешности. «Я не чечен, – скромно ответил тот. – Я дагестанец». «Дагеста-нец? Даг?! Ваше обнаглели тут! В Москву, суки, понаехали. Убирайся в свой Дагестан!» Сосед попытался что-то объяснить. Что Дагестан – это Россия. А Москва – наша общая столица. Но мужик все не унимался и орал. С дагестанцем тоже оказалась подружка. На станции она сказала: «Аслан, нам пора». И потянула его за локоть. Аслан выходил медленно и гордо. Всем своим видом он как бы показывал, что выходит просто потому, что это его станция. И его девушка торопится. А так бы он и не вышел, а достойно

дал сдачи. Но тут мужик пропел последнюю ноту: «Черномазый... Черножопый... Скоро мы выедем вашу черную жопу!!!» Это было уже слишком. В Аслане разыгралась кавказская кровь. Он не удержался и постарался лягнуть мужика. Но удар получился каким-то странным. Наверное, потому что в этот момент девушка его дернула за руку. Так что по мужику он не попал, а поскользнулся и просто вылетел из вагона вверх тормашками. Двери закрылись. Новым, победным взглядом мужик обвел вагон. «Видели, как я его?» – обращался он к воображаемой аудитории. «Эх, если б все вместе...» Но тут взгляд его изменился. Он нахмурился. Снова стал выискивать жертву. Я понял, что отступать уже некуда. Рядом со мной никого не было. Позади лишь сканер и камера. Так что когда его взгляд дошел до меня, я не отвел глаза. Твердо посмотрел прямо ему

в лицо. Стиснул кулаки. Я... Но тут случилось нечто странное. Взгляд мужика ненадолго остановился на мне, как будто споткнувшись, а затем прошел дальше. Мужик смотрел куда-то вдаль, за меня. Я тоже посмотрел туда. Мы вместе с ним посмотрели в ту сторону. И увидели там стайку неформалов в бейсболках. Среди них выделялся один. Его глаза округлились и бешено вращались. Он весь был, как сжатая пружина. Я понял, что еще раньше заметил его. Боковым зрением. Думал, что он хочет присоединиться к мужику. Только ждет подходящего момента. Но тут я пригляделся повнимательнее. Парень был чернявый. «Явно с примесью нерусской крови», – подумал я. Подумали мы вместе с мужиком. «Ребята, – пропел мужик. – Ребята. Как же это так... как же среди вас... Жид затесался!!!!» И тут пружина раскалась. Парень подбежал, нет, полетел к мужику и ударил его с

ноги в лицо. Мужик впился головой в окно вагона. Раздался звон стекла. Через минуту мужик уже лежал на полу. А парень наносил ему стремительные удары кулаком в лицо: «Заебал ты, сука, заебал, со своими жидками, заебал со своими чеченами, заебал...» Летели брызги крови. Друзья пытались оттащить парня. Девушка визжала: «Леша, только не убивай!» Потом снова была станция. И они выбежали на перрон. А мужик остался валяться в луже крови. Он как-то тоненько выли: «Иии.. за что...» Добивать поверженного титана не хотелось. Помогать ему тем более не было настроения. Спектакль закончился. И билет на него я не покупал. Поэтому на следующей станции я тоже вышел. Решил подождать другой поезд. Сел на скамейку. И только тогда ощутил, как сильно колотится мое сердце.

Обыватель Фалько

Наташа Кудненко

21 лет, художник

Top, Le Coq Sportif;
платье,
Martin Grant;
бабочка, Gant.

Выбежать в день президентских выборов к малаюлею с лозунгами «Против всех»; созвать гостей в новую галерею «Спецприемник», указав на приглашении адрес Баумалского районного отделения милиции, и снимать из-за угла растерявших посетителей на скрытую камеру; пучаствовать в съемке для женского журнала Madame Figaro с целью на своем примере показать, как эксплуатируется и современном мире массмедиа женский образ. Все это – искусство, которым занимается Саша Галкина.

В 16 лет обычная школьница Саша, слетка интересующаяся современным искусством, попала в Школу авангардизма – курс современного искусства, который организовал скандально известный художник Андрей Тер-Оганьян. Помимо базовых импровизированных лекций о современном искусстве Тер-Оганьян устраивал своим воспитанникам учебные боем:

на занятиях студенты должны были научиться кричать, плакать, ругаться матом и показывать попу. В программу также входил курс «испрровержения кумиров». Выглядело это так: на занятия приходил, например, Дмитрий Александрович Пригов или Константин Звездочетов, и студенты должны были аргументированно испровергнуть признанных уже мэтров.

С тех пор Саша занялась искусством, которое она сама называет «прямым высказыванием». Между любым актом искусства и зрителем всегда присутствует посредник – холст, галерея, медиа и многое другое. Саша считает, что действовать надо напрямую. При этом простые провокации уже никого не удивляют. Придумывать надо тоньше. Сейчас она работает в паре с Давидом Тер-Оганьяном,

и недавно они вместе устроили акцию

«Ни жюри, ни приза». Впервые в Москве устроили молодежную биеннале, заявки на конкурс могли присылать кто угодно и какие угодно. «Не было никакого формата», – говорит Саша. – Потому что никто не знает, что это должно быть. И непонятно, как они собирались определять победителей и по каким параметрам. Фигация». И Саша с Давидом объявили альтернативную биеннале. Точно так же, без всяких условий.

Большинство заявок, присланных им, оказались теми же, что приходили на официальную биеннале. Но, как и было заявлено, никакого жюри, конкурса и победителей в их биеннале не было. Они просто издали брошюру, сборник заявок, который, по их мнению, лучше всего отражает состояние современного искусства.

«Буррайтскис»
не нам
ура

не
теши
мне!

любимые

115 MADAME FIGARO

А. СКОБ. ФОТО: А. БАЛАН. КУДЕНКО: Ю. КОЗЛОВ

ВЫСТУПАЕТ

шИт-ЖиД ГрУппА

Жердь и Жир

любое
Время
Любое
Место

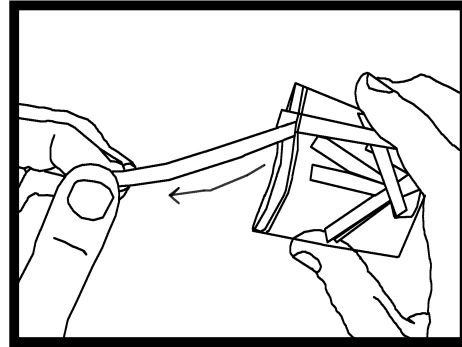
НА ЭТОМ
Свете
и
На том

Мне предложили дать интервью для одного женского журнала. Включая съемку в модной фирменной одежде. Интервью я дала сама, а на съемку поехала одна моя подруга, с которой я заранее договорилась. В течение 6 часов съемочная группа работала с ней, ничего не подозревая.

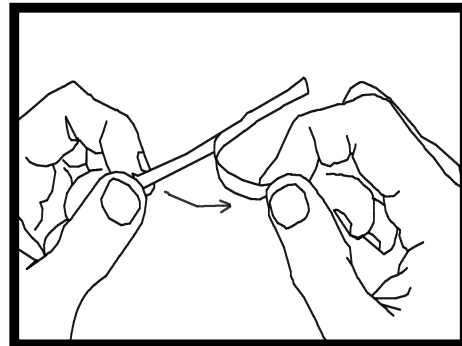
Они все врут, они все сожрут".

ДОЗА ГНЕВА

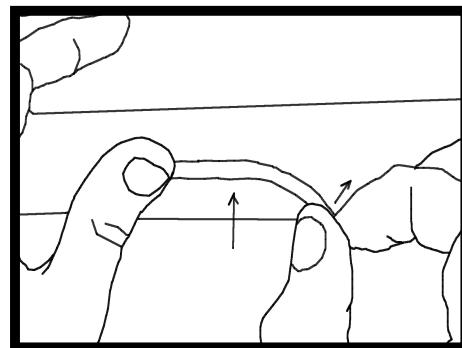
1

2

3

Редактор: Фалько
Дизай: Катала

Участвовали: Безумец, Биди, Донов,
Острецов, Митенко, Укроп, ДБ, Просак,
Прекрасный Май, Тинькофф, Мармирус,
Ющенко, Галкина, Керви, Тер-Оганян,
Ряба, Романова, Силаев, Ридный

При поддержке Черепа

© ПГ, 2009
www.pop-grafika.net